

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4(8)
2018

ISSN 2542-1840 (print)
ISSN 2541-9145 (online)

СЕРИЯ:

Гуманитарные и общественные науки

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Гуманитарные и общественные науки

2018 № 4(8)

Издается с марта 2017 года

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Бибилло В. Н., д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).

Бобриков В. Н., д-р пед. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).

Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Жукова О. И., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Золотухин В. М., д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Красиков В. И., д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Ляковска К., д-р права (habil.), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Московченко О. Н., д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).

Халяпина Л. П., д-р пед. наук, проф., СПбПУ (Санкт-Петербург, Россия).

Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Чистякова С. Н., д-р пед. наук, академик РАО, академик-секретарь РАО (Москва, Россия).

Чурекова Т. М., д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

BULLETIN

OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Series: Humanities and Social Sciences

2018 no 4(8)

Founded in March 2017

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University"

Editor-in-Chief: Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Valentina N. Bibilo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Valeriy N. Bobrikov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Viktor V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Olga I. Zhukova, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr. of Philosophy, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Vladimir I. Krasikov, Dr. of Philosophy, Prof., All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Katarzyna Laskowska, Dr. of Law (habil.), Prof., University of Białystok (UWB, Białystok, Poland).

Olga N. Moskovchenko, Dr. of Pedagogic, Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Lyudmila P. Khaliapina, Dr. of Pedagogic, Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Svetlana N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic of the RAE, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Science Editor of the series, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842)58-12-26
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, тел. 8(3842)58-13-01
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Сайт издания: <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 94032

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67379

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: 8(3842)58-12-26
Fax: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St., tel.: 8(3842)58-13-01
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Web-site: <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

Subscription indices: 94032 – in the United catalogue
"The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the «Russian Science Citation Index».

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

- Управление качеством организации учебно-воспитательной работы: проблемы, достижения и перспективы
Калистратова В. В., Устинова Л. А., Меделец О. В. 4
- Культура профессиональной деятельности личности: детерминанты и модели
Маринич Н. В., Козырев Н. А., Шевченко Р. А. 11
- Педагогические основания формирования культуры самостоятельной работы студента – будущего инженера-строителя
Матвеев А. А., Невзоров Б. П. 20
- Педагогические основы реализации идей здоровьесбережения в системе занятий ритмопластикой
Русинович А. А., Угольников О. А. 34

ФИЛОСОФИЯ

- Экзистенцирующий тип человека как выражение историко-социального бытия
Жукова О. И., Жуков В. Д. 41
- Феномен этнического ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога
Курбачева О. В. 49

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- О значении мотивированности судебных решений в уголовном процессе
Беляев М. В. 57
- К вопросу о создании советской адвокатуры
Гаврилов С. О. 62
- Попытка выделить оперативно-разыскное обеспечение убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, в специальную категорию оперативно-разыскной деятельности
Драпезо Р. Г. 70
- Альтернативные доктрины соотношения Европейского публичного права и международного права
Марухно Е. Ю. 76
- Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы
Попова Д. Г. 84
- Учёт особенностей психологической защиты подозреваемых и обвиняемых, совершивших насильственные преступления, для осуществления рефлексивного управления при проведении допроса
Репин А. В. 92
- Муниципальные акты, регулирующие осуществление, обеспечение и защиту прав и свобод человека
Трещева О. Ю. 99
- О влиянии законности и юридической ответственности на формирование правового статуса должностных лиц органов внутренних дел
Чернова Е. Г. 104
- Указатель статей, опубликованных в журнале «Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки» в 2018 году 110

CONTENT

PEDAGOGICS

- Quality Management of Curriculum and Discipline: Problems, Achievements, and Prospects
Kalistratova V. V., Ustinova L. A., Medelets O. V. 9
- Culture of Individual Professional Activity: Determinants and Models
Marinich N. V., Kozyrev N. A., Shevchenko R. A. 18
- Formation of Self-Study Culture in Future Civil Engineers: Pedagogical Foundations
Matveev A. A., Nevzorov B. P. 31
- Health Saving in Calisthenics Pedagogical Foundations
Rusinovich A. A., Ugolnikova O. A. 39

PHILOSOPHY

- Existential Personality Type as an Expression of Historical and Social Being
Zhukova O. I., Zhukov V. D. 47
- The Phenomenon of Ethnic Renaissance in the Conditions of the Global Transcultural Dialogue
Kurbacheva O. V. 55

JURISPRUDENCE

- On the Importance of Motivation of Judicial Decisions in Criminal Proceedings
Beliaev M. V. 60
- The History of the Soviet Bar Association
Gavrilov S. O. 68
- Investigation of Murders where Fire Acts as a Tool (Method) of Suppression of Crime Traces as a Special Category of Operational-Investigative Activity
Drapezo R. G. 74
- Alternative doctrines of the correlation of European public law and international law
Marukhno E. Y. 82
- Professional Judicial Representation: Current Situation and Prospects
Popova D. G. 90
- Psychological Defense in Suspects and Defendants Charged with a Crime of Violence: Reflexive Control during Interrogation
Repin A. V. 97
- Municipal acts governing the implementation, enforcement and protection of human rights and freedoms.
Trescheva O. Yu. 103
- The Influence of Legality and Legal Responsibility on the Formation of the Legal Status of Officials of Internal Affairs
Chernova E. G. 108
- Index of articles published in the journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences" in 2018 113

УДК 378.1; 371.3

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Валентина В. Калистратова^а; Лариса А. Устинова^а; Ольга В. Меделец^{а, @}

^а *Средняя общеобразовательная школа № 26 г. Новокузнецка, 654007, Россия, г. Новокузнецк, пр-т Пионерский, 36*

[@] *nvkz-shk26@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.04.2018. Принята к печати 08.11.2018.

Ключевые слова:

педагогическое моделирование, педагогическая методология, педагогическая поддержка, свободная воспитательно-образовательная среда, педагогические условия управления качеством

Аннотация: В статье описываются возможности управления качеством организации учебно-воспитательной работы, выявляются противоречия и проблемы управления качеством организации учебно-воспитательной работы, детализируются различные достижения в структуре управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении, определяются на основе анализа и моделирования перспективы управления качеством организации учебно-воспитательной работы. В структуре описания теоретических основ управления качеством организации учебно-воспитательной работы отражаются принципы, формы, методы и педагогические условия оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении. В основе практико-ориентированного описания возможностей решения задач и проблем управления качеством организации учебно-воспитательной работы определяется практика персонифицированной и унифицированной работы с обучающимися, родителями и педагогами средней общеобразовательной школы. Многомерность детерминации и оптимизации поставленных педагогических условий управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении определяют перспективы разработки программно-педагогического сопровождения развития личности в среде средней общеобразовательной школы. Теоретизация и оптимизация качества организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении социально обусловлена двумя составляющими – разработкой и уточнением программно-педагогического сопровождения деятельности педагога (учителя) по решению задач развития и социализации, самореализации и рефлексии; практико-ориентированной работой педагогов (учителей) в ситуативной акмеверификации качества решения задач развития и социализации, самореализации и рефлексии.

Для цитирования: Калистратова В. В., Устинова Л. А., Меделец О. В. Управление качеством организации учебно-воспитательной работы: проблемы, достижения и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 4–10.

Введение

Управление качеством организации учебно-воспитательной работы в современной системе непрерывного образования вызывает интерес у молодых педагогов и педагогов-профессионалов, у родителей и лиц, заменяющих ребенку родителей, гарантируя тем самым выделение и оптимизацию множества решений задач и проблем управления качеством организации учебно-воспитательной работы, что определяется через системный учет научно-педагогического опыта постановки и решения задач развития в моделях управления

и оптимизации качества педагогической деятельности [1–14]. Возможности управления качеством организации учебно-воспитательной работы определяются в конструктах и моделях противоречий и проблем управления качеством организации учебно-воспитательной работы, в различных достижениях личности и образовательной организации при визуализации основ и результатов организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении. На основе анализа и моделирования, проектирования и уточнения можно выделить

в такой работе перспективы управления качеством организации учебно-воспитательной работы.

Принципы, формы, методы, функции, педагогические условия оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы

Для описания теоретических основ управления качеством организации учебно-воспитательной работы необходимо уточнить рабочие определения понятий, выделить принципы, формы, методы, функции и педагогические условия оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении. Для этого определим работы по теории и практике педагогического моделирования [2–8; 13] основой качественного решения поставленной задачи, работы по фасилитации и педагогической поддержке [12; 14] – основой повышения качества решения задач развития личности в генеральной совокупности обучающихся образовательной организации, работы по теории и практике управления качеством образовательных услуг и функционирования образовательных учреждений [1–14] – основой синергетической самоорганизации качества детерминации основ и продуктов педагогической деятельности.

Под принципами управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении будем понимать совокупность основных теоретико-эмпирических положений, гарантирующих при персонифицированном и коллективном использовании у педагогов высокие результаты в выделенных направлениях поиска, раскрывающих основы и результаты повышения качества развития личности обучающегося и педагога, предопределяющие в репродуктивно-продуктивном выборе уровневое акмепедагогическое развитие личности и оптимизацию качества функционирования системы непрерывного образования.

Под формами управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении будем понимать организационно-педагогические мероприятия, в основе и продуктах которых определяется управление качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении.

Под методами управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении будем понимать пути, способы управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении, гарантирующие повышение качества решения задач развития личности, предопределяющие продуктивно-персонифицированное решение задач социализации и самореализации, сотрудничества и общения.

Под функциями управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образова-

тельном учреждении будем понимать реализуемые в широком смысле педагогические задачи, предопределяющие оптимальное построение основ и практики учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении.

Под педагогическими условиями оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении будем понимать совокупность кейс-моделей, основы которых представляют сложную структуру, многомерно уточняемых и объединяемых конструктов «если-то-иначе», предопределяющих качественное многомерное выявление и решение противоречий в теории и практике управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном.

В основе практико-ориентированного описания возможностей решения задач и проблем управления качеством организации учебно-воспитательной работы определяется практика персонифицированной и унифицированной работы с обучающимися, родителями и педагогами средней общеобразовательной школы, что в теоретическом обосновании может быть раскрыто через детерминируемые принципы, формы, методы, функции и педагогические условия оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении. В таком понимании определим используемые принципы, формы, методы, функции управления качеством организации учебно-воспитательной работы и педагогические условия оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении на примере работы МБОУ «СОШ № 26» г. Новокузнецка представим продукты успешных форм решений задач построения социально-образовательных отношений.

Принципы управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении:

– добровольности и посильности решаемых задач личностью в системе управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении;

– научности и достоверности определяемых и решаемых задач педагогической деятельности в образовательном учреждении;

– фасилитации и педагогической поддержки личности, включенной в систему непрерывного образования;

– социализации и самореализации личности в иерархии уточняемых условий развития *хочу, могу, надо, есть*;

– возрастосообразной педагогики в постановке и решении задач современного образования и развития личности в воспитательно-образовательном пространстве;

– дихотомии и синергетической коррекции качества сочетания традиционных и инновационных средств и методов современной педагогики как основы гармонизации отношений и продуктивного выбора условий решения задач развития личности в модели ведущей деятельности и хобби;

– поэтапного персонифицированного перехода от репродуктивных методов и форм решения задач развития к продуктивным (уточнение и детализация акметраектории становления личности);

– ситуативности и целостности в постановке и решении задач управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении;

– формирования интереса к проблемам развития и саморазвития у личности, включенной в систему непрерывного образования;

– формирования и развития мотивов и целеполагания личности на основе учета условий и моделей нормального распределения способностей и здоровья обучающихся в ученическом коллективе;

– формирования потребности в здоровом образе жизни и культуре здоровья личности;

– неоднородности развития личности и коллектива в детализации основ и технологий, продуктов и ресурсов управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении;

– формирования потребности в акмедостижениях, позитивном развитии, сотрудничестве, социализации и самореализации личности и коллектива;

– включения методов и средств, технологий и форм соревнований и рефлексии в работу педагогов и обучающихся, родителей и заинтересованных лиц (конкурсы, программы развития, гранты, портфолио и пр.);

– стимулирования качественного решения задач управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении;

– оптимизации модели и технологий работы с обучающимися, педагогами и родителями;

– теоретизации и модернизации качества управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении.

Функции управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении:

– организационно-педагогическая;

– коррекции и самоорганизации качества решения задач развития и самоактуализации;

– рефлексии и самоанализа результатов деятельности и общения личности и коллектива;

– поэтапного проектирования, детализации, программирования и уточнения акмедостижений личности и коллектива;

– здоровьесбережения и продуктивности, самосохранения и гуманизма, конкурентоспособности и устойчивости развития личности и коллектива в антропопространстве;

– уровневого развития личности и коллектива;

– мотивационно-деятельностная;

– развития и психокоррекции личности и коллектива;

– фасилитации и педагогической поддержки;

– реализации персонифицированных моделей получения образования и включения личности в профессионально-трудовые отношения и пр.

Педагогические условия оптимизации управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении:

– учет всех составных развития личности и коллектива в реализации идей здоровьесбережения и продуктивности, самосохранения и гуманизма, конкурентоспособности и креативности;

– учет нормального распределения способностей и здоровья личности в системном определении основ и ресурсов решения задач развития *хочу, могу, надо, есть*;

– формирование потребности личности и общества в высоких достижениях и качественных, инновационных формах самоорганизации решения детерминируемых задач и оптимизируемых противоречий;

– формирование потребности в самоактуализации и самосохранении личности и общечеловеческих ценностей и норм культуры;

– стимулирование всех составных развития и сотрудничества личности и коллектива в решении поставленных перед личностью и обществом проблем и задач;

– научная организация труда и воспитательно-образовательной деятельности личности в коллективе и пр.

Основные результаты деятельности

Выделим реализуемые формы учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении (на примере МБОУ «СОШ № 26» г. Новокузнецка). За 2017–2018 учебный год они отразились в следующих школьных проектах: «Здравствуй, Весна!», «С Днём защитника Отечества!», «75-летию Кемеровской области посвящается», «Снеговичок Добра», «Зимние каникулы», «Всероссийская неделя профориентации», «Волшебный урок физкультуры», «Посвящение в пятиклассники», «Знаюки музыки», «Посвящение в первоклассники», «Стань звездой – 2017», «Месячник безопасности – 2017», «Профессиональное самоопределение учащихся», «День знаний – 2017» и пр.

В структуре работы с обучающимися МБОУ «СОШ № 26» г. Новокузнецка функционирует музей школы, в котором коллектив педагогов работает над

проблемами сбора информации о наследии развития общества, личности обучающегося и педагога. Документальная информация в музее школы пополняется новыми данными. Так, была определена музейным экспонатом информация о Владимире Машкове (обучение в школе В. Машкова; посещение им школы, будучи актером, и пр.). Все достижения обучающихся, педагогов, родителей в работе с обучающимися школы также становятся достойными экспонатами музея школы.

В МБОУ «СОШ № 26» функционирует туристический клуб «Азимут», особенности работы и достижения которого описаны на сайте школы. Клуб был образован в 1987 г. как туристический кружок в школе. Свое название получил в 1997 г., за это время совершено 30 категорийных походов и более 50 некатегорийных походов. Туристический клуб «Азимут» подготовил 5 мастеров спорта, 23 кандидата в мастера, более 100 разрядников, 7 человек становились победителями Первенств России, 24 человека выигрывали соревнования всероссийского уровня. К основным направлениям деятельности клуба относят спортивное (участие в спортивных соревнованиях по спортивному ориентированию), туристское (походы по родному краю и поездки по стране), краеведение (участие в научно-практических конференциях и олимпиадах).

Школьная служба примирения в МБОУ «СОШ № 26» г. Новокузнецка – это целостная, системная работа психолога с обучающимися, родителями и педагогами, имеющими опыт в разрешении конфликтных ситуаций посредством оказания помощи и психологического консультирования.

Многомерность детерминации и оптимизации поставленных педагогических условий управления качеством организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении определяют перспективы разработки программно-педагогического сопровождения развития личности в среде школы. Теоретизация и оптимизация качества организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении социально обусловлена двумя составляющими – разработкой и уточнением программно-педагогического сопровождения деятельности педагога (учителя) по решению задач развития и социализации, самореализации и рефлексии [3; 9]; практико-ориентированной работой педагогов (учителей) в ситуативной акмеверификации качества решения задач развития и социализации, самореализации и рефлексии. Выделенные работы по теоретизации и оптимизации качества организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении определяются в структуре визуализации основ и результатов разработки и уточнения программно-педагогического сопровождения деятельности педагога (учителя)

по решению задач развития и социализации, самореализации и рефлексии, что визуально отражается в контексте постановки и решения поставленной педагогической задачи в работе педагогов МБОУ «СОШ № 26» г. Новокузнецка. Необходимость построения и обновления программно-педагогического сопровождения деятельности педагогов в структуре детализации основ и продуктов организации учебно-воспитательной работы в образовательном учреждении обусловлена теоретизацией и унификацией профессионально-педагогического знания, опыт которого в современной практике научно-педагогического выбора сохраняют в научных публикациях (научные статьи, учебные пособия, монографии и пр.).

Другим новообразованием достижений деятельности педагогов и администрации в определении возможностей управления качеством организации учебно-воспитательной работы МБОУ «СОШ № 26» г. Новокузнецка является доступная воспитательно-образовательная среда (доступная среда).

Доступная среда – это реализуемая модель фасилитации и педагогической поддержки личности (ребенка) с ОВЗ, раскрывающая перспективы и возможности решения и уточнения задач *хочу, могу, надо, есть* в иерархии детализируемых особенностей продуктивного выбора личностью основ становления, социализации и самореализации.

В МБОУ «СОШ № 26» 904 обучающихся, их них 114 учащихся с ОВЗ (по заключению ПМПК), 5 детей-инвалидов (3 человека обучаются на дому), 54 человека – воспитанники детского дома «Остров надежды».

Направления коррекционной работы логопеда:

- развитие фонематического слуха;
- развитие фразовой речи;
- развитие и уточнение пространственно-временных представлений;
- развитие и расширение объема внимания и памяти;
- развитие мелкой моторики рук.

Направления адаптивной физической культуры:

- развитие координационных и кондиционных способностей;
- приобщение к самостоятельным занятиям физическими упражнениями, подвижным играм, формам активного отдыха и досуга;
- содействие развитию психических процессов в ходе двигательной деятельности.

Положительная динамика по таким показателям, как уровень тревожности, агрессивности, общего нервно-психического напряжения, может объясняться целым комплексом причин, однако дети дают высокую субъективную оценку занятий, проводимых с ними в сенсорной комнате.

Заключение

Доступная среда определяет перспективность развития и социализации личности ребенка, включенного в разноплановые и поликультурные отношения, реализация которых объективно повышает возможности решения различного типа и вида

задач, качество непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений личности, способность личности быть востребованной и конкурентоспособной в современном выборе и условиях самоактуализации, самосохранения, самореализации, самоутверждения и пр.

Литература

1. Бондаренко Е. В., Митькина Е. В. Проблема и возможности исследования качества организации воспитательной работы с обучающимися среднего звена // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: труды Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (16–18 мая 2017 г.). Новокузнецк, 2017. С. 371–373.
2. Козырева О. А. Технология системно-педагогического моделирования в условиях непрерывного профессионального образования // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 3-2. С. 355–359.
3. Козырева О. А., Гайко М. Е., Горбунова И. А., Седова К. С. Модели формирования и управления культурой самостоятельной работы педагога в условиях непрерывного профессионального образования // European Social Science Journal. 2012. № 8. С. 83–90.
4. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиначенко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
5. Козырева О. А., Козырев Н. А. Конструктор принципов педагогического взаимодействия в структуре изучения курса «Педагогика» // Интернетнаука. 2016. № 9. С. 55–62.
6. Козырева О. А., Козырев Н. А. Саморазвитие личности в системе непрерывного образования // Интернетнаука. 2016. № 9. С. 63–71.
7. Коновалов С. В., Козырева О. А. Возможности педагогического моделирования в решении задач научного исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 12. С. 129–135.
8. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.
9. Лапыгина Е. В., Бойкова И. В. Проблема исследования качества моделирования портфолио обучающегося в продуктивной педагогике // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: труды Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (16–18 мая 2017 г.). Новокузнецк, 2017. С. 374–377.
10. Меделец О. В. Модели, принципы и функции управления коллективом обучающихся с ОВЗ // Роль и место информационных технологий в современной науке: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 28 декабря 2017 г.). Уфа: Омега Сайнс, 2017. С. 138–140.
11. Митькина Е. В., Коноцова Я. С. Возможности инновационной педагогики в решении задач современного воспитания // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: труды Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (16–18 мая 2017 г.). Новокузнецк, 2017. С. 377–380.
12. Митькина Е. В., Сорокин С. В., Свиначенко В. Г. Педагогическая поддержка обучающегося: модели и технологии: М.: МИФИ, 2017. 120 с.
13. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
14. Чудинова С. А., Митькина Е. В. Фасилитация как конструкт формирования профессионального мастерства педагогов // Современные технологии в мировом научном пространстве: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (28 сентября 2017 г.). Уфа, 2017. С. 169–171.

QUALITY MANAGEMENT OF CURRICULUM AND DISCIPLINE: PROBLEMS, ACHIEVEMENTS, AND PROSPECTS

Valentina V. Kalistratova^a; Larisa A. Ustinova^a; Olga V. Medelets^{a, @}

^aSecondary school № 26, 36, Pionersky Ave, Novokuznetsk, Russia, 654007

@nvkz-shk26@yandex.ru

Received 19.04.2018. Accepted 08.11.2018.

Keywords: pedagogical modeling, pedagogical methodology, pedagogical support, free educational and educational environment, pedagogical conditions of quality management

Abstract: The article describes the opportunities for managing the quality of curriculum and discipline, its contradictions, problems, various achievements, and prospects. The theoretical part of the research features the principles, forms, methods, and pedagogical conditions for optimization. The practice features some specifics of work with students, parents, and teachers at an average comprehensive school. The multidimensional nature of the quality management of educational work determines the prospects for curriculum development and pedagogical support. The theory and improvement of the organization of educational work in an educational institution is based on two components: 1) the development and refinement of the curriculum and pedagogical support of the teacher, who has to solve the tasks of personality development, socialization, self-realization, and reflection; 2) the quality of these solutions and its situational acmeverification.

For citation: Kalistratova V. V., Ustinova L. A., Medelets O. V. Upravlenie kachestvom organizatsii uchebno-vospitatel'noi raboty: problemy, dostizheniia i perspektivy [Quality Management of Curriculum and Discipline: Problems, Achievements, and Prospects]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 4–10.

References

1. Bondarenko E. V., Mitkina E. V. Problema i vozmozhnosti issledovaniia kachestva organizatsii vospitatel'noi raboty s obuchaiushchimisia srednego zvena [The problem and possibilities of research of the quality of organization of educational work with middle-level students]. *Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniia: trudy Vseros. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchennykh (16–18 maia 2017 g.)* [Science and youth: problems, searches, solutions: Proc. All-Russian Sci. Conf. students, graduate students and young scientists (May 16–18, 2017)]. Novokuznetsk, 2017, 371–373.
2. Kozyreva O. A. Tekhnologiia sistemno-pedagogicheskogo modelirovaniia v usloviakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia [Technology of system-pedagogical modeling in conditions of continuous vocational education]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technology*, no. 3-2 (2016): 355–359.
3. Kozyreva O. A., Gaiko M. E., Gorbunova I. A., Sedova K. S. Modeli formirovaniia i upravleniia kul'turoi samostoiatel'noi raboty pedagoga v usloviakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia [Models of the formation and management of the culture of independent work of the teacher in conditions of continuous professional education]. *European Social Science Journal*, no. 8 (2012): 83–90.
4. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Vospitaniie v professional'noi podgotovke pedagogov* [Education in the professional training of teachers]. Moscow: MIFI, 2017, 400.
5. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Konstruktor printsipov pedagogicheskogo vzaimodeistviia v strukture izucheniia kursa «Pedagogika» [Designer principles of pedagogical interaction in the structure of the study course "Pedagogy"]. *Internetnauka = Internet Science*, no. 9 (2016): 55–62.
6. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Samorazvitiie lichnosti v sisteme nepreryvnogo obrazovaniia [Self-development of personality in the system of continuous education]. *Internetnauka = Internet Science*, no. 9 (2016): 63–71.
7. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Vozmozhnosti pedagogicheskogo modelirovaniia v reshenii zadach nauchnogo issledovaniia [Possible pedagogical modeling in solving problems in scientific research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 12 (2015): 129–135.
8. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogicheskoe modelirovaniie v konstruktakh sovremennogo obrazovaniia [Pedagogical modeling in the constructs of modern education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 1 (2017): 58–63.

9. Lapygina E. V., Boikova I. V. Problema issledovaniia kachestva modelirovaniia portfolio obuchaiushchegosia v produktivnoi pedagogike [The problem of studying the quality of modeling a portfolio of students in productive pedagogy]. *Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniia: trudy Vseros. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (16–18 maia 2017 g.)* [Science and youth: problems, searches, solutions: Proc. All-Russian Sci. Conf. students, graduate students and young scientists (May 16–18, 2017)]. Novokuznetsk, 2017, 374–377.

10. Medelets O. V. Modeli, printsipy i funktsii upravleniia kollektivom obuchaiushchikhsia s OVZ [Models, principles and functions of management of the team of students with HIA]. *Rol' i mesto informatsionnykh tekhnologii v sovremennoi nauke: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Magnitogorsk, 28 dekabria 2017 g.)* [The role and place of information technology in modern science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Magnitogorsk, December 28, 2017)]. Ufa: Omega Sains, 2017, 138–140.

11. Mitkina E. V., Konotsova Ia. S. Vozmozhnosti innovatsionnoi pedagogiki v reshenii zadach sovremenogo vospitaniia [Opportunities of innovative pedagogy in solving problems of modern education]. *Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniia: trudy Vseros. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (16–18 maia 2017 g.)* [Science and youth: problems, searches, solutions: Proc. All-Russian Sci. Conf. students, graduate students and young scientists (May 16–18, 2017)]. Novokuznetsk, 2017, 377–380.

12. Mitkina E. V., Sorokin S. V., Svinarenko V. G. *Pedagogicheskaiia podderzhka obuchaiushchegosia: modeli i tekhnologii* [Pedagogical support of the student: models and technologies]. Moscow: MIFI, 2017, 120.

13. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Nauchnoie issledovaniie po pedagogike v strukture vuzovskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniia* [Scientific research on pedagogy in the structure of higher and additional education]. Moscow: NIIaU MIFI, 2014, 92.

14. Chudinova S. A., Mitkina E. V. Fasilitatsiia kak konstrukt formirovaniia professional'nogo masterstva pedagogov [Facilitation as a construct for the formation of professional skills of teachers]. *Sovremennye tekhnologii v mirovom nauchnom prostranstve: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28 sentiabria 2017 g.)* [Modern technologies in the global scientific space: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (September 28, 2017)]. Ufa, 2017, 169–171.

УДК 378.1; 371.3

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И МОДЕЛИ

Наталья В. Маринич^а; Николай А. Козырев^б; Роман А. Шевченко^{б, @}

^а Новокузнецкий педагогический колледж, 654027, Россия, г. Новокузнецк, ул. 25 лет Октября, 1А

^б Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

@ shvch-ra@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.03.2018. Принята к печати 20.07.2018.

Ключевые слова:

педагогическое моделирование, педагогическая методология, культура профессиональной деятельности, модель формирования культуры профессиональной деятельности, педагогические условия формирования культуры профессиональной деятельности, технология формирования культуры профессиональной деятельности личности

Аннотация: В статье определена проблема детерминации и визуализации основ формирования культуры профессиональной деятельности личности. В структуре активизации внимания к проблемам акмеперсонифицированного построения целостного педагогического процесса возможность оптимизации задачи развития личности может быть сфокусирована на условия формирования у личности культуры профессиональной деятельности. Качество построения определений и моделей понятия *культура профессиональной деятельности* определяется системностью поиска и учетом традиционных и инновационных аспектов изучения и детерминации понятийного аппарата, определены модели *понятия культура профессиональной деятельности* в конструктах широкого, узкого, локального, унифицированного, гуманистического и персонифицированного смыслов построения определений и моделей. Проблемность и полисистемность доказательства связи единства построенных детерминаций определяется через опору на опыт деятельности в решении задач научного исследования в педагогике, соблюдении основ научного познания в общей, профессиональной, частно-предметной и частно-специальной практике учета условий, направлений и моделей педагогического поиска. В структуре научного обоснования целостности и достоверности, объективности и системности реализуемой деятельности выделены и обоснованы в использовании педагогов понятия *модель формирования культуры профессиональной деятельности, педагогические условия формирования культуры профессиональной деятельности, технология формирования культуры профессиональной деятельности личности*. Выделенные конструкты организации научного поиска позволяют отразить единство общих, частных и локальных способов решения задач развития научного познания и научно-педагогической теории в целом.

Для цитирования: Маринич Н. В., Козырев Н. А., Шевченко Р. А. Культура профессиональной деятельности личности: детерминанты и модели // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 11–19.

Введение

Культура профессиональной деятельности личности как конструкт оптимального развития всех сфер личности в профессиональном становлении и самореализации определяет перед выбором педагога и обучающегося возможность качественного выполнения условий продуктивного поиска в модели *хочу, могу, надо, есть*.

Оптимальность развития личности и возможность учета персонифицированных потребностей личности в социально-образовательном пространстве гарантируют неустанное обновление условий и ресурсов самоорганизации качества предоставляемых образовательных услуг и программно-педа-

гогических продуктов современного непрерывного образования. Не исключение и инженерное [1], и педагогическое образование [2], определяющее возможность в триединой системе общих, профессиональных и частно-дидактических особенностей качества решений и уточнения модели развития и самореализации, социализации и сотрудничества личности и коллектива профессионалов.

Возможность оптимизации качества решения задач формирования профессионально-деятельностных и продуктивно-креативных способов и технологий постановки и уточнения модели самореализации и социализации представляет в структуре унифицированной и персонифицированной синергетической

модели [3; 4] интерес, определяющий способность личности и общества к выявлению основ и тактики, стратегии и техники самоорганизации развития конструктом качества адаптивных, среднестатистических и максимизированных направлений поиска и реализуемых решений в них [5–12].

В такой практике выделяют направленность адаптивного и адаптированного поиска [5] в структуре традиционных и инновационных условий развития личности в системе непрерывного образования, гарантирующего соблюдение прав на образование личности, имеющей ту или иную направленность на обучение по программам адаптивного и адаптированного обучения в системе непрерывного образования.

Другим направлением может быть определено акместановление личности с высоким уровнем притязаний и высоким уровнем достижений, что, в свою очередь, может быть объяснено дополнением диаметральной противоположности адаптивного и адаптированного вариантов включения личности обучающегося в систему воспитательно-образовательного пространства образовательного учреждения и систему непрерывного образования в целом.

Качество двух диаметрально противоположных способов реализации культуры профессиональной деятельности личности в системе непрерывного образования опирается на направления и конструкты оптимизации качества постановки и решения научно-исследовательских и научно-педагогических задач:

- базовые,
- общепедагогические,
- рефлексивные,
- частно-предметные,
- акмепедагогические,
- организационно-педагогические,
- профессионально-педагогические,
- адаптивно-фасилитационные,
- синергетические,
- дидактические,
- системно-конструкторские,
- системно-деятельностные,
- инновационно-педагогические,
- социально-педагогические,
- научно-исследовательские,
- продуктивно-деятельностные,
- гимнастические,
- тактико-стратегические,
- адаптивно-акмепедагогические,
- профессионально-персонифицированные и пр.

Теория и практика моделирования и решения задач профессионально-педагогической деятельности [6–12] системно позволяет выделить два направления оптимизации качества продуктивного поиска – традиционное педагогическое опре-

деление и решение научно-педагогических задач (широкий, узкий, локальный смыслы уточнения и детерминации понятийного аппарата) и инновационное педагогическое определение и решение научно-педагогических задач (персонифицированный, адаптивный, гуманистический, здоровьесберегающий, компетентностный и прочие направления поиска, основы которых определяются через принадлежность к тому или иному методологическому подходу) [13–18].

Детерминация и формирование понятия культуры профессиональной деятельности

Особенности и проблема детерминации и визуализации основ формирования культуры профессиональной деятельности личности определяются в плоскости постановки и решения задач научного исследования через возможность полиуровневого исследования качества выявляемых и решаемых противоречий и проблем современной педагогики как науки. Опираясь на вышеперечисленное, можно на базовом уровне научного поиска определить основы полиуровневого уточнения и детерминации понятия *культура профессиональной деятельности личности*.

Культура профессиональной деятельности личности (широкий смысл) – система акмеверификации основ профессионального становления и профессионального самоутверждения в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений, определяющих через трудовые функции, трудовые действия, компетенции возможность оценки качества включения личности в систему профессиональной деятельности; детерминирующая культуру и ее продукты мерой соответствия и акмеперсонификации развития личности и общества, акцентирующая необходимость повышения качества решения задач развития и надлежащее выполнение основ и тактики продуктивно-креативных, инновационно-деятельностных, синергетически-гуманистических отношений и технологий в профессиональной деятельности личности.

Культура профессиональной деятельности личности (узкий смысл) – продукт развития общества, определяющий возможность неустанного повышения качества профессиональной деятельности личности в модели детерминант и функций современного практико-ориентированного профессионального и непрерывного образования, гарантирующих в своих рамках и возможностях своевременное обновление средств и способов, методов и технологий, форм и условий решения производственных и персонально-деятельностных задач оптимального развития и самоорганизации качества выбора всех составных описываемого продукта и явления.

Культура профессиональной деятельности личности (локальный смысл) – способ и ресурс высококачественного решения задач и противоречий, проблем и дилемм в профессиональной деятельности личности, определяемых на микроуровневом способе детерминации, описания, представления, уточнения, решения, визуализации и самоанализе основ рассматриваемого и реализуемого в деятельности личности процессуального и процедурного конструкта и явления.

Культура профессиональной деятельности личности (унифицированный смысл) – конструкт оптимизации профессиональной деятельности личности в соответствии с выбранным направлением и моделью решения задач развития и саморазвития, гарантирующих успешное проектирование и достижение высот в профессиональной и непосредственно сопряженной с профессиональной деятельностью личности способами и ресурсами решения задач и проблем, системно связывающих воедино все нюансы развития личности и общества в целом.

Культура профессиональной деятельности личности (гуманистический смысл) – практика гуманизации основ развития общества в модели профессиональных отношений, отражающая основы адаптивно-персонифицированных и продуктивно-креативных способов решения задач самовыражения, сотрудничества и взаимопомощи.

Культура профессиональной деятельности личности (персонифицированный смысл) – модель активизации основ развития, персонификации и оптимизации условий, способов, форм, технологий, функций профессиональной деятельности личности в системном выборе направления, конкурентоспособной продуктивности личности и продуктов профессиональной деятельности личности как основы для мониторинга и сопоставления успешности личности и качества соответствия профессиональной деятельности личности и запросов общества.

Культура профессиональной деятельности личности (здоровьесберегающий смысл) – стратегия самоорганизации качества развития и саморазвития личности в структуре включения личности в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений, гарантирующих сохранение здоровья личности и общества, продуктивность деятельности личности (группы) в обществе, конкурентоспособность решения задач развития и самоутверждения и прочие основы и конструкты современного профессионально-трудового выбора в модели ведущей деятельности и общения.

Многомерность детерминации понятия *культура профессиональной деятельности* определит перспек-

тивность разработки измерителей качества решения задач формирования и оценки сформированности культуры профессиональной деятельности личности, включенной в иерархию профессиональных отношений и систему непрерывного образования.

Возможность построения определений и моделей понятия *культура профессиональной деятельности* определяется системностью поиска и учетом традиционных и инновационных аспектов изучения и детерминации понятийного аппарата, представленные модели понятия *культура профессиональной деятельности* в конструктах широкого, узкого, локального, унифицированного, гуманистического, персонифицированного и здоровьесберегающего смыслов построения определений и моделей формируют перспективность решения задач в том или ином направлении поиска оптимального решения задач персонифицированного и системного выбора.

В структуре активизации внимания к проблемам акмеперсонифицированного построения целостного педагогического процесса возможность оптимизации задачи развития личности может быть сфокусирована на условии формирования у личности культуры профессиональной деятельности, проблемность и полисистемность доказательства связи единства построенных детерминаций определяется через опору на опыт деятельности в решении задач научного исследования в педагогике, соблюдении основ научного познания в общей, профессиональной, частно-предметной и частно-специальной практике учета условий, направлений и моделей педагогического поиска.

В структуре научного обоснования целостности и достоверности, объективности и системности реализуемой деятельности можно выделить и обосновать в использовании педагогов понятия *модель формирования культуры профессиональной деятельности, педагогические условия формирования культуры профессиональной деятельности, технологию формирования культуры профессиональной деятельности личности*.

Модель формирования культуры профессиональной деятельности – идеальная структура, определяющая в составных и целостном способе представления данных процесс формирования культуры профессиональной деятельности.

Технология формирования культуры профессиональной деятельности личности – совокупность средств и методов формирования культуры профессиональной деятельности личности, гарантирующих успешное и своевременное решение поставленных задач профессиональной деятельности.

Педагогические условия формирования культуры профессиональной деятельности – совокупность конструктов условного выбора решений

задач формирования культуры профессиональной деятельности в иерархии сопоставляющих возможности развития личности моделей, определяемых через конструкт «если-то-иначе», визуально иллюстрирующий особенности продуктивного выбора успешных решений в системе процессуальных, технологических, функциональных и прочих особенностей поиска.

Педагогические условия формирования культуры профессиональной деятельности личности:

– социальная направленность формирования трудолюбия, гуманизма и конкурентоспособности личности в модели ведущей деятельности;

– формирование потребности в акмеперсонифицированных продуктах развития, становления и самоутверждения личности;

– развитие кругозора и системы представлений о мире профессий и многогранности профессионально-трудовых отношений;

– учет условий и специфики всех математически обусловленных распределений и способов представления данных в теории и практике профориентологии, психологии профессий, профессиональной педагогике и прочих научных областях, гарантирующих в изучении основ науки повышение качества решения задач деятельности и общения;

– использование педагогического моделирования и педагогического проектирования в работе педагогов, определяющих успешную модель профессионального становления, самоутверждения, развития и саморазвития личности в иерархии составных конструкта *хочу, могу, надо, есть*;

– продуктивность определяемых и решаемых в профессиональной деятельности личности задач;

– синергетическая самоорганизация качества включения личности в систему основ, моделей и технологий профессиональной деятельности личности (рейтинги, категории, соревнования и пр.);

– включенность личности в систему непрерывного образования и социально-профессионального проектирования и уточнения будущего личности и общества;

– научная система детерминации и формирования культуры профессиональной деятельности личности (принципы, модели, концепции, технологии, формы и пр.);

– возрастосообразность развития личности в структуре формирования культуры профессиональной деятельности личности.

Поясним выделенные выше педагогические условия формирования культуры профессиональной деятельности личности.

Социальная направленность формирования трудолюбия, гуманизма и конкурентоспособности личности в модели ведущей деятельности опреде-

ляются важными составными целостного развития личности и общества. Любовь к труду закладывается в сознании неустанно развивающейся личности с раннего детства, определяет перспективность развития личности в контексте детализации основ самоорганизации и самосохранения личности, уровня развития культуры, деятельности, профессионально-трудовых отношений. Гуманизм как основа и продукт эволюции антропосистемы является важным механизмом реконструкции всех неустойчивых связей в антропосреде, гарантирует сохранение человека как ценности и продукта всех преобразований в системе непрерывного образования, досуга, профессионально-трудовых отношений. Гуманизм является мерилем истинности всех антропологически обусловленных изменений и устойчивости развития общества в целом. Конкурентоспособность как продукт эволюции экономических отношений определяет наилучший выбор решения задачи *хочу, могу, надо, есть*, в генерации составных которых немаловажную роль играют такие ценности и ресурсы самоорганизации, как трудолюбие и гуманизм. В выделенных конструктах социальная направленность формирования трудолюбия, гуманизма и конкурентоспособности личности в модели ведущей деятельности является проектом функционирования персонификации и оптимизации качества развития личности, системы непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений.

Формирование потребности в акмеперсонифицированных продуктах развития, становления и самоутверждения личности определяет специфику и социальное обоснование высоких достижений личности и общества, располагает общество и личность к неустанному поиску тех инновационных и традиционных средств и методов решения задач развития, которые бы гарантировали сохранение и преумножение идеальных и материальных ресурсов культуры, науки, искусства, спорта и прочих направлений поиска личности и общества в оптимизации качества социализации и самореализации как способов и продуктов повышения качества жизнедеятельности в обществе. Акмеперсонификация развития, становления и самоутверждения личности – уникальные элементы современной практики педагогического выбора, раскрывающего наиболее целесообразные элементы самоорганизации качества решения задач современной профессиональной и педагогической деятельности.

Этапы развития кругозора личности в системе профессионального самоопределения

Развитие кругозора и системы представлений о мире профессий и многогранности профессионально-трудовых отношений определяет устойчивое формирование личности в поле смыслов, ценностей,

приоритетов продуктивного решения задач развития и самоутверждения в системе профессионально-трудовых отношений, определяющих через труд возможность качественного преобразования внешнего пространства в интересах общества и личности. Развитие кругозора личности в мире профессий и системе профессионального самоопределения осуществляется в современной социокультурной среде в нескольких плоскостях и возрастосообразных видах решения поставленной задачи.

На первой ступени пролонгированного включения личности в систему профессионально-трудовых отношений определяется игровая модель решения задачи профессионального самоопределения и самореализации развивающейся личности. Через игру личность получает все составные навыки и компетенции социально-ролевых способов самоутверждения и самоактуализации, социализации и общения, сотрудничества и самовыражения.

На втором этапе развития личности к игре могут быть добавлены все средства современного активного обучения, где тренинги, всевозможные методики развития и социализации личности определяют новый спектр способов, форм, методов и продуктов становления личности в поле смыслов и интересов профессионального образования и профессионально-трудовых отношений.

Третьим звеном-этапом определяется этап профессионального самоутверждения через продукты единого и коллективного продуцирования востребованных средств и продуктов деятельности личности с последующей рефлексией потенциальных возможностей развития и самоактуализации в выделенной и смежных плоскостях деятельности, данная система научно реализуемых ценностей и смыслов опирается на продукты персонифицированного развития личности.

Четвертым этапом может быть выделена система или авторская технология решения поставленных в структуре профессионально-трудовых отношений проблем и задач деятельности личности, выделенные модели четвертого этапа всегда являются продуктами научных публикаций, патентов и систем единого или коллективного авторства. Развитие кругозора и системы представлений о мире профессий и многогранности профессионально-трудовых отношений является важным элементом в самоорганизации качества формирования культуры профессиональной деятельности личности, что подтверждается в различных системах акмеверификации качества решения задач развития продуктами персонифицированного выбора и социального одобрения выбираемых решений тех или иных педагогических и профессионально-трудовых задач, реализуемых в модели развития и деятельности личности и коллектива.

Учет условий и специфики всех математически обусловленных распределений и способов представления данных в теории и практике профориентологии, психологии профессий, профессиональной педагогике и прочих научных областях, гарантирующих в изучении основ науки повышение качества решения задач деятельности и общения, определяет перспективность уточнения возможности проектирования и реализации основ теории персонифицированного развития личности в моделях учета условий и возможностей продуктивно-креативного поиска наиболее целесообразных и конкурентоспособных концепций и программ развития личности в социально-образовательном и профессионально-трудовом решении выявляемых проблем и дилемм. В структуре научного поиска наиболее актуальным конструктом является нормальное распределение способностей и здоровья личности, отражающего особенности целостного понимания важности развития личности, определяющем потенциальные и достигнутые способы и продукты деятельности в качестве отправных точек проектирования будущего, где высокие достижения обеспечивают и высокие по качеству и популярности стимулирования основы развития личности за реализуемые способы деятельности и достигнутые в деятельности результаты. Условное выделение в системной выборке трех групп («А», «Н», «О») подразумевает, что система образования использует в персонификации все гуманистические идеи продуктивного развития каждой личности в соответствии с системой возможностей и ресурсов *хочу, могу, надо, есть*, детализируя основы фасилитации и педагогической поддержки, коррекции и пролонгации основ развития группе «А», стимулирования и оптимизации качества деятельности для группы «Н», социально-образовательный и профессионально-деятельностный отбор предлагаемых инноваций и решений от группы «О». Различные показатели и модели педагогического взаимодействия с обучающимися являются конструктами самоорганизации реализации возможностей персонифицированного становления личности в системе социально-образовательных и профессионально-трудовых отношений.

Использование педагогического моделирования и педагогического проектирования в работе педагогов, определяющих успешную модель профессионального становления, самоутверждения, развития и саморазвития личности в иерархии составных конструкта *хочу, могу, надо, есть*, гарантирует и личности, и обществу состоятельность идеи непрерывного развития и продуктивного становления в выделенных направлениях поиска. В выделенной практике непрерывное образование гарантирует личности успешное

построение основ развития, социализации, самореализации, самоутверждения и самоактуализации. В структуре актуализации основ и продуктов педагогического моделирования и педагогического проектирования в работе педагогов совокупность теоретических и эмпирических данных может быть представлена в уровневой типологии включения личности педагога в процесс педагогического моделирования и педагогического проектирования основ педагогической деятельности и самореализации: 1) ситуативное (микроуровневое) уточнение основ реализуемой практики и детализации качества постановки и решения задач педагогической деятельности; 2) персонифицированное (мезоуровневое) уточнение основ реализуемой практики и детализации качества постановки и решения задач педагогической деятельности; 3) креативно-деятельностное (макроуровневое) уточнение основ реализуемой практики и детализации качества постановки и решения задач педагогической деятельности. В структуре повышения качества выделенных моделей используют технологии педагогической рефлексии – портфолио обучающегося, профессионально-педагогический кейс и прочие самопрезентации личности обучающегося и педагога, включенных в систему непрерывного образования. Переходы от низкого уровня к более высокому (ситуативный тип / уровень, персонифицированный тип / уровень, креативно-деятельностный тип / уровень) осуществляются с повышением качества решения профессионально-педагогических и профессионально-трудовых задач.

Продуктивность определяемых и решаемых в профессиональной деятельности личности задач [16–18] является итогом формирования и сформированности культуры самостоятельной работы личности, определяющих уровень, персонифицированность, конкурентоспособность определяемых и решаемых задач развития личности и социально-образовательных или профессионально-трудовых отношений личности с коллективом. Продуктивность как способ и результат развития личности обучающегося и педагога уточняются через призму результатов учета нормального распределения способностей и здоровья, т. е. в соответствии с основами и практикой выделения групп «А», «Н», «О» определяются эталоны, критерии, показатели продуктивности, возможно выделение в такой системе адаптивной продуктивности, средне-статистической продуктивности, креативно-деятельностной продуктивности. Каждый вид продуктивности определяет особенности продуктивного поиска для обучающихся из «А», «Н», «О» групп.

Синергетическая самоорганизация качества включения личности в систему основ, моделей и техноло-

гий профессиональной деятельности личности (рейтинги, категории, соревнования и пр.) определяет все изменения в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений. К такой практике можно отнести на макроуровне самоорганизации деятельности разделение Министерства образования и науки РФ на два ведомства – Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ (2018).

Включенность личности в систему непрерывного образования и социально-профессионального проектирования и уточнения будущего личности и общества определяется многомерностью постановки и решения задач развития личности, в структуре которых должным образом должны быть выделены составные сотрудничества, продуцирования, социализации, самореализации, саморазвития, самоутверждения, самоактуализации.

Научная система детерминации и формирования культуры профессиональной деятельности личности (принципы, модели, концепции, технологии, формы и пр.) определяют качество проработки составных научного поиска современных решений поставленной задачи, данная практика может быть системно представлена на трех или четырех уровнях – микроуровне, мезоуровне, макроуровне и мегауровне (мегауровень в современной педагогике используют очень редко).

Возрастосообразность развития личности в структуре формирования культуры профессиональной деятельности личности определяется через интеллектуальную, социальную, биологическую, профессиональную возрастосообразность, все нюансы поливидового определения и решения задач возрастосообразного развития личности – уникальный инструмент, особенности проектирования и использования которого определены в структуре непрерывного образования в соответствии с уровнями реализуемого образования в нашей стране.

Заключение

Выделенные конструкторы организации научного поиска позволяют отразить единство общих, частных и локальных способов решения задач развития научного познания и научно-педагогической теории. Необходимость разработки технологии формирования и исследования качества формирования и сформированности культуры профессиональной деятельности личности обусловлена перспективностью развития личности и общества в иерархии культурологически обусловленных составных единого антропологически выявляемого и детализируемого пространства личности и общества в целом.

Литература

1. Голубева Н. В. На пути к профессионализму: некоторые аспекты повышения качества инженерных кадров // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 8. С. 183–185.
 2. Гребенкина Л. К., Беляева В. А. Профессионализм и педагогическая компетентность преподавателя высшей школы // Педагогическое образование и наука. 2015. № 4. С. 42–44.
 3. Дробчик Т. Ю., Невзоров Б. П. Определение термина «кентавровое знание» в синергетическом подходе к организации образовательного процесса // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 8. С. 357–364.
 4. Дробчик Т. Ю., Невзоров Б. П. Определение термина «познавательная самостоятельность» в синергетическом подходе к организации образовательного процесса // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. С. 137–144.
 5. Козырев Н. А., Козырева О. А. Адаптивные учебные пособия в структуре подготовки будущих педагогов-психологов направления подготовки – «Психолого-педагогическое образование», профиля подготовки «44.03.02 – Психология образования» как условие гуманизации образования // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10. С. 413–420.
 6. Козырева О. А., Гайко М. Е., Горбунова И. А., Седова К. С. Модели формирования и управления культурой самостоятельной работы педагога в условиях непрерывного профессионального образования // European Social Science Journal. 2012. № 8. С. 83–90.
 7. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиначенко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
 8. Козырева О. Е. Возможности организации педагогической поддержки в работе будущего педагога // Территория науки. 2016. № 5. С. 7–10.
 9. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы личности: модели и возможности формирования // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 3. С. 95.
 10. Козырева О. А., Козырев Н. А. Виды и модели современного обучения в структуре образования // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12. С. 155–165.
 11. Козырева О. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В. Инновационная педагогика в модели современного образования // Интернетнаука. 2016. № 10. С. 391–405.
 12. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.
 13. Коноплянский Д. А., Невзоров Б. П. Перспективы использования педагогической стратегии формирования конкурентоспособности выпускника вуза в контексте модернизации высшего образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 9. С. 79–84.
 14. Конюхова Е. Т., Конюхова Т. В. Философско-психологический контекст понятий «успех» и «успешность личности» // Философия образования. 2011. № 1. С. 214–220.
 15. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
 16. Сычева О. В. Стажировка как элемент повышения профессионализма кадров // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-1. С. 144–147.
 17. Хван А. А. Теоретические и практические проблемы подготовки учителя // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 195–203.
 18. Хван А. А. Эффективность экономических инноваций в образовании: психологические показатели // Народное образование. 2014. № 3. С. 48–54.
-

CULTURE OF INDIVIDUAL PROFESSIONAL ACTIVITY: DETERMINANTS AND MODELS

Natalia V. Marinich^a; Nikolai A. Kozyrev^b; Roman A. Shevchenko^{b, @}

^aNovokuznetsk Pedagogical College, 1A, 25 Let Oktyabrya St., Novokuznetsk, Russia, 654027

^bThe Siberian State Industrial University, 42, Kirova St., Novokuznetsk, Russia, 654007

@shvch-ra@yandex.ru

Received 31.03.2018. Accepted 20.07.2018.

Keywords: pedagogical modeling, pedagogical methodology, culture of professional activity, model of the formation of a culture of professional activity, pedagogical conditions for the formation of a culture of professional activity, technology of formation of culture of professional activity of the person

Abstract: The paper features determination and visualization of the culture of professional activity in an individual. According to the acme-personalized principles of construction of an integral pedagogical process, personal development largely depends on one's personal culture of professional activity. To define the concept of "culture of professional activity", one needs a systematic search. Both traditional and innovative aspects have to be taken into consideration, as well as the conceptual apparatus. The present research defines some models of the concept of "culture of professional activity" in its broad, narrow, local, unified, humanistic, and personified meaning. The poly-systemic nature of the proof of the connection between the constructed determinations results from the experience in solving the problems of scientific research in pedagogy, observing the foundations of scientific knowledge in general, professional, private-subjective, and private practice of recording the conditions, directions, and models of pedagogical search. The authors define the concepts of "the model of the formation of the culture of professional activity", "the pedagogical conditions for the formation of professional activity culture", and the "technology of forming a culture of individual professional activity of the individual". They also describe their use in pedagogical discourse. The constructs of organization of scientific search can reflect the unity of general, particular, and local methods of solving the problems of the development of scientific knowledge and scientific and pedagogical theory as a whole.

For citation: Marinich N. V., Kozyrev N. A., Shevchenko R. A. Kul'tura professional'noi deiatel'nosti lichnosti: determinanty i modeli [Culture of Individual Professional Activity: Determinants and Models]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 11–19.

References

1. Golubeva N. V. Na puti k professionalizmu: nekotorye aspekty povysheniia kachestva inzhenernykh kadrov [On the way to professionalism: some aspects of improving the quality of engineering personnel]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia = Successes of modern science and education*, 2, no. 8 (2016): 183–185.
2. Grebenkina L. K., Belyaeva V. A. Professionalizm i pedagogicheskaiia kompetentnost' prepodavatel'ia vysshei shkoly [Professional and pedagogical competence of a higher school teacher]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*, no. 4 (2015): 42–44.
3. Drobchik T. Yu., Nevzorov B. P. Opredelenie termina "kentavrovoe znanie" v sinergeticheskom podkhode k organizatsii obrazovatel'nogo protsessa [The definition of the term "centaur knowledge" in the synergetic approach to the organization of the educational process]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 8 (2010): 357–364.
4. Drobchik T. Yu., Nevzorov B. P. Opredelenie termina "poznatel'naia samostoiatel'nost'" v sinergeticheskom podkhode k organizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Definition of the term "cognitive independence" in the synergetic approach to the organization of the educational process]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 5 (2010): 137–144.
5. Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Adaptivnye uchebnye posobiia v strukture podgotovki budushchikh pedagogov-psikhologov napravleniia podgotovki – "Psikhologo-pedagogicheskoe obrazovanie", profil'naia podgotovka "44.03.02 – Psikhologiya obrazovaniia" kak uslovie gumanizatsii obrazovaniia [Adaptive tutorials in the structure of training of future teachers-psychologists in the field of study "Psychological and pedagogical education", specialization "44.03.02 – Psychology of education" as a condition of humanization of education]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii = Modern scientific researches and innovations*, no. 10 (2015): 413–420.

6. Kozyreva O. A., Gaiko M. Ie., Gorbunova I. A., Sedova K. S. Modeli formirovaniia i upravleniia kul'turoi samostoiatel'noi raboty pedagoga v usloviakh nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia [Models of the formation and management of the culture of independent work of the teacher in conditions of continuous professional education]. *European Social Science Journal*, no. 8 (2012): 83–90.

7. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Vospitanie v professional'noi podgotovke pedagogov* [Education in the professional training of teachers]. Moscow: MIFI, 2017, 400.

8. Kozyreva O. Ye. Vozmozhnosti organizatsii pedagogicheskoi podderzhki v rabote budushchego pedagoga [Possibilities of organizing pedagogical support in the work of the future teacher]. *Territorii nauki = Science Territory*, no. 5 (2016): 7–10.

9. Kozyreva O. A. Kul'tura samostoiatel'noi raboty lichnosti: modeli i vozmozhnosti formirovaniia [Culture of self-dependent work personality: models and possibilities of formation]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii = Modern scientific researches and innovations*, no. 3 (2017): 95.

10. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Vidy i modeli sovremenno obuchenii v strukture obrazovaniia [Types and models of modern education in the structure of education]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia = Humanitarian scientific research*, no. 12 (2015): 155–165.

11. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Mit'kina Ie. V. Innovatsionnaia pedagogika v modeli sovremenno obrazovaniia [Innovative pedagogy in the model of modern education]. *Internetnauka = Internet Science*, no. 10 (2016): 391–405.

12. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogicheskoe modelirovaniie v konstruktakh sovremenno obrazovaniia [Pedagogical modeling in the constructs of modern education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 1 (2017): 58–63.

13. Konoplyansky D. A., Nevzorov B. P. Perspektivy ispol'zovaniia pedagogicheskoi strategii formirovaniia konkurentosposobnosti vypusknika vuza v kontekste modernizatsii vysshego obrazovaniia [Perspectives of using the pedagogical strategy of forming the competitiveness of a graduate of a university in the context of modernization of higher education]. *Alma mater*, no. 9 (2016): 79–84.

14. Konyukhova Ye. T., Konyukhova T. V. Filosofsko-psikhologicheskii kontekst ponyatii "uspekhi" i "uspeshnost' lichnosti" [The philosophical and psychological context of the concepts of "success" and "personal success"]. *Filosofii obrazovaniia = Philosophy of Education*, no. 1 (2011): 214–220.

15. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. *Nauchnoe issledovaniie po pedagogike v strukture vuzovskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniia* [Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education]. Moscow: MIFI, 2014, 92.

16. Sycheva O. V. Stazhirovka kak element povysheniia professionalizma kadrov [Internship as part of improving the professionalism of the staff]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, no. 12-1 (2016): 144–147.

17. Khvan A. A. Teoreticheskie i prakticheskie problemy podgotovki uchitelia [Theoretical and practical problems of teacher training]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serii: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 4 (2015): 195–203.

18. Khvan A. A. Effektivnost' ekonomicheskikh innovatsii v obrazovanii: psikhologicheskie pokazateli [Efficiency of economic innovations in education: psychological indicators]. *Narodnoe obrazovanie = Public education*, no. 3 (2014): 48–54.

УДК 378

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА – БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА-СТРОИТЕЛЯ

Алексей А. Матвеев^а; Борис П. Невзоров^{б, @, ID}

^а Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

^б Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ nevzorov@kemsu.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2041-8610>

Поступила в редакцию 26.06.2018. Принята к печати 12.12.2018.

Ключевые слова:

бюджет времени, контекстное обучение, внутрипредметные связи, межпредметные связи, эвристические методы самостоятельной работы студентов, организационно-педагогические условия, организационно-педагогические основания, педагогические технологии

Аннотация: *Введение.* В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения некоторых избранных подходов и обобщений педагогических оснований формирования культуры самостоятельной работы студента – будущего инженера-строителя. Учитывая специфику подготовки к профессиональной деятельности инженера-строителя, связанную с чрезвычайной ответственностью за её результативность в конечном счете, просматривается интегративность личных качеств будущего специалиста и его профессионализма. *Методологической основой данного исследования* определено положение теории деятельности, в соответствии с которой усвоение социального опыта осуществляется в результате активной деятельности субъекта и на которую опирается контекстное обучение. *Результаты.* На основании рассмотрения многочисленных исследований специалистов-педагогов, посвященных изучению самостоятельной работы студентов в различных аспектах деятельности, собственных наблюдений и экспериментов, отмечается, что по многим причинам – прежде всего из-за особенностей организации обучения в общеобразовательной школе – студенты демонстрируют слабую готовность к независимой учебной деятельности. Наши данные показывают, что студенты, особенно на первых периодах обучения, не имеют представления об эффективном планировании действий, необходимых для достижения конечной цели при решении конкретных задач, ранжировании задач по приоритетности (поиск выхода из проблемной ситуации) и временному фактору (бюджету времени), а также самоорганизации и коммуникативных навыков инженера-строителя. Это свидетельствует о низком уровне культуры самостоятельной работы студентов и у обучающихся, и в образовательных организациях. Исходя из этого нами рассмотрены некоторые педагогические основания, способствующие формированию культуры самостоятельной работы студентов, в которые заложены педагогические технологии, базирующиеся на теории деятельности, в частности проектное и проблемное обучение, методы конкретных ситуаций, деловые игры и т. д. *Заключение.* Указанные выше педагогические технологические приемы, на наш взгляд, представляют особую ценность в современном образовательном процессе студентов – будущих инженеров-строителей, владеющих культурой самостоятельной работы, предполагающем осознание ответственности студентами как за собственную самостоятельную учебную деятельность, так и за формирование качеств, необходимых для достижения успешности в будущей профессиональной карьере.

Для цитирования: Матвеев А. А., Невзоров Б. П. Педагогические основания формирования культуры самостоятельной работы студента – будущего инженера-строителя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 20–32.

Введение

В педагогической литературе, как впрочем и в экономической, и в исторической, и т. п., авторы нередко с пренебрежением и без достаточных

оснований отзываются об опыте советской системы образования (системе образования СССР). В изменившейся социально-политической и социально-экономической ситуации в России и в мире,

безусловно, сохранение прежней системы образования не имеет смысла. Однако условие смены парадигмы образования *образование на всю жизнь* на *образование в течение всей жизни* вовсе не отрицает той части прежней системы образования, которая в любых условиях дает положительный эффект. Сильной стороной российской (как и советской) системы высшего образования всегда являлась его фундаментализация, связь с отраслями народного хозяйства и профессионально-ориентированная практическая подготовка специалистов с ориентацией на развитие самостоятельности в период обучения с целью обеспечения молодым специалистам процессов адаптации на рабочих местах.

Переход российской высшей школы (в соответствии с настройкой на международный опыт системы высшего образования) на многоуровневую подготовку и компетентностный подход, предписанный государственными стандартами, коренным образом изменивший цели обучения, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В настоящей статье мы не рассматриваем данный дискуссионный аспект, поскольку за последние десять-пятнадцать лет этому посвящено большое количество научных работ. Однако заметим, что для любого человека как личности возможность выбора траектории образования, предоставляемой данной образовательной структурой и образовательными стандартами, обеспечивает состояние его мобильности, что к тому же влияет на мотивацию получения компетентностных показателей, которые в будущем существенно сказываются на успешности специалиста и способствуют обеспечению уровня его конкурентоспособности. Спрос на специалистов современной формации в изменившейся, особенно за последнюю четверть века, социально-экономической и социально-политической ситуации в России и в мире трансформировался существенно: возросли требования к уровню профессионализма, коммуникабельности, мобильности, способности ориентироваться в изменяющихся условиях, принимать самостоятельные инновационные решения, генерировать новые идеи, самостоятельно пополнять свои знания и т.п. Неудивительно, что «педагогическое сообщество устойчиво придерживается мнения, что в современном профессиональном образовании необходимо обеспечивать приоритет таких педагогических технологий, которые содействуют самобразованию, самосозиданию личности» [1].

Как известно, строительная отрасль обладает спецификой, связанной при проведении строительных работ с особыми требованиями строгого соблюдения строительных норм, гарантирующих прочность сооружений, их долговечность, соответствие проектам и расчётным нормативам, экологическим и эстетическим требованиям и т.п. Исходя из этих

положений уровень инженерной культуры самостоятельной деятельности, компетентность и готовность инженера-строителя к выполнению профессиональных функций в сочетании с глубокими профессиональными знаниями, умениями и навыками в значительной степени зависят от подготовки специалиста в вузе. Готовность к принятию профессиональных решений и ответственность за их реализацию, способность к самоконтролю и самоанализу в процессе деятельности приобретаются будущим инженером, когда самостоятельная работа студентов (СРС) является неотъемлемой составляющей образовательного процесса в высшем учебном заведении. С переносом центра тяжести на повышение уровня самостоятельности в обучении планирование, организация и реализация самостоятельной деятельности становятся важнейшей задачей обучения студентов.

В многочисленных исследованиях, посвященных изучению СРС в различных аспектах деятельности (Б. Г. Ананьев, Н. Ф. Бунаков, В. П. Вахтеров, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, А. Ф. Дистервег, П. Ф. Каптерев, Я. А. Коменский, А. Н. Леонтьев, И. Г. Песталоцци, С. Л. Рубинштейн, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский и др.), отмечается, что по многим причинам – прежде всего из-за особенностей организации обучения в общеобразовательной школе – студенты демонстрируют слабую готовность к независимой учебной деятельности. Наши исследования [2; 3] также показывают, что студенты длительное время, как (особенно) на первых периодах обучения, так и на старших курсах, часто не имеют представления об эффективном планировании действий, необходимых для достижения конечной цели при решении конкретных задач, ранжировании задач по приоритетности (поиск выхода из проблемной ситуации) и временному фактору (бюджету времени), самоорганизации и коммуникативных навыков инженера-строителя. Проявляется это особенно отчетливо, как правило, при выполнении творческих индивидуальных заданий, требующих поиска информации, ее анализа, способности к обобщению.

Из этого просматривается весьма примечательный вывод: несмотря на значительный теоретический потенциал, накопленный педагогической наукой, в вузовской практике он используется не в полной мере: образовательный процесс в университетах остается в своей основе базирующимся в большей степени на традиционных формах и методах обучения, к тому же слабо управляемым. Несмотря на действующие государственные образовательные стандарты и многочисленные методические указания, преподавателями недостаточно уделяется внимание развитию личности студента, его самостоятельности, саморазвитию и самосовершенствованию. В организации самостоятельной деятельности студентов

на занятиях при определении задания по общеобразовательным дисциплинам недостаточно учитываются как индивидуальные особенности студента, так и специфика факультета, и будущей профессии [4].

Поскольку познание за человека выполнить не может никто, следовательно, выбрав направление будущей деятельности, при подготовке к ней в вузе он должен совершенствовать навыки самостоятельного добывания знаний. Для этого должны быть созданы условия, научно направляемые и контролируемые подготовленными к этому педагогическими кадрами. Таким образом, «стратегически на первый план выступает исходный и потенциальный уровни самостоятельности студента, совершенствование которых предполагает создание специальных педагогических условий в образовательном процессе университета» [4]. В появившихся в последние годы исследованиях в этой области (например [5]) предлагается решение проблемы, прежде всего, путём формирования культуры самостоятельной деятельности средствами творческого развития личности, наряду с организацией СРС с использованием компьютерных, порталных и других активных образовательных технологий, проектированием самостоятельной учебной деятельности.

Методология работы

Методологической основой настоящего исследования являются положения теории деятельности, в соответствии с которой усвоение социального опыта осуществляется в результате активной, «пристрастной» (по А. Н. Леонтьеву) [6] деятельности субъекта. А на одном из направлений развития указанной теории усвоения социального опыта, представленной в трудах Л. С. Выготского [7], А. Н. Леонтьева [6] и других, позиционируется теория контекстного обучения. «В соответствии с ней усвоение содержания обучения осуществляется не путем простой передачи студенту информации, а в процессе его собственной, внутренне мотивированной активности, направленной на предмет и явления окружающего мира» [8, с. 10], «согласно контекстному подходу в образовании, процесс и содержание профессионального образования должны исходить из главной цели – подготовки высококвалифицированного специалиста» [8, с. 11], т. е. в контекстном обучении содержание соответствующих профилю научных дисциплин дополняется еще одним источником – *составляющей будущей профессиональной деятельности*.

Существенным становится развитие с опорой на учебную информацию способностей студентов компетентно выполнять функции будущего специалиста, разрешать проблемы и задачи, овладевать, иначе говоря, целостной профессиональной дея-

тельностью. Тем самым создаются условия для собственных целеобразования и целеосуществления в процессе обучения, для активизации развития СРС, для *движения от учения к труду*. Целенаправленная мотивация познавательной деятельности, при которой учебная информация и сам процесс учения приобретают *личностный смысл*, способствует превращению информации в личное знание студента. Однако следует отметить, что сегодня проблема социальной детерминации – особенно для акмеологии (раздел психологии развития, исследующий закономерности и механизмы, обеспечивающие возможность достижения высшей ступени /акме/ индивидуального развития) – выступает совсем в другом качестве. Еще Б. Г. Ананьев сформулировал, предвидя недалекое будущее, идею о необходимости подготовить человека к жизни, а не только передать необходимую систему знаний [9]. Социальная детерминация в современном, особенно российском обществе, заключается не в ее определенности, а напротив, в неопределенности, в изменчивости, противоречивости, непрогнозируемости. Социальная детерминация в настоящее время – это социальные проблемы, стоящие перед личностью, а не простые и категорические руководства.

По мнению Л. С. Выготского [7], культура самостоятельной работы студента как результат «специально организованной познавательной деятельности» включает в себя представления об умении личностью организовать собственную деятельность в соответствующей профессиональной отрасли на принципах самосознания и самоуправления, самодисциплины и самоконтроля, осознанной эвристики и рефлексивности, освоения приемов и методов самоорганизации и самоактивации, а также личной ответственности и самодиагностики.

При этом, рассматривая культуру самостоятельной работы как интегративное свойство личности студента вуза, включающую в себя представления об умении личностью организовывать собственную деятельность на принципах самоопределения, осознанной эвристики, самоорганизации и самодиагностики, мы, как и многие исследователи, полагаем основой эффективной практической организации главной для образования задачи – учить учиться, подготовку выпускника к ситуации неопределенного будущего.

В качестве предпосылок формирования культуры самостоятельной работы студента как залога успешности обучения в вузе, будущей профессиональной деятельности и конкурентоспособности выпускника вуза на рынке труда наиболее очевидными представляются следующие:

– социальный заказ, обусловленный взаимными ожиданиями студентов (выпускников) вузов

и работодателей, повышением мотивации студентов к самостоятельной деятельности, решением ряда проблем, обеспечивающих эффективность организации СРС, наличие необходимого педагогического обеспечения данного процесса;

– недостаточная разработанность вопросов, касающихся теоретического и практического аспектов внедрения технологии организации самостоятельной деятельности студентов-строителей, предполагающей реализацию совокупности этапов (формирование умений воспроизводить алгоритмы деятельности; формирование умений применять алгоритмы деятельности в нестандартной ситуации; формирование умений создавать способы деятельности) и целостной системы видов самостоятельной деятельности, в том числе решение ситуационных задач и т. д.;

– стремительно развивающиеся номенклатура и технологии производства строительных материалов и строительных работ на строительных объектах, а соответственно и требования, предъявляемые к выпускникам вузов в современных рыночных условиях. «Рынок вносит принципиальные изменения в систему взаимоотношений сфер образования и производства и предъявляет новые требования к личности выпускника, которая должна быть заинтересована в получении образования на уровне мировых достижений» [10].

Таким образом, для обеспечения положительного результата решения проблемы формирования культуры самостоятельной работы студента (выпускника) вуза, на наш взгляд, целесообразно опереться на соответствующие теоретико-методологические основы. Таковыми, как правило, являются методологические подходы, т. к. именно они призваны отразить совокупность исходных положений, принципов и категорий, путей и приемов исследования. В нашем понимании подход – это методологическая ориентация для педагогического процесса, побуждающая к использованию определенной характерной совокупности взаимосвязанных идей, понятий и способов педагогической деятельности.

Учитывая, что культура как условие и результат формирования учебной и практической деятельности студента представляет собой сложное междисциплинарное общеметодологическое понятие, которое фиксирует как общее отличие человеческой жизнедеятельности от чисто биологических форм жизни, так и качественное своеобразие конкретных проявлений этой жизнедеятельности, педагогическая система формирования у студентов культуры самостоятельной работы и подготовки студентов вуза к профессиональной деятельности в целом рассматривается как *открытая система*, взаимодействующая с окружающей социально-экономической и профессионально-образовательной средами.

Методика организации СРС вуза в условиях реализации ФГОС ВО применительно к инженерным

специальностям обстоятельно проанализирована в работе [11] с учетом общепризнанных в педагогической практике принципов [12], способствующих обеспечению отмеченной выше цели СРС: «дифференцированный подход к студентам с соблюдением требования посильности учебных заданий и готовности студентов к их выполнению; планомерное наращивание интеллектуальных нагрузок и последовательный переход к более кратким указаниям по выполнению самостоятельной работы, ориентирующих исполнителя на принятие самостоятельных решений; постепенное трансформирование роли преподавателя при организации и выполнении СРС – на позиции консультанта, затем наблюдателя за познавательным процессом; при контроле – переход от контроля со стороны преподавателя к самоконтролю самих обучающихся» [11].

Организационно-педагогические условия подготовки специалистов строительной специальности

В текущем десятилетии в вузах России в соответствии с ФГОС ключевые компетенции современного молодого специалиста задаются основными заказчиками – работодателями, государством и обществом. По этой причине содержание обучения должно быть соответствующим быстро меняющимся тенденциям регионального развития и изменениям рынка труда, иначе по содержанию образование будет в роли «догоняющего». В изменившейся социально-экономической обстановке подготовка конкурентоспособных специалистов должна осуществляться в хорошо организованной образовательной среде с использованием актуальных по содержанию и современным информационно-коммуникационных технологий. Как отмечает А. А. Вербицкий, «Организация и результаты деятельности образовательных учреждений (по новому закону об образовании в РФ – организаций) на всех уровнях системы непрерывного образования должны соответствовать вызовам современного постиндустриального, информационного общества. На это должны быть нацелены все усилия по реформированию российского образования» [13].

Организация систематического мониторинга и анализа проблем, связанных с выполнением квалификационных работ обучающихся по соответствующим профилям на завершающем этапе обучения и трудоустройства молодых специалистов, на наш взгляд, служит показателем состояния их стартовой готовности к деятельности по специальности. При рассмотрении полученных результатов ряда студенческих групп направлений подготовки будущих инженеров-строителей становится очевидным факт, что без включения студентов в соответствующую практическую деятельность, без осуществления профессионально-ориентированных подходов к образованию и технологий обучения, создающих

ситуации профессионального самоопределения, невозможна их профессионализация.

Изменения, происходящие в рамках реформы системы образования за последние двадцать пять лет, привели к ее кардинальному изменению по сравнению с той, что существовала в советское время. Но следует признать, что по своим внутренним, «собственно педагогическим основам – дидактическим принципам, содержанию образования, формам, методам, и способам его развертывания, типу образовательной среды, по сознанию субъектов образовательного процесса – педагогическая система остается прежней, традиционной, объяснительно-иллюстративной, научные основы которой были заложены еще в 17-м веке и давно не соответствуют современным вызовам» [13]. Поэтому в профессиональном образовании складывается так, что одной из наиболее *важных проблем* является отрыв традиционного обучения от той профессиональной деятельности, ради которой это обучение предпринимается, а это зачастую приводит студента к отчуждению от мира труда и избранной им профессии. В условиях же возрастающей конкуренции на рынке труда профессиональное образование должно быть настроено на обеспечение многопрофильности специалиста, его профессиональной мобильности, готовности к смене вида или содержания профессиональной деятельности.

Новая парадигма современного образования в целом и подготовки специалистов XXI в. в частности предполагает непрерывность образования на протяжении всей жизни, ориентацию на развитие познавательных и созидательных способностей личности, что ставит развитие самостоятельной учебной деятельности студента в приоритетное положение. В связи с этим центр тяжести постепенно переносится на обучаемого, который активно строит свой учебный процесс. Это включает новые подходы к организации и проведению семинарских и лекционных занятий, самостоятельной работы, непрерывному самообразованию, стремлению к пополнению и обновлению знаний, освоению в период практики на производстве навыков в сферах будущей профессиональной деятельности.

Исходя из этого определяется первостепенная задача в обучении студентов способам организации самостоятельных занятий – от развития умений работы на аудиторных занятиях с текстами учебной литературы с целью извлечения знаний до понимания психологических особенностей учебной деятельности во всем разнообразии ее форм. При этом целью СРС будет научить студента осмысленно и самостоятельно работать

сначала с учебным материалом, затем с научной информацией; заложить основы самоорганизации и самовоспитания с тем, чтобы привить умение непрерывно повышать свою квалификацию [2; 14]. Иначе говоря, в образовательной организации должна быть выстроена система субъект-субъектных отношений, объединенных общим понятием «культура СРС вуза» [15]. Как нами отмечено выше, культура СРС как результат специально организованной познавательной деятельности включает в себя представления об умении личностью при приобретении профессиональных навыков организовать собственную деятельность в соответствующей профессиональной отрасли на принципах самосознания и самоуправления, самодисциплины и самоконтроля, осознанной эвристики и рефлексивности, освоения приемов и методов самоорганизации и самодиагностики [7].

Между тем в системе образования «остаются неизблемыми классические организационные структуры школы, колледжа, вуза, нормативно-правовая основа организации образовательного процесса в виде учебных планов, программ, попредметного расписания. Все они выводят за пределы правовой нормы любые педагогические инновации, которые оказываются как бы незаконными. Скажем, в учебном плане вуза нет такой формы, как ролевая или деловая игра, и преподаватель вынужден втискивать ее в другие формы – школьного урока или практического занятия в вузе» [13]. Однако условиями интенсификации учебного процесса высшей школы законодательно¹ декларированы индивидуализация обучения и развитие творческих способностей будущих специалистов. А способствовать этому как раз должно внедрение активных форм и методов обучения, обеспечение тесной связи учебно-воспитательного процесса и научно-производственной сферы. На этом необходимо сосредоточить все педагогические действия, которые могут обеспечить поиск новых и эффективных форм организации самостоятельной работы студентов.

Поэтому, чтобы достигнуть соответствующего современным требованиям уровня научно-практической подготовки будущих профессионалов (в частности инженеров-строителей), необходимо решить две главные задачи: создать условия для получения студентами глубоких фундаментальных знаний и коренным образом изменить подходы к организации их самостоятельной работы. Это наряду с повышением качества обучения при создании необходимых условий позволит стимулировать студентов к развитию творческих способностей, мотивировать их стремление к непрерывному приобретению

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Приказ Министерства образования и науки РФ (Минобрнауки России) от 19.12.2013 № 1367. Зарегистрирован в Минюсте РФ 24.02.2014. Регистрационный № 31402.

новых знаний. Не следует забывать и о приоритетности интересов студентов в самоопределении и самореализации.

Успешное выполнение самостоятельной работы как неотъемлемой составляющей образовательного процесса в вузе обеспечивается четким планированием, определением объема самостоятельной работы в соответствующих учебных планах и систематическим контролем со стороны преподавателей². Результативность эффективной организации СРС проявляется в том, что студент не просто накапливает знания, но уже в процессе обучения приобретает опыт овладения способами их добытия и нахождения места их приложения. В связи с этим в подготовке инженеров-строителей важную роль играет воспитание сознательного отношения самих студентов к формированию у себя целеполагания при решении комплекса образовательных задач и привитие осознанной привычки к напряженному интеллектуальному труду, достижению конечного результата. «Самостоятельная работа, прежде всего, завершает задачи всех других видов учебной работы. Никакие знания, не ставшие объектом собственной деятельности, не могут считаться подлинным достоянием человека» [16, с. 129].

Отсюда для преподавателей вуза с первых дней обучения одной из основных задач является выстраивание системы помощи студентам в организации их самостоятельной работы. Это необходимо, прежде всего, потому, что, как правило, у многих из них (что отмечено выше) навыки и умения самостоятельной работы в школе не сформированы. И в новых условиях обучения они не сразу адаптируются и не могут определиться с выбором приемов самостоятельной работы, правильно распределить время на выполнение учебных задач, тем более требующих творческого подхода. Например, до 70 % [17] (в нашей практике нередко случаи до 75–80 %) студентов 1 курса не используют прием систематизации материала для его лучшего понимания.

В современных условиях ускоренной интенсификации и конкуренции в строительной отрасли нарастает потребность в креативно мыслящих специалистах, т. е. оригинальных, активных, использующих свою фантазию и творчество. Для развития таких способностей преподаватели строительных дисциплин дают возможность студентам импровизировать в условиях выполнения заданий, быть самостоятельными и активными. Педагоги готовы к ошибкам и успехам, как своим, так и студентов. В преодолении всех сложностей на занятии следует видеть хороший шанс для общения студентов друг с другом и преподавателем.

К сожалению, на строительные специальности (поскольку не все они относятся к категории пре-

стижных) нередко поступают социально незрелые выпускники школ, многие с неопределенными нравственными ориентирами и не лучшие по полученным знаниям. Это обязывает преподавателей помимо формирования компетенций развивать у них способность и потребность к труду, созиданию и проводить большую воспитательную работу, в противном случае никакого практикоориентированного с высоким уровнем самостоятельности в работе специалиста производство и общество не получат. Следует также отметить, что педагогической наукой давно установлено [13], что только СРС прививает вкус к самообразованию. При этом важно помнить, что преподаватель, выстраивая систему СРС, должен ориентироваться на индивидуальные качества своего подопечного с тем, чтобы на определенном этапе его роль из организующей и контролирующей при выполнении СРС стала консультирующей и партнерской.

Обсуждение темы нашего исследования обозначило еще одну проблему, которой, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание, – это кадровое обеспечение учреждений как высшего, так и среднего профессионального образования. В настоящее время роль преподавателя и мастера производственного обучения по строительному профилю значительно сложнее, чем педагога общеобразовательных дисциплин. В нашей стране сохраняется низкий престиж рабочих профессий и инженерно-технических должностей. По этой причине, решая проблемы повышения качества и результативности профессионально-технического образования, нельзя избежать проблемы кадров. Можно повысить престиж рабочих профессий и инженерно-технического труда, разработать профессиональные и образовательные стандарты, предложить новые формы и методы обучения, создать самую современную учебно-лабораторную базу, но все это будет малоэффективным, если в учебных организациях не сохранятся опытные работники и не придут молодые профессионально ориентированные кадры, способные творчески и ответственно работать, получая удовольствие и радость от результатов своего труда. Главным критерием оценки качества педагога выступает динамика развития его основных составляющих: профессиональной компетентности и профессиональной культуры. Все преподаватели строительных дисциплин и мастера производственного обучения постоянно должны повышать уровень педагогического мастерства, свой образовательный потенциал, владеть современными методами педагогического и производственного мастерства [3, с. 120].

Современная строительная индустрия характеризуется широким внедрением новых информационных технологий и в то же время недостаточной

² Там же.

подготовкой инженеров и техников-строителей в этой области. К тому же *обучение и подготовка их к практической деятельности должна быть опережающей*. Прежде всего это обусловлено введением новых образовательных стандартов, поскольку возникла необходимость в обучении студентов основам проектирования с использованием автоматизированных и информационных систем, которые активно внедряются в производство. Для этого каждый преподаватель сам должен не только иметь навыки работы с компьютером, но и активно использовать компьютерную технику в учебном процессе применительно к решению производственных задач. К сожалению, весьма часто бывают случаи, когда на производстве используется техника классом значительно выше, чем вузовская, на которой обучаются студенты. Естественно, что в подобных случаях молодым специалистам приходится начинать свою деятельность на производстве с освоения новой техники и технологий. В подобной ситуации преподаватели обязаны хорошо быть знакомы с материальной базой, на которой придется применять вузовские знания их выпускникам.

Чрезвычайно важным педагогическим условием подготовки специалиста инженера для строительной отрасли является формирование мотивации к профессиональной деятельности. Здесь большую роль играет профессиональная компетентность преподавателя, которая заключается во владении собственно профессиональной деятельностью на высоком теоретическом и практическом уровне, в способности находить нестандартные решения, проектировать дальнейшее профессиональное самосовершенствование, ставить и реализовывать задачи саморазвития.

Опрос руководителя любого крупного предприятия показывает, как правило, низкую удовлетворенность качеством подготовки приходящих к нему на работу выпускников вузов. И по этой причине предприятия молодых специалистов берут на работу неохотно, хотя постоянно испытывают дефицит квалифицированных кадров и тратят усилия на переподготовку и обучение своих сотрудников.

Проблема недоверия работодателей к выпускнику системы профессионального образования и поиск путей ее решения в педагогической литературе всегда обсуждается весьма активно³. При этом, как показывают исследования, *недоверие работодателей к выпускникам системы высшего образования выражается в том, что предприятия реального сектора экономики слабо сотрудничают с вузами (как, впрочем, и сами вузы)*. В результате, несмотря на прописи ФГОС, производственники не являются активными

участниками учебного процесса в вузе, а места для производственной практики многие студенты ищут сами. Это приводит к тому, что «задачи производственной практики имеют описательный, а не "освоенческий" характер, а темы исследовательских работ студентов не имеют ничего общего с реальными проблемами действующих на территории региона (города) экономических субъектов» [18, с. 16]. Мало меняется ситуация и в настоящее время, поскольку «для вуза главной задачей остается сохранить себя, поэтому набор студентов активно идет на пользующиеся спросом, так называемые "модные" специальности, хотя работодателям нужны другие кадры» [18, с. 16]. В связи с этим они ориентируются «на внутренний потенциал своих работников и их переобучение» [18, с. 16], а при поиске будущих специалистов пользуются средствами коммуникации, которые не всегда захватывают в свои сети вузы. Изучая опыт работы вузов по формированию конкурентоспособности выпускников на примере строительных специальностей, Д. А. Коноплянский и Б. П. Невзоров отмечают, что формирование культуры СРС, а в дальнейшем и реализация стратегии формирования конкурентоспособного выпускника вуза предполагают необходимость становления «системы взаимодействия вуза с работодателями, разработанной с учетом комплексной диагностики рынка труда и транслирования возможностей рынка образовательных услуг» [3, с. 102]. Понимание работодателями, что проблемы ориентирования студента в профессиональном мире, формирование необходимых и важных компетенций и опыта не могут быть решены только вузом, способствует развитию сотрудничества и сближения позиций по согласованию требований к выпускнику вуза. В условиях нынешнего дефицита высококвалифицированных кадров в строительной отрасли и, с другой стороны, в условиях модернизации высшего профессионального образования в контексте реализации стратегии совершенствования их подготовки в вузах, на наш взгляд, необходимо сделать акцент на *заключение долгосрочных договоров учебного заведения с организацией-работодателем и привлечение ее к воспитательно-образовательному процессу*.

В рамках указанных договоров может предусматриваться со стороны кафедр вуза, наряду с усилением профессиональной подготовки студентов и повышением культуры их самостоятельной работы, переподготовка и обучение сотрудников и руководящего состава компании-работодателя по профилю кафедр вуза, в том числе через участие в семинарах-тренингах, обучение в магистратуре и пр.; привлечение сотрудников компании к участию в научно-практических мероприятиях вуза; проведение преподавателями и студентами вуза исследовательских (инновационных проектов и т. п.)

³ Мацоцкий С. Бизнес голосует за платное образование // Российская Бизнес-газета – Карьера и менеджмент. 06.03.2012. № 838 (9). Режим доступа: <https://rg.ru/2012/03/06/kompetencia.html> (дата обращения: 20.07.2018).

работ по заказу компании-работодателя. В то же время могут быть учтены запросы кафедр по участию студентов в программных мероприятиях компании: при планировании и проведении ознакомительных, учебных и производственных практик путем выделения ключевых культурных факторов, придающих силу инновационным педагогическим технологиям, среди которых важное значение приобретают такие, как мотивация на перспективу будущей профессиональной деятельности, обусловленной самостоятельным выбором; понимание сути социальным норм, «предоставляющих индивидуумам свободу выбора партнеров для сотрудничества». Культура формируется в актуальной практике ролевого поведения и взаимодействия с разными партнерами «не из спущенных сверху инструкций» [19, с. 18].

Таким образом, высшее учебное заведение через внедрение в свою практику системы непрерывной практической подготовки студентов и последующего трудоустройства выпускников на основе организации долгосрочного взаимодействия с работодателями в рамках развития концепции взаимодействия вуза с предприятиями-работодателями (как с реальными, так и с потенциальными) достигает того, что еще в период учебы студенты знакомятся со спецификой реальной трудовой деятельности конкретных организаций и получают так необходимый им практический опыт, в том числе самостоятельной работы, а значит, имеют определенные гарантии трудоустройства по профилю подготовки после окончания своего обучения в вузе (например, концепция взаимодействия филиала ТГАСУ в г. Ленинске-Кузнецком Кемеровской области с предприятиями-работодателями) [3, с. 103].

В целой серии работ отечественных исследователей [1 – 4; 10; 11] представлен анализ различной степени эффективности методы организации СРС с учетом ее планирования, отбора содержания, методического обеспечения, мониторинга и подведения итогов, что позволяет достичь в новых условиях формы учебного взаимодействия преподавателей и студентов усиления мотивации в освоении и приобретении профессиональных умений и навыков, возрастания познавательной активности и творческой самостоятельности обучаемых.

Вместе с тем именно в целях усиления мотивации отработки навыков будущей профессиональной деятельности нами избраны некоторые педагогические основания, способствующие формированию культуры самостоятельной работы студентов, в которые заложены педагогические технологии, базирующиеся на теории деятельности, в частности проектное и проблемное обучение, методы конкретных ситуаций, деловые игры и т.д. Следует обратить внимание на то, что система данных педагогических оснований создает благоприятный климат для фор-

мирования специалистов с положительным отношением к выбранной профессии, формирует имидж и статус учебного заведения.

Следует иметь в виду, что при организации СРС всех видов большое значение имеет создание банка заданий и задач для самостоятельного решения. При этом эти задания должны быть компетентностно-ориентированными, а в основе каждой компетентностно-ориентированной задачи для будущих инженеров-строителей должна быть учтена проблемная ситуация из реальной профессиональной деятельности, соответствующей определенному виду и компетенции будущего специалиста. Это, как показывают исследования [11], в учебно-воспитательном процессе современного вуза является одним из условий успешной подготовки компетентного бакалавра, способного самостоятельно осуществить выполнение основных видов профессиональной деятельности.

Эффективность описанной методики, на наш взгляд, подтверждает мониторинг мотивации значимости избранной профессии и профессионального мастерства, уровня развитости общих умений и навыков (готовности к выполнению профессиональной деятельности), умения разрешать проблемные ситуации студентов строительных направлений.

Как следует из исследования Т. Б. Исаковой [20], для оценки СРС не меньшее значение имеют критерии, через которые представляется возможность оценить эффективность организации СРС, обусловленной применением ряда педагогических технологий (проектное и проблемное обучение, методы конкретных ситуаций и портфолио и т.д.). Из педагогической практики известно, что большое количество времени (50 % от общего количества), отводимого на СРС, еще не является гарантией ее качества. По этой причине возникает проблема поиска возможности оценки эффективности организации СРС и выработки критериев этой оценки. Автор справедливо указывает, что *критерии оценки эффективности самостоятельной работы – это измерение уровня их действительности.*

К числу педагогических оснований формирования культуры СРС нами отнесены применения разных видов оценивания результатов достаточно широкого количества работы студентов при проведении самостоятельных (в том числе научно-исследовательских работ). Как показано в работе И. В. Клещевой, «информация о достижениях студентов поможет дифференцировать обучение, чтобы учесть потребности и возможности всех обучающихся, но и поможет им контролировать собственное образование и формировать максимум компетенций в образовательной среде сейчас и в дальнейшей жизни» [21]. Помимо контроля выполняется ряд функций, позволяющих установить критерии оценки основных педагогических технологий организации СРС.

В работе [22] обстоятельно рассмотрено и показано, что существенный вклад в формирование культуры СРС вносит технология проектного обучения, создающая условия, при которых студенты поэтапно осваивают разработку проектного задания, самого проекта, оформляют результаты и т. д. При этом четко определяются критерии оценки качества самостоятельной работы над проектом, важные в будущей профессиональной деятельности: от умения обосновать актуальность исследовательской проблемы, постановки целей и задач проекта, планирования работы до оформления результата проектной деятельности и достижения цели проекта, в конечном счете намеченных целей обучения. Не менее важным педагогическим основанием формирования культуры СРС является педагогически правильно примененные методы проблемного обучения, заключающиеся в создании проблемных ситуаций, «в осознании, принятии и разрешении этих ситуаций в ходе совместной деятельности обучающихся и преподавателя, при оптимальной самостоятельности первых и под общим направляющим руководством последнего, а также в овладении студентами в процессе такой деятельности обобщенными знаниями и общими принципами проблемных задач. Проблемное обучение способствует формированию у студентов необходимой системы общекультурных и профессиональных компетенций и достижению высокого уровня развития способности к самообучению, самообразованию, исследовательской активности, самостоятельности» [22].

Кроме того, очень важно отметить [11], что проблемное обучение обеспечивает прочность приобретаемых знаний, поскольку они добываются в самостоятельной деятельности. Человек попадает в ситуацию подобно деятелю, решающему творческую задачу или проблему.

Следует подчеркнуть, что из педагогических исследований известно: включение студентов в самостоятельную работу необходимо как в аудитории, так и вне ее. Как не удивительно (это в высшей школе широко известно), но это факт: кафедры и лекторы, будучи ограниченными во времени, часто преувеличивая роль логического начала в преподнесении своих дисциплин, не уделяют внимания проблеме его восприятия студентами – не вовлекают их на аудиторных занятиях в активный процесс восприятия излагаемого в лекции материала. И как результат этого: слабо высвечиваются внутри- и междисциплинарные связи, преемственность дисциплин оказывается весьма низкой. Это практически повсеместно встречается в образовательной практике, несмотря на наличие программ непрерывной подготовки и множественность методических разработок,

в том числе с использованием информационных технологий.

Обучение студентов, приходящих на строительные специальности с различиями в уровне довузовской подготовки (как отмечено выше), показывает, что для активного владения знаниями в процессе аудиторной работы необходимо по крайней мере понимание учебного материала и наиболее оптимально – творческое его восприятие. В процессе обучения, особенно на младших курсах, сильна тенденция на запоминание изучаемого материала, поскольку нынешние выпускники общеобразовательной школы, пришедшие на технические специальности и направления в условиях низкоконкурсных (низкие баллы ЕГЭ) приемов в вузы, не все готовы к восприятию программ высшего образования [11]. Это, прежде всего, относится к дисциплинам, обусловленным связями с другими дисциплинами. В то же время знания студентов, не закрепленные связями, имеют плохую сохраняемость. Особенно опасно это для дисциплин, обеспечивающих фундаментальную подготовку – базовую для будущей профессии, в частности инженера-строителя. Результаты анализа успеваемости студентов на сессиях, а также в процессе выполнения индивидуальных заданий при подготовке к практическим занятиям, выполнении курсовых, дипломных и исследовательских работ являются тому свидетельством. Как правило, научно-теоретическое обоснование проектов вызывает наибольшие затруднения у тех студентов, которые на сессиях показывали лишь удовлетворительные знания по теоретическим дисциплинам. А таковых на первом-третьем курсах строительных специальностей бывает до 30–40 % каждую сессию.

По этой причине отметим еще раз: надо стремиться к активному творческому восприятию знаний через создание проблемных ситуаций. И каждый хороший педагог использует *проблемное обучение*, т.к. оно связано с исследованием и этим самым отличается от традиционного, поскольку любое исследование есть процесс получения новых знаний, а обучение – процесс передачи уже известных знаний. Остается добавить, что *проблемное обучение отвечает требованиям дня: обучать, исследуя, исследовать обучая*. Только так и можно формировать творческую личность, т.е. выполнять сверхзадачу нашего педагогического труда.

Многие (в том числе и наши *пробные* по аналогии с разработкой И. Тереховой⁴) исследования показывают: чрезвычайно результативными организационно-педагогическими основаниями, оказывающими воздействие на формирование культуры СРС будущих инженеров-строителей являются

⁴ Терехова И. Образовательные технологии: деловые игры. 05.11.2015. Режим доступа: <http://integross.net/obrazovatelnye-texnologii-delovye-igr/> (дата обращения: 20.07.2018).

мероприятия, включающие деловые игры, близкие к процессам производства соответствующего профиля. Как отмечает А. А. Вербицкий, «В игре воссоздаются основные закономерности движения профессиональной деятельности и профессионального мышления на материале динамически порождаемых и разрешаемых совместными усилиями участников учебных ситуаций» [23]. Не менее важное значение придает проведению деловых игр В. Я. Платов, который считает, что «процесс обучения максимально приближен к реальной практической деятельности руководителей и специалистов. Это достигается путем использования в деловых играх моделей реальных социально-экономических отношений» [24].

Ведущий принцип проведения деловой игры – это имитация реальной организационной и управленческой среды, в которой происходит строительство объектов и сдача их в эксплуатацию. Анализируя ход и итоги цикла деловых игр выделяются несколько факторов, по которым можно судить об эффективности проведения деловых игр для развития бизнес-составляющей у студентов строительных специальностей. В качестве примера приведем данные по деловой игре *Совещание по вопросу уточнения сроков и графика строительства хозяйственного объекта*. По аналогии с разработкой И. Тереховой (ИГЭС⁵) нами по итогам цикла деловых игр были выделены несколько факторов, по которым можно судить об эффективности проведения деловых игр для развития бизнес-составляющей у студентов будущих инженеров-строителей, данные представлены в таблице.

Следует отметить, что «Основной принцип проведения деловой игры – это имитация реальной организационной и управленческой среды, в которой происходит строительство объектов и сдача их в эксплуатацию. Отсюда правила формирования и измерения знаний в ходе ее проведения и оценки результативности можно сформировать исходя из методов, реализованных в крупных компаниях, достигших высокой эффективности систем управления знаниями»⁶.

Подведение итогов проведенных деловых игр позволило студентам-участникам этих деловых игр отметить и понять, что в реальных производственных условиях значительно эффективнее просматриваются решения сложных производственных проблем, продуктивнее общение при поиске путей совместных проектных и административных решений. Таким образом, методика деловых игр помогает выпускникам реализовать данные задачи. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на то, что деловые игры оказывают хорошее формирующее воздей-

Таблица. Факторы эффективности проведения деловых игр для развития бизнес-составляющей у студентов строительных специальностей

Table. Efficiency factors of business games for the development of the business component in students of students of civil engineering

Факторы	Процент воздействия	
	ИГЭС	Л-К ТГАСУ
Заинтересованность и сосредоточенность	47,14	46,76
Соответствие реальности	30,00	32,00
Понимание организационной модели	4,29	4,15
Понимание структуры организации	12,86	14,24
Командная работа	5,71	5,75

ствие на культуру СРС инженеров-строителей, слабо разработана теория системного подхода развития цикла деловых игр, отсутствует методика определения оценки эффективности процессов игры, места участников, бюджета времени этапов игры и т. д.

В заключение отметим, что у обучаемых часто недостаточно сформирована культура умственного труда, которая исполняет роль механизма, опосредующего реализацию познавательных способностей студента в успешном освоении учебной деятельности и являющегося основой становления его личности как субъекта самообразования. Более того, психолого-педагогическими исследованиями установлено, что культура умственного труда представляет собой сложное педагогическое явление, включающее совокупность взаимосвязанных компонентов [25]. *При организации учебно-воспитательного процесса в вузе необходим комплексный подход, т.е. воспитательные воздействия должны быть направлены на формирование личности в целом.*

При этом одним из приоритетных условий формирования культуры умственного труда студентов, отражающих особенности ее организации в студенческом возрасте, выступает самостоятельная работа студентов, как ведущая и активизирующая форма осуществления умственного труда, способствующая развитию личности студента как субъекта культуры.

Заключение

Указанные выше педагогические основания по применению приведенных технологических приемов представляют особую ценность в современном образовательном процессе при формировании культуры СРС будущих инженеров-строителей, владеющих культурой самостоятельной работы,

⁵ Там же.

⁶ Там же.

предполагающем осознание ответственности как за собственную самостоятельную учебную деятельность, так и за формирование качеств, необходимых для достижения успешности в будущей профессиональной карьере. Подчеркнем, что используемая

нами методика способствует освоению приемов и техник самоорганизации деятельности, а также методик самодиагностики, необходимых при передаче значительной части работы над учебным материалом непосредственно самим студентам.

Литература

1. Рыскулова М. Н. Тенденция становления самостоятельной работы студентов технического вуза // Человек и образование. 2012. № 2. С. 105–109.
2. Невзоров Б. П., Рябых С. М. Учим учиться // Высшее образование в России. 1994. № 3. С. 49–52.
3. Коноплянский Д. А., Невзоров Б. П. Педагогическая стратегия формирования конкурентоспособности выпускника вуза. М.: Спутник+, 2016. 251 с.
4. Турбина Н. Е. Педагогические условия организации самостоятельной деятельности студентов в образовательном процессе университета: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2011. 261 с.
5. Мещерякова Е. В., Ольферович А. Б., Усевич В. А. Направление развития самостоятельной работы студентов // Труды БГУ. № 8. Учебно-методическая работа. 2015. № 8. С. 141–144.
6. Леонтьев А. Н. Философия психологии. Из научного наследия / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
7. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
8. Вербицкий А. А. Контекстное обучение: понятие и содержание // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 4. С. 8–13.
9. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
10. Артемова Ю. В. Формирование конкурентоспособности будущего журналиста в образовательном процессе университета: автореф. дис. канд. пед. наук. Елец, 2012. 22 с.
11. Шингарёва М. В. Организация самостоятельной работы студентов вуза в условиях реализации ФГОС ВПО // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. 2015. № 4. С. 24–29.
12. Рудина Т. В. Организация самостоятельной работы студентов бакалавриата вузов на основе познавательно-деятельностной матрицы: дис. канд. пед. наук. Самара, 2012. 213 с.
13. Вербицкий А. А. Теория и технологии контекстного образования. М.: МГПУ, 2017. 248 с.
14. Власенко А. А., Соболева Н. В., Соболев С. В., Маржеников М. В. Компетентностный подход к совершенствованию самостоятельной работы студентов // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-10. С. 2298–2302.
15. Редлих С. М., Козырева О. А. Система принципов формирования культуры самостоятельной работы педагога как механизм реализации условий продуктивного педагогического взаимодействия // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 27–29.
16. Основы педагогики и психологии в высшей школе / ред. А. В. Петровский. М.: МГУ, 1986. 303 с.
17. Рубаник А. Н., Большакова Г. И., Тельных Н. В. Самостоятельная работа студентов // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 120–124.
18. Зубарева Т. А., Мальковец Н. В. Создание сети взаимодействия вуза с партнерами для освоения проектной составляющей в профессии // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 15–21.
19. Хван В., Хоровитт Г. Тропический лес. Секрет создания следующей Силиконовой долины. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. 332 с.
20. Исакова Т. Б. Проектирование технологии организации самостоятельной работы студентов в условиях реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 2(18). С. 97–105.
21. Клещева И. В. Оценка эффективности научно-исследовательской деятельности студентов. СПб: НИУ ИТМО, 2014. 91 с.
22. Исакова Т. Б., Галагузова М. А. Критерии оценки эффективности организации самостоятельной работы студентов в условиях реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 4(19). С. 84–91.
23. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991. 207 с.
24. Платов В. Я. Деловые игры: разработка, организация и проведение. М.: Профиздат, 1991. 156 с.
25. Современные образовательные технологии / под ред. Н. В. Бордовской. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.

FORMATION OF SELF-STUDY CULTURE IN FUTURE CIVIL ENGINEERS: PEDAGOGICAL FOUNDATIONS

Alexey A. Matveev^a; Boris P. Nevzorov^{b, @, ID}

^a The Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007

^b Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ nevzorov@kemsu.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-2041-8610>

Received 26.06.2018. Accepted 12.12.2018.

Keywords: time budget, contextual learning, intradisciplinary communication, interdisciplinary communication, heuristic unsupervised activities, organizational and pedagogical conditions, organizational and pedagogical foundations, pedagogical technologies

Abstract: *Introduction.* The present paper features some approaches to the pedagogical foundations that shape the self-study culture of a future civil engineer. Personal qualities of students play an important role in technical education, as the profession of a civil engineer is associated with extreme responsibility. The study is based on the activity theory, which states that one can gain social experience only as a result of one's own activities, i.e. through contextual training. According to the theory of contextual learning, transmitting information to the student is not enough, it is student's own internally motivated activity that matters. *Results.* The paper is based on various researches devoted to unsupervised activities on various subjects and authors' own observations and experiments. The authors believe that university students are not ready for unsupervised learning, mostly because secondary school did not prepare them for it. Our data show that first-year students cannot plan their actions to achieve a certain goal in solving specific tasks; they are unable to rank tasks according to priority and time factor; finally, their self-organization and communication skills leave much to be desired. Thus, the level of self-study culture in future civil engineers is extremely low. The paper features some pedagogical foundations that contribute to the formation of self-study culture. The foundations incorporate pedagogical technologies based on the activity theory, e.g. project and problem-based learning, case methods, business games, etc. *Conclusion.* The abovementioned pedagogical techniques are of particular value for the modern educational process that involves future civil engineers and their unsupervised activities. Technical education should raise an awareness of responsibility, both for students' own self-studies and for the formation of the qualities required for success in their future professional career.

For citation: Matveev A. A., Nevzorov B. P. Pedagogicheskie osnovaniia formirovaniia kul'tury samostoiatel'noi raboty studenta – budushchego inzhenera-stroitelia [Formation of Self-Study Culture in Future Civil Engineers: Pedagogical Foundations]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 20–32.

References

1. Ryskulova M. N. Tendentsiia stanovleniia samostoiatel'noi raboty studentov tekhnicheskogo vuza [Trends in technical college students' independent work development]. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*, no. 2 (2012): 105–109.
2. Nevzorov B. P., Riabykh S. M. Uchim učit'sia [Teach how to learn]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 3 (1994): 49–52.
3. Konoplyansky D. A., Nevzorov B. P. *Pedagogicheskaiia strategiia formirovaniia konkurentosposobnosti vypusknika vuza* [Pedagogical strategy of forming the competitiveness of a university graduate]. Moscow: Sputnik+, 2016, 251.
4. Turbina N. E. *Pedagogicheskie usloviia organizatsii samostoiatel'noi deiatel'nosti studentov v obrazovatel'nom protsesse universiteta*. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical conditions of the organization of independent activity of students in the educational process of the university. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Voronezh, 2011, 261.
5. Meshcheriakova E. V., Olferovich A. B., Usevich V. A. Napravlenie razvitiia samostoiatel'noi raboty studentov [The direction of development of independent work of students]. *Trudy BGU. № 8. Uchebno-metodicheskaiia rabota = Works of the Belarusian State Technological University. Series 8. Educational and methodical work*, no. 8 (2015): 141–144.

6. Leont'ev A. N. *Filosofiiia psikhologii. Iz nauchnogo naslediiia* [Philosophy of psychology. From scientific heritage]. Ed. Leont'ev A. A., Leont'ev D. A. Moscow: Izd-vo MGU, 1994, 228.
7. Vygotsky L. S. *Pedagogicheskaiia psikhologiiia* [Pedagogical psychology]. Ed. Davydov V. V. Moscow: Pedagogika-Press, 1999, 536.
8. Verbitsky A. A. Kontekstnoe obuchenie: poniatie i sodержanie [Contextual learning: concept and content]. *Eksperiment i innovatsii v shkole = Experiment and innovation in school*, no. 4 (2009): 8–13.
9. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia* [Man as a subject of knowledge]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 288.
10. Artemova Iu. V. *Formirovanie konkurentosposobnosti budushchego zhurnalista v obrazovatel'nom protsesse universiteta*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Formation of the competitiveness of the future journalist in the educational process of the university. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr.]. Elets, 2012, 22.
11. Shingareva M. V. Organizatsiia samostoiatel'noi raboty studentov vuza v usloviakh realizatsii FGOS VPO [Organization of independent work of university students in the context of the implementation of the FSES VPO]. *Vestnik FGOU VPO MGAU = Bulletin of V. P. Goryachkin Moscow State Agroengineering University*, no. 4 (2015): 24–29.
12. Rudina T. V. *Organizatsiia samostoiatel'noi raboty studentov bakalavriata vuzov na osnove poznavatel'no-deiatel'nostnoi matritsy*. Diss. kand. ped. nauk [Organization of independent work of undergraduate students of universities based on the cognitive activity matrix. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Samara, 2012, 213.
13. Verbitsky A. A. *Teoriia i tekhnologii kontekstnogo obrazovaniia* [Theory and technology of contextual education]. Moscow: MGPU, 2017, 248.
14. Vlasenko A. A., Soboleva N. V., Sobolev S. V., Marzhenakov M. V. Kompetentnostnyi podkhod k sovershenstvovaniuu samostoiatel'noi raboty studentov [Competence-based approach to improving the independent work of students]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 9-10 (2014): 2298–2302.
15. Redlikh S. M., Kozyreva O. A. Sistema printsipov formirovaniia kul'tury samostoiatel'noi raboty pedagoga kak mekhanizm realizatsii uslovii produktivnogo pedagogicheskogo vzaimodeistviia [System of principles forming independent work culture of a teacher as a technique to realize terms of efficient pedagogical interaction]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, no. 1 (2012): 27–29.
16. *Osnovy pedagogiki i psikhologii v vysshei shkole* [Foundations for pedagogy and psychology in higher education]. Ed. Petrovskii A. V. Moscow: MGU, 1986, 303.
17. Rubanik A. N., Bol'shakova G. I., Tel'nykh N. V. Samostoiatel'naia rabota studentov [Independent work of students]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, no. 6. (2005): 120–124
18. Zubareva T. A., Malkovets N. V. Sozdanie seti vzaimodeistviia vuza s partnerami dlia osvoeniia proektnoi sostavliaiushchei v professii [Interaction network between a higher education institution and its partners as a professional project component]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 1 (2018): 15–21.
19. Hwang W. V., Horowitz G. Tropicheskii les. *Sekret sozdaniia sleduiushchei Silikonovoi doliny* [The rainforest. How to build the next silicon valley]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta system upr. i radioelektroniki, 2012, 332.
20. Isakova T. B. Proektirovanie tekhnologii organizatsii samostoiatel'noi raboty studentov v usloviakh realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v professional'nom obrazovanii [The design technology of organization of independent work of students in the conditions of realization of the competence approach in vocational education]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, no. 2(18) (2015): 97–105.
21. Kleshcheva I. V. *Otsenka effektivnosti nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti studentov* [Evaluation of the research efficiency of students]. Saint-Petersburg: NIU ITMO, 2014, 91.
22. Isakova T. B., Galaguzova M. A. Kriterii otsenki effektivnosti organizatsii samostoiatel'noi raboty studentov v usloviakh realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v professional'nom obrazovanii [Criteria for evaluating the efficiency of the organization of independent work of students in conditions of realization of the competence approach in vocational education]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, no. 4(19) (2015): 84–91.
23. Verbitsky A. A. *Aktivnoe obuchenie v vysshei shkole: kontekstnyi podkhod* [Active higher education: contextual approach]. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 207.
24. Platov V. Ia. *Delovye igry: razrabotka, organizatsiia i provedenie* [Business games: development, organization, and implementation]. Moscow: Profizdat, 1991, 156.
25. *Sovremennye obrazovatel'nyetekhnologii* [Modern educational technology]. Ed. Bordovskaia N. V. Moscow: KNORUS, 2010, 432.

УДК 378.1; 371.3

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЗАНЯТИЙ РИТМОПЛАСТИКОЙ

Алена А. Русинович^а; Ольга А. Угольникова^{а, @}

¹ Дом детского творчества, 652800, Россия, г. Осинники, ул. Кирова, 27

² Сибирский государственный индустриальный университет, 654007, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42

@ugolnikovaao@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.04.2018. Принята к печати 20.07.2018.

Ключевые слова:

педагогическое моделирование, педагогическая методология, принципы организации, педагогические условия оптимизации, качество организации

Аннотация: В статье описываются педагогические основы построения занятий с обучающимися по ритмопластике, в структуре которых здоровьесбережение является конструктом самоорганизации качества решения задач развития личности. Многомерность педагогического поиска определяет возможность учета возрастосообразного выбора основ и технологий развития личности в структуре организации занятий ритмопластикой как одного из направлений оптимизации модели культуры здоровья и нормализации двигательной активности личности, включенной в систему непрерывного образования. В работе определены виды и типы включения личности в систему занятий ритмопластикой (учет нормального распределения способностей и здоровья), выделены принципы построения занятий с обучающимися по ритмопластике, отражены педагогические условия оптимизации качества построения занятий с обучающимися по ритмопластике, детализированы возможности разработки педагогических технологий формирования культуры здоровья в модели развития личности в системе непрерывного образования. Качество постановки и решения задач здоровьесберегающего программирования и самопрограммирования личности в системе дополнительного образования детей и юношества определяется в структуре занятий ритмопластикой по поведению обучающегося, его заинтересованностью занятиями и результатами развития, социализации и само. Успешность использования технологий здоровьесбережения на занятиях ритмопластикой определяется учетом всех составных реализации доступного образования и востребованных социально-образовательных услуг в модели непрерывного и дополнительного образования.

Для цитирования: Русинович А. А., Угольникова О. А. Педагогические основы реализации идей здоровьесбережения в системе занятий ритмопластикой // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 33–40.

Введение

Ритмопластика в модели современного дополнительного образования детей и юношества определяет возможность персонифицированного развития личности обучающегося в системе детерминант и условий оптимального решения задач *хочу, могу, надо, есть*, системно детализирующих условия поэтапного, возрастосообразного проектирования и достижения акме. В таком выборе необходимо учитывать различные составные успешного решения задач развития личности в модели социализации и самореализации, где учет нормального распределения способностей и здоровья предопределяет все звенья генерации и реализации программно-педагогического сопровождения целостного педагогического процесса, в котором обучающийся может определять и детализировать

успешные способы решения задач, раскрываемые через доступную среду, персонификацию развития личности, продуктивные и креативные формы самовыражения и самоутверждения.

Способность личности обучающегося связывать основы ритмопластики с уровнем успешности и здоровьесбережения – одна из центральных идей персонифицированного развития личности, в структуре которой особенности и специфика педагогической деятельности и педагогической поддержки обучающегося визуально детализируют принадлежность личности к одной из трех групп, условно выделяемых на кривой нормального распределения способностей и здоровья (распределение Гаусса), гипотетически объясняющей практику разработки и уточнения основ занятий с обучающимися с учетом всех составных развития

личности, включенной в социально-образовательное или культурно-историческое пространство.

Для уточнения и детализации моделей реализации идей здоровьесбережения в системе занятий ритмопластикой определим особенности продуктивного поиска в учете следующих используемых элементов современного научного поиска и научного исследования в традиционной и инновационной педагогике:

– детерминация основ здоровьесбережения в системе поликультурных отношений и продуктивных способов решения генерируемых личностью задач [1], позволяющих современной педагогике на макро-, мезо- и микроуровнях выделять и решать сообразно уровню различные задачи поиска и продуктивной оптимизации качества педагогической деятельности;

– визуализация традиционных и инновационных составных детерминации и презентации проблем, ресурсов и продуктов здоровьесберегающей педагогики в современном образовании [2], основы и специфика которых определяют перспективность изучения тех или иных средств и методов научного и научно-педагогического знания;

– продуктивная акмеверификация возможностей исследования современного процесса реализации здоровьесберегающих технологий в образовании [3], позволяющих системно выделять и решать все педагогически верифицируемые кейс-модели, матрицы и конструкты поиска оптимальной системы и технологии развития личности как продукта деятельности педагога, функционирования системы социально-образовательных отношений и способности личности быть включенной в общество и востребованной в нем;

– основы ритмопластики как выделенного направления продуктивной социализации и самореализации личности [4];

– научно-продуктивные особенности включения личности в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений [5], раскрывающих качество постановки и решения задач педагогической деятельности и научного поиска в модели современного образования;

– использование детерминированных условий и конструктов здоровьесберегающего подхода в построении тактики и стратегии принятия решений педагогом, где мультисреда определяет условия, формы, методы, средства, технологии решения задач развития, социализации, самореализации и пр. [6];

– теоретико-эмпирическое определение возможностей здоровьесберегающих образовательных технологий [7] в иерархии детализируемых противоречий и проблем развития личности педагога и обучающегося, определяющих воспитание

основой для всех педагогически целесообразных процессов и способов решения задач современного образования;

– уровневое научное проектирование возможностей и продуктивных решений педагогом дополнительного образования, отражающих при учете условий и технологий деятельности социальную направленность развития личности и системы образования и образовательных услуг дополнительного образования, может быть системно определено через качественное использование основ педагогического моделирования в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений педагогических работников [8];

– здоровьесберегающая педагогика [9–11] как условие и продукт решения задач социализации и самореализации личности через спорт и непосредственно сопряженные с физической культурой виды деятельности определяет успешные условия постановки и решения задач развития, социализации и самореализации обучающегося в мультикультурных отношениях;

– теоретико-эмпирические особенности развития детей и родителей в условиях школы искусств через активизацию внимания к занятиям ритмопластикой [12], гарантирующие личности и обществу поэтапное проектирование и реализацию условий повышения качества решения задач формирования личности в здоровом образе жизни и эстетизации личного пространства средствами и методами физического воспитания и физической культуры, определяющих в модели *в здоровом теле здоровый дух* основу самоорганизации развития, социализации и самоутверждения личности;

– принципы и конструкты научно-педагогической деятельности в системе детерминант и условий оптимизации качества поставленных задач педагогической деятельности [13; 14], определяющие успешность продуктивного поиска и решения выделяемых и решаемых условий оптимизации качества педагогической деятельности и оказываемых образовательных услуг;

– персонализированные возможности ритмопластики в формировании культуры здоровья обучающегося [14], определяемые в иерархии современных требований к деятельности педагога и реализуемых педагогом образовательных услуг в системе дополнительного образования;

– основы научного исследования по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования [15] определяют возможность проектирования и уточнения задач научного поиска, детализация нюансов которых может быть сведена в нашем случае к теоретическому объяснению возможности реализации идей здоровьесбережения в системе занятий ритмопластикой [14];

– формирование потребности обучающегося в культуре здоровья средствами и методами физической культуры [16] определит перспективность учета условий и моделей системного анализа качества двигательной активности личности и успешности реализации идей релаксации и самовосстановления личности обучающегося средствами физической культуры;

– моделирование в решении задач формирования культуры здоровья и здоровьесберегающей подготовки обучающихся [17–19].

Направления продуктивного поиска в модели педагогической деятельности:

– выявление организационно-педагогических условий формирования у обучающихся дополнительного образования культуры здоровья как способа и механизма повышения качества развития личности, включённой в систему непрерывного образования, определяет в системной задаче возможность теоретико-эмпирического использования синергетического подхода для фасилитации персонифицированных моделей включения личности в различные направления деятельности и общения;

– построение и актуализация основ и практики решения задач здоровьесбережения обучающихся в образовательной организации гарантирует в рассмотрении и уточнении педагогических конструктов и кейс-задач возможность повышения качества научного поиска и возможностей педагогической деятельности;

– построение и актуализация основ и практики решения задач здоровьесбережения обучающихся в образовательной организации представляет интерес в модели учета основ и технологий развития личности как механизмов самоорганизации продуктивности и креативности личности в социально-образовательной среде;

– уровневое научное проектирование возможностей и продуктивных решений педагогом дополнительного образования, отражающих при учете условий и технологий деятельности социальную направленность развития личности и системы образования и образовательных услуг дополнительного образования, определяет успешность включения личности обучающегося с различными способностями и потребностями в модель современных социально-образовательных отношений.

Комплекс понятий сферы ритмопластики

Определим основные рабочие определения понятий, непосредственно связанных с занятиями ритмопластикой.

Ритмопластика – вид гимнастики, определяющий через гармонию двигательной активности

личности и системно выявляемые основы формирования различных здоровьесберегающих основ развития личности повышение качества устойчивого формирования потребностей и возможностей развития личности, персонифицированной социализации и самореализации личности через составные реализуемых упражнений и специально созданных программ развития личности средствами и методами гимнастики, в основе которой определяются ритм и физическая активность, целостно отражающие условия формирования внутреннего мира личности и ее способности к будущей самоорганизации.

Возрастная направленность занятий ритмопластики определяется дошкольным возрастом и возрастом обучающихся начальной школы. В случае специального воспитания и персонифицированного развития ребенка с ОВЗ модель и занятия ритмопластикой можно начать с дошкольного возраста и пролонгировать на более поздний интервал развития личности.

Методы занятий ритмопластикой – пути, способы формирования личности обучающегося средствами гимнастических упражнений, особенности которых выполняются в согласованной последовательности и системности постановки и решения задач развития личности средствами физического воспитания и физической культуры, определяющих через ритм и эстетико-двигательные упражнения высокое качество достижения физической активности личности и сформированности базовой потребности личности обучающегося в физической культуре.

Средства занятий ритмопластикой – идеальные и материальные предметы занятий ритмопластикой в модели современного образования, гарантирующей личности и обществу своевременность восстановления организма через формирование ценности движения и двигательной активности как конструкта самосохранения и самоактуализации личности.

Принципы занятий ритмопластикой – основные положения теории и практики планирования и организации занятий ритмопластикой, обеспечивающие оптимальное решение задач развития обучающегося средствами и методами, формами и технологиями занятий ритмопластикой.

Формы занятий ритмопластикой – организационно-педагогические структуры занятий, определяющие в средствах и методах, упражнениях и программах занятий ритмопластикой возможность продуктивного поиска и решения задач гармоничного развития обучающегося через физическую культуру и основы здорового образа жизни.

Технологии занятий ритмопластикой – совокупность средств и методов занятий ритмопла-

стикой, гарантирующая в единстве целостность и целенаправленность решения задач развития личности в модели занятий ритмопластикой.

Здоровьесбережение – основа реализации деятельности личности в модели непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений, гарантирующая сохранение здоровья личности и общества за счет качественного выбора оптимальных возможностей развития (*хочу, могу, надо, есть*), предопределяющих точность и воспроизводимость условий оптимизации деятельности личности с учетом возраста, креативности, продуктивности, гибкости и других особенностей и моделей развития как показателей успешности и востребованности личности в обществе.

Педагогические условия оптимизации качества занятий ритмопластикой – совокупность кейс-моделей, определяющих успешность продуктивного поиска в детализации и персонификации особенностей развития личности через занятия ритмопластикой как избранным видом деятельности обучающегося.

Социализация личности в системе занятий ритмопластикой – направленность реализуемой деятельности педагога в повышении качества социального одобрения основ развития и самоутверждения обучающегося через системность и продуктивность занятий ритмопластикой, гарантирующих повышение уровня развития личности в социальном пространстве и успешность оптимизации социальных и образовательно-деятельностных (трудовых) отношений.

Самореализация личности в системе занятий ритмопластикой – продуктивная форма или тип социализации личности в системе занятий ритмопластикой.

Программа занятий ритмопластикой – совокупность определяемых и решаемых в современной педагогике проблем развития личности, где возможности занятий ритмопластикой определяются целостной формой представления данных о планировании и организации организуемых педагогом занятий по ритмопластике.

Программно-педагогическое сопровождение занятий ритмопластикой – совокупность разрабатываемых средств, методов, форм, учебных пособий, учебно-методических пособий и прочих теоретико-эмпирических новообразований современной инновационной педагогики, гарантирующая в единстве повышение качества решения тех или иных задач и проблем включения личности в воспитательно-образовательное пространство, учета возможностей и детерминированной направленности занятий обучающегося ритмопластикой как направлением социализации и самореализации личности.

Педагогические основы построения занятий с обучающимися по ритмопластике, в структуре

которых здоровьесбережение является конструктом самоорганизации качества решения задач развития личности определяет успешность социализации и самореализации личности обучающегося, его заинтересованность в собственном развитии и качестве продуктивного становления.

Многомерность педагогического поиска определяет возможность учета возрастосообразного выбора личностью основ и технологий развития личности в структуре организации занятий ритмопластикой как одного из направлений успешного проектирования будущего, оптимизации модели культуры здоровья и нормализации двигательной активности личности, включенной в систему непрерывного образования.

Принципы занятий ритмопластикой в модели современного образования:

- свобода и ответственность за собственный выбор и условия развития личности;
- научное решение задач развития, социализации и самореализации обучающегося средствами и методами занятий ритмопластикой;
- доступность и посильная сложность выполняемых на занятиях ритмопластикой упражнений;
- формирование потребности в здоровьесбережении и позитивном самовыражении личности;
- персонификация развития личности и учет модели нормального распределения способностей обучающихся в генеральной выборке обучающихся;
- возрастосообразность развития личности в системе занятий ритмопластикой;
- поэтапное развитие личности обучающегося в иерархии организуемых занятий используемых им педагогических технологий;
- включенность и востребованность обучающегося в социально-образовательном пространстве;
- формирование потребностей в культуре деятельности и культуре здоровья личности и общества;
- учет условий и возможностей традиционной и инновационной педагогики в решении задач развития обучающегося.

Педагогические условия оптимизации качества занятий ритмопластикой:

- учет индивидуальных особенностей развития обучающегося в системе занятий ритмопластикой, определяющих условия позитивного проектирования будущего и акметраектории становления личности;
- формирование потребности педагогов дополнительного образования в акмедостижениях и авторском программно-педагогическом сопровождении занятий ритмопластикой;
- стимулирование активности педагогов в решении задач социализации и самореализации личности обучающегося средствами ритмопластикой и физической культурой;

– учет трех видов планируемых и реализуемых программ с обучающимися по ритмопластике (уровни программ определяются в адаптивной, базовой, продвинутой форме / типологии);

– включенность личности педагога дополнительного образования в систему непрерывного образования.

Заключение

Качество постановки и решения задач здоровьесберегающего программирования и самопрограммирования личности в системе дополнитель-

ного образования детей и юношества определяется в структуре занятий ритмопластикой по поведению обучающегося, его заинтересованностью занятиями и результатами развития, социализации и самореализации. Успешность использования технологий здоровьесбережения и программно-педагогического сопровождения занятий ритмопластикой определяется учетом всех составных реализации доступного образования и востребованных социально-образовательных услуг в модели непрерывного и дополнительного образования.

Литература

1. Александрова О. В. Здоровьесбережение как продукт и условие развития и саморазвития обучающегося на занятиях физической культурой // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 мая 2017 г.). Уфа: Аэтерна, 2017. Ч. 2. С. 108–110.
2. Андреева О. П. Проблемы и возможности здоровьесберегающей педагогики в современном образовании // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 мая 2017 г.). Уфа: Аэтерна, 2017. Ч. 2. С. 112–114.
3. Гараева Е. А. Исследование современного состояния процесса реализации здоровьесберегающих технологий в образовании // Современные здоровьесберегающие технологии. 2017. № 4. С. 286–295.
4. Голова Е. В. Ритмопластика. Начинаем заниматься // Физическая культура в школе. 2011. № 3. С. 7–9.
5. Капалыгина И. И. Методологические подходы к изучению здоровьесбережения на метапредметном уровне // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2015. № 1. С. 94–109.
6. Козырева О. А., Гайко М. Е. Возможности мультисредового подхода в педагогике и социологии // Образование. Карьера. Общество. 2011. № 3. С. 24–32.
7. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свиначенко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
8. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.
9. Лукьянцева А. С., Стройкина Л. В., Коновалов С. В. Здоровьесберегающая педагогика в модели занятий физической культурой (общепедагогический и философский аспект) // Интернетнаука. 2016. № 11. С. 163–174.
10. Маскаль Ю. А. Возможности реализации идеи формирования культуры здоровья в системе дополнительного образования // Цифровое общество в контексте развития личности: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 13 июня 2017 г.). Уфа: Аэтерна, 2017. С. 150–151.
11. Митькина Е. В. Некоторые нюансы решения задач здоровьесбережения в модели педагогической поддержки // Педагогическое и психологическое образование: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 8 ноября 2017 г.). Уфа: Омега Сайнс, 2017. Ч. 2. С. 56–58.
12. Нечаева Т. Б. Ритмопластическое развитие детей и родителей в условиях школы искусств // Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 262–267.
13. Острицын И. И., Стройкина Л. В., Коновалов С. В. Принципы здоровьесберегающей педагогики в структуре подготовки будущего педагога по физической культуре // Интернетнаука. 2016. № 11. С. 102–109.
14. Русинович А. А. Возможности ритмопластики в формировании культуры здоровья обучающегося // Роль инноваций в трансформации современной науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 1 июня 2017 г.). Уфа: Аэтерна, 2017. Ч. 3. С. 152–154.
15. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: МИФИ, 2014. 92 с.
16. Сидорова О. М. Формирование потребности обучающегося в культуре здоровья средствами и методами физической культуры // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современной психологии и педагогике: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 декабря 2017 г.). Уфа: Омега Сайнс, 2017. Ч. 2. С. 100–102.

17. Симонова О. М. Педагогическое моделирование в решении задач формирования культуры здоровья // Цифровое общество в контексте развития личности: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 13 июня 2017 г.). Уфа: Аэтерна, 2017. С. 191–193.

18. Шнейдер К. В. Здоровьесберегающая подготовка обучающихся на ступени начального общего образования: детерминанты и модели // Интеграционные процессы в науке в современных условиях: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 3 декабря 2017 г.). Уфа: Омега Сайнс, 2017. Ч. 3. С. 118–120.

19. Юдина Ю. Ю., Петрова К. П. Здоровьесбережение как ценность и продукт развития образования и культуры // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 1 июня 2017 г.). Уфа: Аэтерна, 2017. Ч. 2. С. 227–231.

HEALTH SAVING IN CALISTHENICS PEDAGOGICAL FOUNDATIONS

Alena A. Rusinovich^a; Olga A. Ugolnikova^{a, @}

¹ *Children's Art Centre, 27, Kirov St., Osinniki, Russia, 652800*

² *Siberian State Industrial University, 42, Kirov St., Novokuznetsk, Russia, 654007*

@ugolnikovaoa@yandex.ru

Received 24.04.2018. Accepted 20.07.2018.

Keywords: pedagogical modeling, pedagogical methodology, principles of the organization, pedagogical conditions for optimizing, the quality of calisthenics

Abstract: The article features the pedagogical foundations of calisthenics, which facilitates personality development. The pedagogical search has a multidimensional nature. It means that the technologies of personality development should depend on the age of the individual, whose culture of health and motor activity calisthenics should improve within the system of continuous education. The research defines the types of personal involvement in the calisthenics training system according to one's abilities and health. It also identifies the principles of lesson plans, the pedagogical conditions needed to improve the quality of the classes, and development of pedagogical technologies to build a health culture in the students. The health saving programming and self-programming in the individual in the system of additional education for children and youth depends on the feedback from, socialization, and self-realization of the student. Health saving technologies in calisthenics should take into account all the components of affordable education and popular social and educational services in the model of continuous and additional education.

For citation: Rusinovich A. A., Ugolnikova O. A. Pedagogicheskie osnovy realizatsii idei zdorov'esberezheniia v sisteme zaniatii ritmoplastikoi [Health Saving in Calisthenics Pedagogical Foundations]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 33–40.

References

1. Aleksandrova O. V. Zdorov'esberezheniie kak produkt i uslovie razvitiia i samorazvitiia obuchaiushchegosia na zaniatiiakh fizicheskoi kul'turoi [Health saving as a product and a condition for the development and self-development of the student in physical training]. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiia nauchnoi mysli v sovremennom mire: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Ekaterinburg, 15 maia 2017 g.) [Theoretical and practical aspects of the development of scientific thought in the modern world: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Ekaterinburg, May 15, 2017)]. Ufa: Aeterna, 2017, 108–110.

2. Andreeva O. P. Problemy i vozmozhnosti zdorov'esberegaiushchei pedagogiki v sovremennom obrazovanii [Problems and possibilities of healthy pedagogy in modern education]. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiia nauchnoi mysli v sovremennom mire: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Ekaterinburg, 15 maia 2017 g.) [Theoretical and practical aspects of the development of scientific thought in the modern world: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Ekaterinburg, May 15, 2017)]. Ufa: Aeterna, 2017, 112–114.

3. Garaeva E. A. Issledovanie sovremennogo sostoiianiia protsessa realizatsii zdorov'esberegaiushchikh tekhnologii v obrazovanii [The current state of the process of implementing health-saving technologies in education]. *Sovremennye zdorov'esberegaiushchie tekhnologii = Modern health-saving technologies*, no. 4 (2017): 286–295.
4. Golova E. V. Ritmoplastika. Nachinaem zanimat'sia [Calisthenics. Let's start our lesson!]. *Fizicheskaia kul'tura v shkole = Physical culture in school*, no. 3 (2011): 7–9.
5. Kapalygina I. I. Metodologicheskiye podkhody k izucheniyu zdorov'yesberezheniya na metapredmetnom urovne [Methodological approaches to the study of health care at the interdisciplinary level]. *Izvestiia Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki = News of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences*, no. 1 (2015): 94–109.
6. Kozyreva O. A., Gaiko M. E. Vozmozhnosti mult'isredovogo podkhoda v pedagogike i sotsiologii [Possibilities of the multisided approach in pedagogy and sociology]. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo = Education. Career. Society*, no. 3 (2011): 24–32.
7. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. *Vospitanie v professional'noi podgotovke pedagogov* [Education in the professional training of teachers]. Moscow: MIFI, 2017, 400.
8. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogicheskoe modelirovanie v konstruktakh sovremennogo obrazovaniia [Pedagogical modeling constructs of contemporary education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk state pedagogical university bulletin*, no. 1 (2017): 58–63.
9. Luk'yantseva A. S., Stroykina L. V., Konovalov S. V. Zdorov'esberegaiushchaia pedagogika v modeli zaniatii fizicheskoi kul'turoi (obshchepedagogicheskii i filosofskii aspekt) [Health-saving pedagogy in the model of physical training (general pedagogical and philosophical aspect)]. *Internetnauka = Internet Science*, no. 11 (2016): 163–174.
10. Maskal' Yu. A. Vozmozhnosti realizatsii idei formirovaniia kul'tury zdorov'ia v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniia [Possibilities of realization of idea of formation of culture of health in the system of additional education]. *Tsifrovoe obshchestvo v kontekste razvitiia lichnosti: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 13 iyunia 2017 g.)* [Digital society in the context of personal development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Penza, June 13, 2017)]. Ufa: Aeterna, 2017, 150–151.
11. Mitkina E. V. Nekotorye niuansy resheniia zadach zdorov'esberezheniia v modeli pedagogicheskoi podderzhki [Some nuances of solving health preservation problems in the model of pedagogical support]. *Pedagogicheskoe i psikhologicheskoe obrazovanie: rezul'taty nauchnykh issledovaniia i ikh ispol'zovanie v obrazovatel'noi praktike: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheliabinsk, 08 noiabria 2017 g.)* [Pedagogical and psychological education: the results of scientific research and their use in educational practice: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Chelyabinsk, November 08, 2017)]. Ufa: Omega Sains, 2017, 56–58.
12. Nechaeva T. B. Ritmoplasticheskoe razvitie detei i roditelei v usloviakh shkoly iskusstv [Rhythm and plastic development of children and parents in the school for arts]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*, no. 4 (2011): 262–267.
13. Ostranitsyn I. I., Stroykina L. V., Konovalov S. V. Printsipy zdorov'esberegaiushchei pedagogiki v strukture podgotovki budushchego pedagoga po fizicheskoi kul'ture [Principles of health-saving pedagogy in the structure of the future teacher training in physical culture]. *Internetnauka = Internet Science*, no. 11 (2016): 102–109.
14. Rusinovich A. A. Vozmozhnosti ritmoplastiki v formirovanii kul'tury zdorov'ia obuchaiushchegosia [Possibilities of rhythmoplasty in the formation of the health culture of the learner]. *Rol' innovatsii v transformatsii sovremennoi nauki: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 01 iyunia 2017 g.)* [The role of innovations in the transformation of modern science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Ufa, June 1, 2017)]. Ufa: Aeterna, 2017, 152–154.
15. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. Nauchnoe issledovanie po pedagogike v strukture vuzovskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniia [Scientific research on pedagogy in the structure of higher and further education]. Moscow: MIFI, 2014, 92.
16. Sidorova O. M. Formirovanie potrebnosti obuchaiushchegosia v kul'ture zdorov'ia sredstvami i metodami fizicheskoi kul'tury [Formation of the student's need in the culture of health by means and methods of physical culture]. *Informatsionno-obrazovatel'nye i vospitatel'nye strategii v sovremennoi psikhologii i pedagogike: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 23 dekabria 2017 g.)* [Information-educational and educational strategies in modern psychology and pedagogy: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Ekaterinburg, December 23, 2017)]. Ufa: Omega Sains, 2017, 100–102.
17. Simonova O. M. Pedagogicheskoe modelirovanie v reshenii zadach formirovaniia kul'tury zdorov'ia [Pedagogical modeling in solving problems of health culture formation]. *Tsifrovoe obshchestvo v kontekste razvitiia lichnosti: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 13 iyunia 2017 g.)* [Digital society in the context of personal development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Penza, June 13, 2017)]. Ufa: Aeterna, 2017: 191–193.

18. Shneider K. V. Zdorov'esberegaiushchaia podgotovka obuchaiushchikhsia na stupeni nachal'nogo obshchego obrazovaniia: determinanty i modeli [Health-saving training of students at the level of primary general education: determinants and models]. Integratsionnye protsessy v nauke v sovremennykh usloviakh: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan, 03 dekabria 2017 g.) [Integration processes in science in modern conditions: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Kazan, December 03, 2017)]. Ufa: Omega Sains, 2017, 118–120.

19. Yudina J. Yu., Petrova K. P. Zdorov'esberezhenie kak tsennost' i produkt razvitiia obrazovaniia i kul'tury [Health saving as a value and product of the development of education and culture]. *Razvitie nauki i tekhniki: mekhanizm vybora i realizatsii prioritetrov: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Ufa, 01 iyunia 2017 g.) [Development of science and technology: a mechanism for selecting and implementing priorities: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (Ufa, June 1, 2017)]. Ufa: Aeterna, 2017, 227–229.

УДК 141.7:316.16

ЭКЗИСТИРУЮЩИЙ ТИП ЧЕЛОВЕКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Ольга И. Жукова ^{a, @, ID}; Владимир Д. Жуков ^b

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

^b Кемеровский государственный медицинский университет, 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а

@ Oizh@list.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-9689-208X>

Поступила в редакцию 22.11.2018. Принята к печати 17.12.2018.

Ключевые слова:

экзистирующий тип человека, личность, трансцендентность, социум, подлинное бытие, историческая память

Аннотация: Актуальность исследования связана с необходимостью выявления определяющего типа личности, преобладающего в историко-социальной реальности. Отмечается, что человеку присуще антиномичное состояние, которое, с одной стороны, напрямую связывает его с внешним объективированным миром, с другой – в человеке присутствует имманентное содержание, которое всегда остается в нем и раскрывает себя в качестве его экзистенциальной сущности. Раскрытие данной проблемы подразумевает обращение к экзистенциальному типу личности, сквозь призму которого наиболее ярко просвечивается мир социального в его объективной составляющей. Экзистирующий человек рассматривается как тип личности, в котором преобладает субъективная временность по отношению к объективному историческому времени, способному к трансцендированию и воплощающему себя в статусе свободной личности. Обосновывается такой важный параметр бытия экзистирующего человека, как наличие у него особой исторической памяти, основанной на способности выходить за границы собственного бытия и активно включаться в исторический процесс, осознавая ответственность перед миром других.

Для цитирования: Жукова О. И., Жуков В. Д. Экзистирующий тип человека как выражение историко-социального бытия // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 41–48.

Введение

Пути развития общества во многом зависят от того, какой определяющий тип личности преобладает в той или иной эпохе. Особенно это важно в «минуты роковые», т.е. в те моменты, когда история делает свой выбор, после свершения которого социальные процессы на долгие исторические сроки становятся необратимыми. В этом смысле в истории нет фатализма, ее действительно творит сам человек.

Философское социогуманитарное знание исходит из того, что человек в своем отношении к миру истории и социума всегда предстает в двойном контексте. С одной стороны, человеку присуще такое состояние, которое напрямую связывает его с внешним объективированным миром, с другой – в человеке всегда присутствует имманентное содержание, которое всегда остается в нем и раскрывает себя в качестве его экзистенциальной сущности.

Выявление в человеке двойственной структуры позволяет рассматривать его как своеобразный

соразмерный социальному миру феномен. Человек в данном аспекте не фиксируется только на уровне своего телесного габитуса, тем более не растворяется в нем, а предстает как полифоничная, многообразная сущность, столь же сложная, как мир социума. Это гармонизирующее соединение в человеке двух взаимодополняющих миров выявляет новые ракурсы их взаимоотношений, что в методологии исследования позволяет привлечь диалектический метод, с опорой на который человек раскрывается в тождестве его прерывности и непрерывности, целостности и атомизированной индивидуальности. Обращение к диалектическому методу также позволяет рассмотреть человека в логике обоснования черт ведущего типа личности современной социокультурной реальности со стороны его подлинной и неподлинной сущности, его аутентичности / неаутентичности.

Экзистенциальный тип человека как модус социальности и исторического развития

Безусловно, человек и мир социума имеют многообразные феномены своего существования [1–3]. Но нас в данном контексте интересуют не столько расхождения каждого из них, а то, что является для них общим. Каждый из этих миров возникал, развивался и формировался в ходе развития человека и мира социума. В большей степени в истории развития общества изначально более отчетливо проявился, эксплицировался уровень всеобщего, особенного и единичного в указанном их понимании. Так писал в этой связи Э. Дюркгейм: «Человек, согласно известной формуле, есть существо двойственное. В нем два существа: существо индивидуальное, имеющее свои корни в организме и круг деятельности которого вследствие этого оказывается узко органичным, и существо социальное, которое является в нем представителем наивысшей реальности интеллектуального и морального порядка, какую мы только можем познать путем наблюдения, – я разумею общество. Эта двойственность нашей природы имеет своим следствием <...> несводимость разума к индивидуальному опыту. В какой мере индивид причастен к опыту, в такой же мере он естественно перерастает самого себя и тогда, когда он мыслит, и тогда, когда он действует» [4, с. 39].

Социальный мир существует в качестве объективной реальности, реализующейся как непрерывный, перманентный процесс. И этот мир не существует вне человеческого бытия, которым наполнена вся социальная реальность. Мир социума наличествует только в непрерывном, постоянном взаимодействии, соединенности с человеческой жизнедеятельностью. При этом мы исходим из того, что именно личностное, индивидуальное бытие во многом моделирует и детерминирует социальное бытие. Здесь нельзя не согласиться с З. Бауманом, который общество определял как «фабрику смыслов» [5], а данные смыслы во многом детерминировались индивидуалистическими ориентирами человеческого существования.

В раскрытии данной проблемы нам необходимо обратиться к экзистенциальному типу личности, сквозь призму которого, на наш взгляд, наиболее ярко просвечивается мир социального в его объективной составляющей. Более того, мы полагаем, что именно экзистенциальный тип личности, его мера присутствия в социальном бытии определяет качественные характеристики общества в контексте (если говорить языком Э. Фромма) его обозначения как «здорового» или «больного» [6].

Мы будем исходить из понимания экзистирующего человека как типа личности, в котором преобладает субъективная временность по отно-

шению к объективному историческому времени, способному к трансцендированию и воплощающему себя в статусе свободной личности. Так, итальянский экзистенциалист Н. Аббаньяно писал: «Экзистенция – не что иное, как модус бытия человека, поскольку реализация экзистенции в ее собственной форме есть формирование человека как подлинной и аутентичной индивидуальности, как личности» [7, с. 154]. Заметим, что для мыслителя человек, обладающий экзистенцией, фактически приравнивается аутентичному человеку.

Нам думается, экзистенция – понятие более широкое. Ведь даже в самом экзистенциализме оно характеризуется в качестве определения бытия, каким оно открыто человеку – личностного, собственного бытия, или, по-иному, – открытости трансценденции. Об этом писали М. Хайдеггер, К. Ясперс и многие другие представители экзистенциальной философии. «Экзистенция, уходящая своими корнями в истину, как свободу, представляет собой вход в обнаружение сущего как такового. Не нуждаясь еще не в понятийности, ни даже в обосновании сущности, экзистенция исторического человека начинается в тот момент, когда первый мыслитель, вопрошая, останавливается перед лицом несокрытости сущего с вопросом, что же такое сущее» [8, с. 18]. И с этим трудно не согласиться.

Раскрытие сущего дано экзистирующему человеку. Он может познать его через историю и мир социального. Только экзистирующий человек историчен, поскольку сама природа не имеет никакой истории. Экзистенция конечна. В этом смысле она носит временной характер и поэтому является историчностью, тогда как сам объективный исторический процесс для экзистирующей личности приобретает производный характер.

Думается, что это одно из самых интересных открытий в экзистенциальной философии. Ведь признание приоритета экзистенциальной личностной временности по отношению, так сказать, к физическому времени предполагает осознание человеком своего места, роли, соучастия, ответственности в историческом процессе. «Люди все в большей степени начинают осознавать себя исключительными творцами своего собственного мира. Историчность бытия становится все более очевидной. «Метафизический дискурс» Запада подошел к своему концу, и это приводит человека к важным последствиям. Если традиционные метафизические принципы ставили человека в определенную зависимость от высших трансцендентных смыслов, и с необходимостью заставляли человека рассматривать свою судьбу как неизбежную и неотвратимую, детерминированную Богом или природой, то в современной социальности

подобная предопределенность теряет свою актуальность. <...> Если человек осознает, что тот мир, в котором он живет, является совокупностью образующих его случайных дискурсов и словарей, то вряд ли он будет с неизбежным стоицизмом и смирением относиться к своей личной судьбе» [9, с. 48].

Итак, человек экзистирующий – это человек, наделенный пониманием происходящих исторических изменений. При этом он не только «понимает» что-либо, но и проецирует себя на некий смысл личностным волевым усилием. Совершенное понимание выступает для него как состояние духовной свободы, включающей в себя самые разные варианты истолкования, «усматривания» связей, делание выводов, в которых заключается то, что называется «разобраться в...». Такое понимание предполагает обязательное наличие ответственности за свободу воли, выводы, самооценку.

Конечно, при реализации этих принципов в практике на личность накладывается тяжелая ноша подлинной свободы, но экзистирующий человек ее принимает как необходимое онтологическое основание своего бытия. Ему неуютно и неудобно в мире отчужденных социальных связей, поэтому он стремится выйти за их пределы. Изначально такая возможность предоставляется каждому человеку, но именно экзистирующий тип личности пытается ее реализовывать.

Обратим внимание на то, что в высказанной точке зрения нет нарушений традиционных принципов философского знания. Еще начиная с эпохи Итальянского гуманизма европейская философская культура говорила о возможности человека «падать», производить аберрацию своих подлинно ценных сущностных характеристик и «подниматься» до степени существа Богоподобного.

Итак, мы отмечаем одну из характеристик экзистирующего типа личности: первичность в нем субъективной временности по отношению к объективному времени и отсюда – наличие упомянутых следствий. Оговоримся, что человек экзистирующий вовсе не отрицает объективные исторические изменения, он лишь осознанно определяет свое место в них. Он понимает, что в истории есть своя объективная «логика», не исправляемая собственно человеческими усилиями. Сам по себе человек в некоторые моменты стихийно вовлечен, «заброшен» в историю. Осознание этого обстоятельства ставит перед экзистирующим человеком необходимость понять логику исторического процесса.

Экзистирующий человек заглядывает в будущее, пытаясь распознать исторические перспективы не для того, чтобы заполучить жизненные цели и убеждения. Он интересуется лишь тем, какая историческая ситуация его ожидает, в какой обстановке ему придется отстаивать свою экзистенцию.

Отсюда и основная задача исторической ориентировки – любые социальные изменения принимать в значении обстоятельств, ситуаций, вне целеуказания. Экзистирующий человек не имеет права не считаться с тем, что ему преподносит история, но он всегда это соизмеряет со своей внутренней убежденностью, совестью. У него уже сформированы жизненные цели и убеждения.

Экзистирующий человек относится к внутренней убежденности как к первичной по отношению к историческим реалиям. Только учитывая это, он обладает внутренней силой, необходимой для того, чтобы воспринимать любую историческую ситуацию, не впадая в отчаяние и цинизм. Поэтому К. Ясперс был совершенно прав, когда писал о невозможности игнорирования действительности мира, т. к. существует единственный путь, ведущий человека к самому себе – это постоянное ощущение суровости действительности. Поскольку «быть действительным в мире есть условие собственного существования». Естественно, что при этом экзистенция человека согласуется с присутствием воли к деятельности как личностной самореализации. В историческом же контексте «человек не может быть завершенным <...> для того, чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь все новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения. Сегодня он может вспомнить, как история его бросала из одной формы существования в другую, из одного сознания своего бытия в другое, но продолжать идти этим путем он, по-видимому, уже не может. С человеком вновь случилось нечто подобное тому, что было в начале его пути, и свое выражение он находит в том, что человек оказался перед лицом ничто, и не только фактически, но и в своем знании, и что теперь он должен вновь, исходя из истоков, проложить свой путь, пользуясь воспоминанием о прошлом. <...> Человек не может уклониться от сложившейся ситуации, отступив в лишние действительности – ибо они в прошлом – формы сознания. Он мог бы успокоиться в самозабвенном наслаждении существованием, как бы вернуться к природе, к мерной жизни безвременья. Однако наступит день, когда железная действительность вновь станет перед его взором и приведет его в замешательство» [10, с. 411].

Отсюда Ясперс делает вполне логичный вывод о том, что человек в конечном счете вынужден жить во время реализации личностного самобытия, при котором каждый акт действительности последнего становится, пусть даже исчезающе малым, зародышем творения мира.

Подобное состояние экзистирующего человека предполагает способность к трансценденции.

«Экзистенция нуждается в трансценденции, благодаря которой она, не создающая самое себя, впервые выступает как независимый источник в мире; без трансценденции экзистенция становится бесплодным и лишенным любви демоническим упрямством» [10, с. 48].

Любому человеку дана возможность трансцендирования, т. е. выхода за собственные пределы самого себя. Экзистирующий человек непременно реализует эту возможность. «Трансцендентное предстает в качестве важной имманентной характеристики личностного бытия, позволяющей личности устремляться к выходу за пределы своего индивидуального существования. Под трансцендентным мы будем понимать такое состояние, в котором происходит осознание человеком границ своего бытия, ощущения себя в качестве чего-то несовершенного, беспочвенного, неподлинного и потребности в нахождении высшего смысла (формы которого многообразны) – того, что приведет к обретению аутентичного личностного бытия. Состояние трансценденции дает возможность устремляться человеку к отношению с реальностью бесконечно далекой от себя, не растворяясь в ней без остатка, не нанося ущерба своей идентичности. <...> Потребность в трансцендентном для самости огромна. Даже на бессознательном уровне, не отдавая себе отчет, личность испытывает перманентное чувство неудовлетворенности своим существованием. Никакое материальное благополучие, изменение места жизни не в состоянии удовлетворить потребность в нахождении высшего трансцендентного источника смысла. Именно трансцендентное существование личности делает предметное бытие осмысленным, смыслодержательным и ценностным. Трансцендентные ценности как смысловой контекст находятся за пределами всего эмпирического мира, фактичности социального бытия. Принципиальная значимость трансцендентного уровня в том, что им определяется высокая планка подлинного существования для личности. Трансцендентное постоянно расширяет свои пределы, полагает новые параметры возможного в развитии человека, показывая перспективу и в то же время вечную неосуществимость личностью самой себя. Трансцендентное предстает как специфически смыслообразующее существование, которое свободно, безгранично, безусловно, но существует исключительно как единство возможности смыслопорождения» [11, с. 123–124].

В экзистенциальной философии акт трансцендирования имеет разное понимание. Для позднего Л. Шестова это Бог (между прочим, именно в общении с Богом, по мнению философа, и может совершаться подлинное человеческое общение). Для А. Камю и Ж.-П. Сартра трансценденция есть глу-

бочайшая тайна экзистенции, т. к. она сама (трансценденция) есть ничто. Поздним М. Хайдеггером трансцендентное признается реальным, и в нем преобладают символические и мифопоэтические моменты. Это связано с тем, что трансцендентное невозможно реально познать, а можно лишь «намекнуть» на него. Аналогичное понимание акта трансценденции можно встретить у Г. Марселя и К. Ясперса.

Таким образом, спектр понимания того, что такое трансценденция, чрезвычайно широк. Но всеми констатируется одно общее – способность экзистирующего человека выходить за собственные пределы и тем самым активно включаться в исторический процесс. Осознавая мир и определяя свое место в нем, экзистирующий человек становится клеточкой истории. Эта клеточка бытия истории оказывается тем уровнем, на котором история создается. Однако, когда мы имеем в виду человека экзистирующего, мы говорим о его особой ответственности перед другими, о его особой исторической памяти.

Можно сказать, что такое происходит всегда, т. е. зачастую движение истории определяют силы, находящиеся на рассматриваемом уровне. И данное утверждение будет справедливо, поэтому мы еще раз повторяем, что ход истории во многом зависит от ведущего типа личности.

Другим важным параметром бытия экзистирующего человека является его особая историческая память, основанная на способности выходить за границы собственного бытия и активно включаться в исторический процесс, осознавая ответственность перед миром других.

В строгом смысле черты экзистирующего типа личности можно найти в человеке любой исторической эпохи. А отсюда об исторической памяти можно говорить по отношению к разным социальным временам. Здесь важно констатировать наличие такой памяти как необходимости личностного существования.

Попробуем проиллюстрировать это на конкретном примере. Выдающийся английский писатель Г. К. Честертон [12], рассуждая о национальной гордости, выразил чувство раскаяния и стыда по поводу того, что англичане творили в Ирландии в разные исторические эпохи. Тогда один из читателей прислал в журнал письмо, где задавался вопросом: почему мы, англичане, живущие сейчас, должны испытывать угрызения совести за то, что делали наши предки? Писатель ответил так: он гордится стихами английских поэтов, он гордится Трафальгарской победой и так далее, однако он не жил в эпоху Чосера и Шекспира и не участвовал в Трафальгарской битве. Но, считает Честертон, если он принимает в данном случае национальное, историческое наследие, то он принимает наряду

с великими достижениями все ошибки и долги этого наследства.

Отсылка к данному примеру нам важна потому, что она достаточно показательна для характеристики экзистирующего типа личности. Подобная историческая память, включающая ответственное бытие за себя и других, важна в качестве необходимого критерия для осознания своей аутентичности экзистирующим человеком. Именно наличие такой памяти становится демаркационным разграничением подлинности и неподлинности индивидуального бытия.

Экзистирующий человек – это человек, как мы видим, особого рода памяти. Его рефлексия не есть самоотражение в обыденной жизни. В качестве объекта, который этот человек выбирает для того, чтобы увидеть себя, является культура в целом. Таким образом, рефлексия подразумевает высокое, в этом смысле трудное, личностное образование.

Опять-таки попробуем проиллюстрировать это на конкретном примере. М. К. Мамардашвили в одной из своих статей говорил о сложности понимания известной евангельской заповеди: «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую». Данная заповедь Нового Завета не рецепт поведения, из нее вовсе не вытекает правило предметного поведения: подставлять всякий раз другую щеку, если тебя ударили по первой. Это отвлеченная духовная истина, в которой говорится о том, что когда с тобой сделали то, что ты принял как личное оскорбление, учти, что в этой обиде содержится какая-то истина о тебе. Хочешь осознавать ее, остановись и не поступай так же. Такое поведение, такое понимание христианской заповеди требует от человека духовной грамотности, развивающейся в религии и философии [13, с. 24].

Как видим, здесь говорится об особом роде образованности, не запоминании данных гуманитарных, естественных наук, религии, философии, искусстве, а личностно-критическом адекватном их усвоении. Такая рефлексия человека в культуру (я вижу себя через романы Л. Толстого, эссе Ф. Кафки, «Исповедь» Аврелия Августина, «Диалоги» Платона и т. д.) наряду с усвоением практически-жизненных результатов вырабатывает устойчивую этическую позицию личности. Человек может воспринять весть из исторического далека. Он способен адекватно увидеть окружающий его сегодня мир (не так как могут видеть его все, не в обыденных понятиях и оценках). Осознавая таким образом историческую реальность, человек и вырабатывает свои нравственные принципы. Он начинает иметь совесть (со-весть). Таким образом, этическая основа экзистирующего человека определяется его специфической рефлексией, видением себя в культуре и через культуру, а это уже философская позиция.

В какой-то мере любой человек, даже на уровне обыденного сознания, по-своему философствует, когда пытается понять окружающий мир. В отличие от такого человека, человек экзистирующий стремится вступить в философский диалог с представителями разных эпох и культур, со всеми, насколько позволяют его физические и организационные возможности, кто послал ему в виде памятников культуры своеобразные письма до востребования. И он реализует это востребование.

Когда К. Ясперс говорил об осевом времени, он говорил о начале таких изменений в человеческом бытии, которые условно можно назвать одухотворением. При этих изменениях начинают колебаться ранее устойчивые, твердые, изначальные жизненные принципы. «Покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе» [14, с. 34]. Он теряет уверенность в том, что знает самого себя, и это открывает ему новые безграничные возможности. «Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и никто не возвещал. Неслышанное становится очевидным» [14, с. 34]. Вместе с ощущением мира и самого себя человек начинает ощущать и осознавать историческое бытие. По К. Ясперсу, тогда появляются философы.

Становясь философом, или, вернее, взваливая на себя груз спекулятивного мышления, человек как отдельный индивид осмеливается искать опору в самом себе. Он не уповаet на какие-то внешние силы и не строит в своем сознании спасительных мифологем. Он выбирает и действует сам.

Такой аспект экзистирующего человека в отечественной философии был отмечен Н. Бердяевым и П. Флоренским. У обоих мыслителей философическое состояние личности связывалось с онтологией свободы сущего. Возникла следующая схема: онтологическая свобода сущего – самоограничение Бога в «истощающей» и восполняемой любви – укоренение антиномий в религиозном опыте – эсхатологическая идея в качестве момента снятия антиномии – регулятивная идея личности как силы, способствующей преодолению антиномий, – феноменальность и ноуменальность личности – история как сфера действия личности – предания и память как способы существования истории – история как символ – история как субъектно-объектные отношения – смысл истории как судьба человека.

Именно поэтому свою философию Н. Бердяев зачастую называл «философией свободы». Для него «философия свободы» и означала свое особое «состояние философствующего субъекта» [15, с. 12]. Ради объяснения своей мысли Н. Бердяев писал: «Свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать. <...> И Божественную истину нельзя вывести, <...> она целостно

дана в откровении. Это незыблемая, непоколебимая вера в то, что истина дана в мистическом восприятии, что нельзя двигаться, нельзя подниматься. Не имея под собой твердьни Божественного» [15, с. 12]. Таким образом, в единое целое русскими мыслителями были объединены свобода, история и философствование, где история мыслится как способ определения человека.

Здесь следует еще раз напомнить о том, что смоделированные выше параметры, характеризующие экзистирующего человека, связаны с его способностью реализовывать себя через трансценденцию. Аналогичное стремление к свободе и воплощение себя в статусе свободной личности также является характеристикой человека экзистирующего, с одной стороны, и определяется его трансценденцией – с другой.

Отсюда возникновение теоретической проблемы соотношения свободы и трансценденции человека. Известно, что традиционно проблема свободы в ее личностном плане приобретает форму проблемы свободы воли, и поэтому споры, которые постоянно ведутся вокруг нее, вызваны уникальной жизненной значимостью этой проблемы (особенно ее центральным положением – представлением о личности как субъекте творческой деятельности) и, в зависимости от ее решения, признанием ответственности человека за свои поступки. Таким образом, действительно данная проблема приобретает звучание «проклятых вопросов» философии. Ведь именно в связи с этой особенностью Г. В. Ф. Гегель имел все основания писать, что ни об одной идее нельзя с таким полным правом говорить, как об идее свободы, ведь она многозначна и неопределенна.

Проблема свободы воли является, прежде всего, практической проблемой ответственности человека за свои действия, поэтому ее решения предполагают допущение необходимых оснований нравственности и связи со свободой выбора. Ведь действительно, если человек не может поступить иначе, чем он поступает, то выбор вариантов его действий отсутствует. В нашем контексте исследования неперенное трансцендирование экзистирующего человека, его самореализация в истории обязательно исходит из посылки самоосуществления и самополагания человека в качестве не только сознательного личностного выбора, но и нравственной ответственности за него.

Если признать, что акт мысли совершается человеком с полным сознанием его сложности и особого положения в мироздании, то становятся попросту невозможны следующие выражения: *я не хотел, я не предполагал, я не думал*. Если человек воспитан в подлинной ответственности и в традициях отвлеченного мышления и «думания», то такие

выражения недопустимы. А мы так и подразумеваем подобного человека. Экзистирующий человек в данном случае вовсе не тот человек, который не испытывает страха перед лицом ответственности, а тот человек, который способен, пусть даже на частичное, отождествление себя с неким высшим абсолютом, который постигает глубинную сущность вещей.

Приобретая субъективную окраску решения проблемы реализации свободы воли, экзистирующий человек отнюдь не снимает ее онтологических оснований, но довольно определенно предполагает доминирование индивидуального аспекта в ее трактовке. Будучи практической проблемой для человека, свобода, с одной стороны, связана с феноменом нравственной нормы, с другой – поскольку связана с актом выбора. Свобода является сугубо теоретической проблемой и поэтому связана с философским сознанием. Наряду с онтологическими основаниями в свободе представлен и субъективный момент, который условно можно определить как свободную мысль, внутреннюю свободу, способность личности к творчеству.

В философии наряду с категорией *трансценденция* – выход за пределы – употребляется категория *трансцендентальное*. Трансцендентальное сознание – это то, что отличается от эмпирического сознания, т. к., выходя за пределы, человек вынужден произвести соотношение своих поступков и мыслей не только с окружающим миром, но и с самим собой, вынужден найти предел внутри самого себя. Наверное, именно в свободе находится точка пересечения теоретических оснований философского знания и нравственной самооценки человека.

Моделируя некоторые черты экзистирующего человека, мы не можем не отметить его особой элитарности, заключающейся в умении находить внутренний трансцендентальный мир, а отсюда быть причастным к философской культуре мышления. Для экзистирующего человека философствование является необходимым инструментом для понимания себя как субъекта, реализующего свою личную свободу и осуществляющего свою роль в истории.

Механизм этого осуществления и данной реализации были предметом исследования многих крупнейших философов двадцатого столетия (Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю, К. Поппер и др.). Отвлекаясь от упомянутых мыслителей, следует отметить, что философствующий человек, для которого история становится способом определения себя, говорит на особом языке – языке философской культуры. При традиционной общности постановки и разрешения проблем этот язык становится разным. Но это всегда язык, понимаемый философским сознанием. Поэтому философское сознание экзистирующего человека и может вступать

в диалог с Сократом, Ф. Аквинским, Вольтером, К. Марксом, К. Г. Юнгом и т. д. При всей хронологической удаленности от него мыслители любой исторической эпохи будут современниками для его сознания.

Выводы

Итак, наличие или отсутствие подобного экзистенциального типа личности является чрезвычайно актуальным в практике сегодняшнего бытия, поскольку доминирование того или иного типа личности определяет дальнейший ход самого исто-

рического и социального развития. Поэтому крайне важно, какое место в современном мире занимает и будет занимать личность с обозначенным типом исторической рефлексии. Окажется ли она в приоритетном положении или будет в аутсайдерах в противоречивых связях нынешнего социума. Данный вопрос стоит считать открытым. Он может разрешиться по-разному. Однако уже само наличие в ролевых играх общества подобного типа личности внушает надежду на позитивное разрешение данной проблемы.

Литература

1. Барулин В. С. Человек и общественный мир как система // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. 7. № 2. С. 208–234.
2. Ивин А. А. Человек, творящий историю. Новая философия истории. М.: Проспект, 2018. 144 с.
3. Кутырев В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки. Избранные философские тексты XXI века. СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
7. Аббаньяно Н. Экзистенция как свобода // *Вопросы философии*. 1992. № 8. С. 48–64.
8. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
9. Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 300-1. С. 47–50.
10. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. С. 288–419.
11. Жукова О. И. Самость человека как предмет социально-философского анализа. Кемерово: КемГУ, 2009. 182 с.
12. Честертон Г. Избранное. М.: Терра, 1996. 592 с.
13. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 416 с.
14. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. С. 28–287.
15. Бердяев Н. Самопознание. М.: АСТ, 2017. 480 с.

EXISTENTIAL PERSONALITY TYPE AS AN EXPRESSION OF HISTORICAL AND SOCIAL BEING

Olga I. Zhukova^{a, @, ID}; *Vladimir D. Zhukov*^b

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

^b *Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilov St., Kemerovo, Russia, 650029*

@ *Oizh@list.ru*

^{ID} *https://orcid.org/0000-0001-9689-208X*

Received 22.11.2018. Accepted 17.12.2018.

Keywords:

existential personality type, personality, transcendence, social, real being, historical memory

Abstract:

The relevance of the present research comes from the need to reveal the primary personality type that is prevalent in the historical and social reality. On the one hand, the inherent antinomic condition directly connects the individual with the outside world. On the other hand, there is always some immanent content that remains within the individual, and reveals itself as their existential essence. In revealing the problem, the authors appeal to the existential personality type that vividly illuminates the social world in its objective component. The existential man

is regarded as a type of personality whose subjective temporality prevails in relation to the objective historical time that is able to transcendence and embodies itself into the status of a free individual. The paper justifies such an important parameter of existential human as special historical memory based on the ability to go beyond the boundaries of one's own being and get actively involved in the historical process while being aware of the responsibility to the world of others.

For citation: Zhukova A. I., Zhukov V. D. Ekzistiruiushchii tip cheloveka kak vyrazhenie istoriko-sotsial'nogo bytiia [Existential Personality Type as an Expression of Historical and Social Being]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 41–48.

References

1. Barulin V. S. Chelovek i obshchestvennyi mir kak sistema [Man and society in a context of social-philosophical anthropology]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*, 7, no. 2 (2005): 208–234.
2. Ivin A. A. *Chelovek, tvoriashchii istoriiu. Novaia filosofii istorii* [A person who makes history. New philosophy of history]. Moscow: Prospekt, 2018, 144.
3. Kutyrev V. A. *Sova Minervy vyletaet v sumerki. Izbrannye filosofskie teksty XXI veka* [The Owl of Minerva flies at dusk. Selected philosophical texts of the XXI century]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2018, 526.
4. Durkheim E. *Sotsiologiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, and purpose]. Moscow: Kanon, 1995, 352.
5. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos, 2002, 390.
6. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: Progress, 1989, 272.
7. Abbagnano N. Ekzistentsiia kak svoboda [Existence as freedom]. *Voprosy filosofii = Philosophy Questions*, no. 8 (1992): 48–64.
8. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoi doroge* [Conversation on a country road]. Moscow: Vysshaia shkola, 1991, 192.
9. Zhukova O. I. Sovremennoe obshchestvo i mesto v nem cheloveka [Modern society and human's place in it]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no. 300-1 (2007): 47–50.
10. Jaspers K. Dukhovnaia situatsiia vremeni [Spiritual situation of the time]. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat, 1991, 288–419.
11. Zhukova O. I. *Samost' cheloveka kak predmet sotsial'no-filosofskogo analiza* [The human self as a subject of social and philosophical analysis]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2009, 182.
12. Chesterton G. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Terra, 1996, 592.
13. Mamardashvili M. *Kak ia ponimaiu filosofiiu* [The way I understand philosophy]. Moscow: Progress, 1992, 416.
14. Jaspers K. Istoki istorii i ee tsel' [The origins of history and its purpose]. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat, 1991, 28–287.
15. Berdiaev N. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: AST, 2017, 480.

УДК 101.1:316.722

ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Ольга В. Курбачева^{а, @}

^а Белорусский государственный университет, 220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4
[@] Kurbach.ova@gmail.com

Поступила в редакцию 26.11.2018. Принята к печати 17.12.2018.

Ключевые слова: этнос, этничность, этническая идентичность, этноренессанс, этноцентризм, этнофобия, этнодоминирование, миграция

Аннотация: В статье рассматривается феномен этничности и особенности формирования этнического самосознания. Выявляется сложный полипарадигмальный характер интерпретации понятия этноса, предполагающий незавершенное противостояние позиций в рамках таких направлений, как конструктивизм и примордиализм. Автором отмечается обострение этнического вопроса на современном этапе развития. Актуализация этноренессанса связывается со следующими причинами: защитная реакция локальных культур в период глобальных трансформаций; интенсификация миграционного процесса и стремление мигрантов к самокатегоризации; внешние агрессивные факторы, инициирующие внимание к вопросам этничности. В статье рассматривается феномен этноцентризма, в котором выделяются как положительные, так и негативные аспекты. Подчеркивается значимость и диалектический характер авто- и гетеростереотипов при формировании положительной этнокультурной идентичности. Обращается внимание на проявление этноцентризма в различных формах гиперпозитивной и негативной этнической самоидентификации. Фиксируется опасность проявления этнодоминирования, способного выступить катализатором конфликтогенных ситуаций. При анализе феномена этнофанатизма автором подчеркивается, что его проявление представляет собой особый вид этнокультурного невроза, который может быть использован как опасный инструмент в рамках социально-политического конструирования и управления. Отражается двойственный характер феномена этнонационализма. Акцентируется внимание, что следует различать культурный и политический национализм, выполняющие различные функции и проявляющиеся на диаметрально противоположных уровнях: от чувства солидарности и патриотизма до этнического терроризма.

Для цитирования: Курбачева О. В. Феномен этнического ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 49–56.

Введение

Вопросы этногенеза и этнического самоопределения были всегда значимы в социально-гуманитарной среде и за её пределами, однако сегодня мы наблюдаем настоящий интеллектуальный бум вокруг проблемного поля этничности. Время форсированного процесса аккультурации, интенсификации миграционных процессов, лавинообразных изменений в социальной сфере и геополитических конфигурациях, эскалации этнокультурной напряженности и повышенного уровня этнической конфликтогенности в обществе (от скрытой этнофобии до национал-экстремистских движений) – все это ставит проблему этнокультурной идентичности и этнокультурного диалога под особым ракурсом осмысления. Даже само понимание феномена *этничности*

претерпевает изменения. Если в рамках классического (онтологического) подхода отличительными особенностями понимания этноса были гомогенность и статичность его характеристик (С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, Э. Шилз), то в соответствии с конструктивистским подходом (Дж. Комарофф, Ф. Барт, Э. Хобсбаум, В.А. Тишков) под этничностью понимается «форма социальной организации культурных различий», вне линейной привязанности к территориальным и антропогенетическим маркерам, в соответствии с которыми этнос обладает субъективными, а не объективными характеристиками [1]. Признаки этнической принадлежности (историческая память и психология, самоназвание, культура, традиции, язык), в соответствии с представлениями уже инструменталистского

подхода (Р. Брубейкер, Д. Лейтина, Э. Гелнер), являются результатом особых усилий, например «нациостроительства» [2]. Сложность и многогранность рассматриваемой проблемы предполагает комплексный подход, в котором не представляется возможным абсолютизировать лишь какую-то одну концептуальную установку при исследовании темы. Это позволяет легитимизировать полипарадигмальный подход, в котором интегрированы разные методологические основания (примордиализм, конструктивизм, инструментализм) и концептуальные схемы при рассмотрении обозначенных вопросов. Многоаспектность и полисемантность понимания сущности этничности, наличие множества ракурсов в интерпретации понятия *этнос* (психологический, социологический, этнографический, социально-политический, антропологический, этнографический, исторический и другие срезы), методологические аспекты исследования и другое максимально расширяют и усложняют концептуальное осмысление проблемы этничности сегодня. Поэтому в данной статье концептуально-теоретический анализ феномена этничности будет осуществляться на междисциплинарной научно-исследовательской базе социальной философии и культурной антропологии, что позволяет комплексно и максимально объективно подойти к рассматриваемой теме.

Парадокс этноренессанса и особенности проявления этноцентризма

Проблемность и рельефность вопроса определения сущности этничности, этнокультурного самосознания проявились именно в период становления единого открытого глобализационного пространства и формирования новой транскультурной модели социокультурной и цивилизационной динамики. Ведь сегодня не представляется возможным говорить о закрытых гомогенных и сугубо функциональных границах этнической общности: происходит своеобразное смещение от этноприродных форм идентичности (антропогенетических показателей) к их знаково-символическому измерению. Становится очевидным, что условия возникновения и становления этнической общности как таковой существенно отличаются от самих признаков, дифференцирующих эти этнические группы на современном этапе их существования (например, территориальный фактор на данный момент не является важнейшим этноотличительным признаком). Но с чем связано появление особого интереса к этническому именно сегодня? Безусловно, на современном этапе развития мы действительно наблюдаем повышенное внимание к теме этничности, этнокультурной идентичности и повышенный уровень этноконфликтности в обществе. Это может проявляться как на уровне конфликта идей,

скрытой этнофобии, этноэлиминации, бытового шовинизма, так и на уровне непосредственных расовых столкновений и национал-экстремистских движений. По мнению словенского философа Славоя Жижека в этом проявляется особый «диалектический парадокс». В контексте глобализации, когда тема этничности должна редуцироваться, этносы наоборот отстаивают свою «прочную привязанность» и настаивают на своем этническом самоопределении: «в том, что касается противоречия между этнической особенностью и всеобщностью, "прочная привязанность" описывает одновременно субъекта, цепляющегося за свою особую этническую идентичность, от которой он не готов отказаться ни при каких обстоятельствах, и прямым обращением к абстрактной всеобщности как к тому, что остается неизменной стабильной структурой во всеобщем изменении всего особенного содержания» [3, с. 154]. Что представляет собой этническая идентичность сегодня: объективную или иллюзорную форму самотождественности? В чем опасность и значимость этноцентризма? Каковы грани проявления этнофобии и этнофанатизма? Можно ли избежать этностереотипизации? Каковы особенности протекания и разрешения этнокультурного конфликта сегодня? Все эти вопросы обретают новое звучание и концептуальное осмысление в контексте глобального транскультурного пространства. Ответы на эти вопросы оказывают колоссальное влияние на понимание проблемы диалога культур, формирования национальной идентичности, выбора исторического пути развития локальных культур.

Каковы же причины всплеска интереса к этнической проблематике сегодня? Во-первых, это может рассматриваться как проявление своеобразной протекционистской реакции локальных групп на глобальные перемены. Тенденция к универсализации и открытости культурных границ становится определенным импульсом к постановке вопроса о самоопределении и культурных границах. Данную ситуацию можно обозначить как этнокультурный парадокс, в рамках которого обнаруживается одновременно возрождение интереса к этническому и приобщение к глобальному. Диалектический характер данного явления объясняется тем, что с одной стороны, этнические группы преимущественно не являются закрытыми, а перманентно вступают в диалог с другими этносами. Сегодня наступила эпоха «кофигуративных культур» (М. Мид), в соответствии с которой многие элементы традиционной культуры размываются и интернализируются [4, с. 322]. Но с другой стороны, одновременно активизируется защитная реакция – сформировать «мы-образ», свою этническую отличительность: сохраняются и актуализируются локальные ценностные представления и метаэлементы культуры: миф об общем происхождении, религия, язык и т. д.

Интересно, что это проявляется не столько на индивидуальном уровне этнофоров (конкретных представителей этнической культуры), сколько на уровне социальной групповой идентичности. Это позволяет локальной культуре на формальном (идеологическом) уровне претендовать на уникальный и исторически обусловленный символический капитал. В условиях интенсивного внешнего влияния на культуру социальных реформ, кризисных ситуаций социальной динамики актуализируется возрождение базовых ценностных установок и усиление роли этнокультурных механизмов социальной регуляции. И в контексте защитной установки локального культурного капитала происходит так называемый этноренессанс: интерес к историческому и этнокультурному наследию, состаривание собственной истории, конструирование этнокультурных мифов, героизация определенных исторических персонажей, использование прошлого для легитимизации настоящего и т. д. При этом этноренессанс может проявляться в разной степени: от попыток реанимирования обычаев и традиций, популяризации национального языка, идеализации этнонациональных героев до восстановления или построения государственных границ. Активизируется защитная реакция – сформировать «мы-образ», свою этническую отличительность. И если границы группового членства в этнической группе всегда подвижны, то когнитивное, психоэмоциональное и поведенческое ядро идентичности достаточно устойчивое, чтобы было возможно провести линию «мы-они». При этом важно учитывать, что сегодня насчитывается свыше двух тысяч этносов, которые отличаются культурными, мировоззренческими, психоэмоциональными особенностями. 90 % населения Земли – это представители только лишь 267 этносов, численность которых более миллиона человек [5, с. 208]. А с учётом, что и большие и малые по численности этносы находятся в открытом взаимодействии, можно предположить о возможном несовпадении, различии интересов и притязаний разных этнических общностей, что может быть выражено на уровне конфликта идеи и стереотипизации и на уровне этнофобии и этнических конфликтов [5, с. 207]. Этнические доминанты выступают своеобразным противовесом кардинальных социокультурных изменений, поэтому они могут быть представлены на уровне национальной идеи. Как отмечают конструктивисты, в рамках корректировки национальной идеологии в условиях глобального социокультурного пространства этнический национализм становится весьма популярным объектом манипуляции и мобилизации элит для конструирования необходимого образа культуры [1].

Во-вторых, интерес к этническому и актуализация этноцентризма сегодня связаны с миграционным процессом. В глобальном открытом пространстве проблема этнокультурного самоопределения играет важнейшую роль, выполняя функции как социально-психологические, так и духовно-мировоззренческие. Мигрант, переживая социокультурный и психологический шок при смене привычной среды и встрече с Другим, пытается психологически защитить себя привычными и известными ему ценностями, практиками поведения и нормами. Отсюда объясняется актуализация этнической и конфессиональной идентичности. То есть обращение к этнокультурной идентичности может быть связано с необходимостью формирования устойчивой, психологически комфортной зоны самокатегоризации. Например, наиболее распространенное проявление этноцентризма в миграционной среде – это выбор такой стратегии аккультурации, как сепарация, в соответствии с которой мигрант осознанно (или же несознательно) не желает включаться в культурное пространство доминирующей культуры и подчеркнуто отождествляет себя с локальными ценностями. Сегодня миграционный процесс действительно представляет собой достаточно сложное и противоречивое явление. Если обратиться к статистике, то сегодня насчитывается около 60 миллионов вынужденных мигрантов, которые в определенный момент сталкиваются с проблемами самокатегоризации [6]. Вопросы миграции непосредственно связаны со следующими проблемами: социально-культурная, психологическая и экономическая адаптация, проблема идентичности мигрантов, наличие этностереотипов и формирование релевантного образа мигранта, выстраивание конструктивного диалога с другими этнокультурными общностями, преодоление ксенофобии и многими другими. Так, интерес к теме этничности в рамках миграционного процесса связан с двумя обстоятельствами. С одной стороны, в условиях открытого глобального пространства и тенденции к формированию постнационального мира этническая идентичность для мигранта может стать одним из вариантов компенсации выхода за пределы гражданской категоризации и формированием зоны социально-психологического комфорта, собственной включенности в социальную историю. С другой стороны, миграционный процесс и связанная с ним социально-экономическая адаптация в других странах может выступить катализатором различных конфликтных ситуаций: роста эмоциональной напряженности, этносоциальной неоднородности и социально-экономической дифференциации общества и т. д. Для примера можно обратиться к статистике Германии: «В 2016 г. уровень безработицы среди

беженцев составлял 52 %, в то время как среди немецкого населения – только 6,1 % Этот дисбаланс перегружает немецкое общество, особенно его социальную систему» [7].

В-третьих, интерес к этнической проблематике может быть обусловлен внешним фактором: геополитическими, социально-экономическими или территориальными особенностями развития этнической общности. Поэтому важно учитывать не только психоземциональное обоснование этноренессанса, но также и внешние факторы, инициирующие повышенный интерес к этнокультурной идентичности. Например, неравенство правового или экономического статуса этнического меньшинства в составе полиэтнического государства или территориальные споры о праве владения той или иной территорией могут послужить основанием для реабилитации этноса и его исторических прав. А ведь в условиях глобальных геополитических вызовов и миграционных процессов территориальные и социокультурные изменения неизбежны. А любые трансформации фактических или символических границ становятся своеобразной точкой бифуркации конфликтного сценария развития. Этническая общность, проживающая продолжительное время на одной и той же территории, имеющая исторический опыт институциональной независимости, высокий уровень самокатегоризации и этноцентристских представлений о собственном предназначении и статусе, потенциально может претендовать на официальное отторжение территории других государств, присоединение или признание своей территориальной автономии, объясняя это своим историческим правом на автономию. Это, в свою очередь, является реальной угрозой для этнокультурной стабильности и основанием для разжигания конфликтогенных ситуаций, начиная с конфликта идей и стереотипов, завершая реальными военными столкновениями. «Среди наиболее частых проявлений этнотерриториальных споров и конфликтов выступает стремление к созданию независимого территориально-государственного института, особенно если в прошлом этнос уже обладал государственной независимостью и лишился этого статуса. В качестве примеров этнотерриториальных конфликтов можно привести армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе или грузино-абхазский конфликт в Абхазии. Улучшение (или явное ухудшение качества и уровня жизни в составе другого государства) хозяйственно-экономического развития, высокий уровень этносознания, количественное доминирование "титального" этноса и апелляция к историческим аргументам о независимости могут выступить основаниями для борьбы за автономное территориально-государственное образование. И тогда этнотерриториальные причины

конфликта дополняются этнополитическими» [8, с. 720]. Иллюстративным примером этнотерриториальных, этнополитических и этноэкономических споров выступает период распада СССР: это и наличие латентных конфликтов на уровне споров и претензий, которые в большинстве своем подавлялись в период существования союза, а также и непосредственные этноконфликтные ситуации между странами уже после распада.

Обозначив некоторые причины актуализации этнической проблематики на современном этапе социодинамики, важно обратиться к рассмотрению вопроса о самой специфике проявления этноренессанса. Повышенный интерес к этничности и этнокультурной идентичности, обусловленный внешним фактором, миграционными, глобализационными процессами, может проявляться через такие формы, как этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм и этнонационализм [9, с. 109]. Важно отметить, что обозначенные формы взаимообусловлены и основываются на определенной степени аффектации своего самоутверждения по отношению к другим этническим группам. И для того, чтобы разобраться в обозначенных формах проявления этнической идентичности, в первую очередь следует обозначить смысловое поле такого феномена, как этноцентризм, который содержательно трансформируется и проявляется в различных формах аффектации. Этноцентризм понимается как осознание своей этнической общности с акцентированным самоутверждением по отношению к другим этническим группам (аут-группа) [9, с. 109]. При этом в большинстве аналитических работ этноцентризм кодируется как однозначно негативное явление для этнической общности: акцентированное предпочтение своей этнической группы (ин-группы) при явном негативном отношении к другой (аут-группе) [10, с. 13]. Однако важно абстрагироваться от однозначной демонизации феномена этноцентризма. Осознание своей значимости не всегда выражается в форме агрессивного изоляционизма. Более того, этноцентризм как форма гиперпозитивной этнической самоидентификации может быть необходимым условием для дальнейшего существования этнической культуры: в условиях локальной ограниченности или изолированности от других групп; при наличии ограниченности жизненных ресурсов; при насильственной ассимиляции со стороны аут-групп. В таких случаях этноцентризм может выражаться в форме авто- и гетеростереотипов. В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, аккумуляция последних в некий схематичный и упрощенный образ другой культуры. На индивидуальном уровне взаимодействия между представителями различных этносов стереотипное мышление чаще всего оказывает сильное влияние на взаимные ожидания и формирование

ассоциативного контекста: определенной модели поведения, ожидаемого образа. Это наиболее часто проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности. Важно отметить, что автостереотипы имеют под собой вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровнях позволяет этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой. Внешняя же этнокультурная стереотипизация зачастую носит ограничительную функцию: оценочным сравнением своей и чужой группы, с явным превалярованием в оценках в пользу своей культуры или неосознанным навязыванием образа Другого. В ситуации явной негативной коннотации аут-группы этноцентризм может выражаться в явной негативной и даже агрессивной форме: этнодоминировании, этнофобии, этнофанатизме.

Этнодоминирование проявляется в этнокультурной абсорбации: численное доминирование становится основанием для превосходства одной группы над другой [11, с. 110]. В отличие от этноцентризма, этнодоминирование всегда представлено в явной форме превосходства ин-группы над аут-группой: это может выражаться через эмоционально-окрашенное пренебрежительное или высокомерное оценивание другой культуры, явную ее дискриминацию или принижение ее значимости. Этнодоминирование может служить основанием для этностатусных, этнополитических, этноэкономических или этноконфессиональных конфликтов: противоречия между центральной властью и властными структурами этнических регионов в рамках полиэтнического мультикультурного государства; доступ к власти представителей «нетитульных» народов; трудовые предпочтения и раздел сфер влияния; использование религиозного фактора в этнополитической мобилизации. Так, например, современная ситуация на постсоветском пространстве характеризуется тем, что конфликтное противостояние зачастую происходит именно в контексте этнического доминирования [11, с. 179]. Хотя, безусловно, конфликтогенность в постсоветских странах носит флуктуационный характер: уровень конфронтации в различных этнических общностях отличается в зависимости от социокультурной среды, политического и экономического развития.

Если говорить про этнофанатизм, то важно отметить, что фанатичная привязанность, вплоть до патологической приверженности и абсолютизации догм своей этнокультуры, представляет собой определенный вид этнокультурного невроза у социальной группы. В данном случае фанатичная гиперболизация своей этничности имеет явное и навязчивое проявление интолерантности,

за которой скрывается этнонегативизм. Наличие негативных социальных установок, чувства стыда или исторической униженности – всё это может послужить основанием для возникновения этнокультурной напряженности и комплекса, который может проявиться в желании восстановить «историческую несправедливость», компенсировать обиду за счет других более слабых групп. Этнофанатизм также может возникнуть как гиперболизированный эффект «нациостроительства»: при ценностном вакууме артикуляция элементов исторической несправедливости и массивная декларация избранности народа способны сформировать в массовом сознании стремление к агрессивным формам идентичности и превосходстве над другими группами [11, с. 31].

Завершающей формой гиперпозитивной идентичности с аффектацией на максимализм выступает этнонационализм. Он проявляется в явной дискриминации аут-группы, в восприятии ее как потенциального врага, повышенным уровнем враждебности к иному и в чувстве исключительности своей группы. Этнонационализм может быть представлен как в виде культурного, так и политического этнонационализма. Важно учесть, что в данном контексте мы абстрагируемся от понятия гражданского национализма (государственного), который несет положительную коннотацию и отсылает нас к феномену *патриотизма*. Акцентируется именно национализм как политическая платформа, в рамках которой осуществлялась консолидация этноса в нацию и его дальнейшее доминирование. Если мы будем говорить про культурный подвид этнонационализма, то в широком смысле он направлен на сохранение целостности народа, языка, культуры и может играть положительную конституирующую роль для нации. Однако в условиях поликультурного государства этнонационализм может перейти за рамки «интегрирующего» и проявиться в форме «разъединяющего национализма», в рамках которого допускаются репрессивные действия к иным этническим общностям (Луис Снайдер) [11, с. 20]. Наиболее агрессивная форма проявления этнофанатизма и этнонационализма – это этнический терроризм. Например, палестинский терроризм или организация греков-киприотов ЭОКА в середине 1950-х гг. (Национальная организация борцов за свободу Кипра), Фронт национального освобождения в Алжире (ФНО), Африканский национальный конгресс и другие примеры, в основе которых лежат радикальные действия террористического характера с вооруженным насилием, направленные на освобождение, защиту или борьбу за локальные этнические интересы [11, с. 216]. При этом следует различать этносепаратистские действия террористического характера от национал-

освободительных движений, что является отдельной темой, требующей предметного исследования.

Заключение

Таким образом, в условиях расовой, этнической и культурной метисации вопросы этнокультурной идентичности, этнокультурного диалога, принятия и признания Другого являются одними из самых актуальных не только в рамках академической интеллектуальной мысли, но и в сферах повседневной практики. Сегодня в условиях глобального транскультурного диалога мы наблюдаем повышенный интерес к проблемам этнического самосознания, психологическим механизмам и закономерностям его гиперпозитивного или негативного проявления. Актуализация вопросов этничности связана со многими причинами. Однако определяющую роль играют такие факторы, как конституирование открытого транскультурного пространства, в котором встречаются и вступают в диалог различные этнокультурные общности (апелляция к этнокультурному символическому капиталу выступает как защитный механизм размытия своего культурного, психоэмоционального и когнитивного ядра); интенсификация миграционного процесса, провоцирующего обострение вопросов самокатегоризации и этнических стереотипов; внешние агрессивные факторы, затрагивающие территориальные, социально-экономические, политические, культурные и другие интересы этнокультурных общностей. Актуализация этнических вопросов носит диалектический характер: при общей тенденции формирования постнационального глобального пространства, в рамках которого вопросы об этнической идентичности должны выйти из фокуса научного, повседневного и геополитического внимания, наблюдается обрат-

ная тенденция – усиление интереса и проблематизация феномена этничности.

Важно отметить, что одна из форм проявления этноренессанса – это гиперболизация этнокультурной идентичности. Акцентированное самоутверждение этноса представлено в рамках этноцентристских установок, выражающихся в разной степени: от этнодоминирования до этнонационализма. При этом сам этноцентризм нельзя однозначно воспринимать как явное демонстрируемое превосходство одной группы над другой и стремление к изоляционизму. Этноцентризм значим в качестве стремления этнической группы к формированию «я-образа» общности, ее сплоченности и позитивной самокатегоризации. Однако важно отметить, что гиперболизация этноцентристских установок может выражаться и в негативной форме. Например, этнодоминирование может проявляться в потенциальной угрозе всплеска этнической напряженности (из-за психоэмоционального давления этнического большинства), а фанатичная привязанность, агрессивная форма демонстрации группой собственного превосходства является прямым проявлением интолерантности и экстремизма. Поэтому встреча с Другим в открытом глобальном транскультурном пространстве, в условиях интенсифицированного миграционного процесса обуславливается новым ракурсом понимания феноменов этноцентризма, этнофобии, этнонационализма, расизма, толерантности. Формируются новые границы культурной нормативности и дифференциации «своего-чужого». Однако повышенный уровень конфликтогенности и этнической нетерпимости в современном обществе задает особый уровень как личной, так и надындивидуальной ответственности при осмыслении проблем этнокультурного диалога.

Литература

1. Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 4–16.
2. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9–61.
3. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело, 2014. 526 с.
4. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
5. Лучшева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.
6. Aleshkovski I. International migration and globalization: global trends and perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 32–48.
7. Ницшке П. Миграция, равенство и неравенство в глобализованном мире: парадокс переосмысления национального государства // Век глобализации. 2017. № 4. С. 92–99.
8. Курбачёва О. В. Этнокультурный конфликт как феномен современного общества // Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса (18–20 октября 2017 г.). Минск, 2018. С. 718–722.
9. Хотинцев В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя. 2000. 240 с.

10. Султанова Ж. В. Этноцентризм в современном мире: истоки, сущность, практики. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. 23 с.

11. Ксенофобия в современном мире / под ред. В. А. Ачкасова, Д. З. Мутагирова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 354 с.

THE PHENOMENON OF ETHNIC RENAISSANCE IN THE CONDITIONS OF THE GLOBAL TRANSCULTURAL DIALOGUE

Olga V. Kurbacheva^{a, @}

^a *Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Ave., Minsk, Belarus, 220030*

[@] *Kurbach.ova@gmail.com*

Received 26.11.2018. Accepted 17.12.2018.

Keywords: ethnos, ethnicity, ethnic identity, ethnorenaissance, ethnocentrism, ethnophobia, ethnic domination, migration

Abstract: The paper deals with the phenomenon of ethnicity, ethnic identity, and the specifics of its formation. The article reveals the complex polyparadigmatic nature of the interpretation of the concept of ethnos, which assumes an incomplete confrontation of positions in the framework of such areas as constructivism and primordialism. The author reveals the aggravation of the ethnic issue at the present stage of its development. The actualization of the ethnic Renaissance is associated with the following reasons: the protective reaction of local cultures in the period of global transformations; intensification of the migration process and the desire of migrants for self-categorization; external aggressive factors initiating attention to the issues of ethnicity. The article features the phenomenon of ethnocentrism with its positive and negative aspects. The author 1) puts emphasis on the importance and the dialectical character of auto- and heterostereotypes in the formation of positive ethno-cultural identity, 2) draws attention to the manifestation of ethnocentrism in various forms of hyperpositive and negative ethnic self-identification, 3) highlights the danger of ethnic domineering, which may escalate conflict situations. According to the author, ethno-fanaticism is a manifestation of ethno-cultural neurosis, which can be used as a dangerous tool in socio-political construction and management. The research reveals the dual nature of the phenomenon of ethnonationalism. The author emphasizes that it is necessary to distinguish between cultural and political nationalism since they perform various functions and manifest themselves at opposite levels, from solidarity and patriotism to ethnic terrorism.

For citation: Kurbacheva O. V. Fenomen etnicheskogo renessansa v usloviakh global'nogo transkul'turnogo dialoga [The Phenomenon of Ethnic Renaissance in the Conditions of the Global Transcultural Dialogue]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 49–56.

References

1. Tishkov V. A. Istoricheskaya kul'tura i identichnost' [Historical culture and identity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, no. 2 (2011): 4–16.
2. Gellner E. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The Coming of Nationalism. Myths of the nation and class]. *Put'. Mezhdunarodnyi filosofskii zhurnal = Path. International Philosophical Journal*, no. 1 (1992): 9–61.
3. Zhizhek S. *Shchekotlivyi sub"ekt: otsutstviushchii tsentr politicheskoi ontologii* [A sensitive subject: the missing center of political ontology]. Transl. Shchukina S. Moscow: Delo, 2014, 526.
4. Mead M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and world of childhood]. Moscow: Nauka, 1988, 429.
5. Luchsheva L. V. Sovremennye kontsepty prichin etnicheskikh konfliktov [Contemporary Concepts of Reasons for Ethnic Conflicts]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 1 (2015): 206–209.
6. Aleshkovski I. International migration and globalization: global trends and perspectives. *Journal of Globalization Studies*, 7, no. 2 (2016): 32–48.

7. Nitsshke P. Migratsiia, ravenstvo i neravenstvo v globalizirovannom mire: paradoks pereosmysleniia natsional'nogo gosudarstva [Migration, equality, and inequality in a globalized world: the paradox of rethinking the nation state]. *Vek globalizatsii = Age of globalization*, no. 4 (2017): 92–99.

8. Kurbacheva O. V. Etnokul'turnyi konflikt kak fenomen sovremennogo obshchestva [Ethnocultural conflict as a phenomenon of modern society]. *Natsional'naia filosofiiia v global'nom mire: materialy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa (18–20 oktiabria 2017 g.)* [National Philosophy in a Global World: Proc. First Belarusian Philosophical Congress (October 18–20, 2017)]. Minsk, 2018, 718–722.

9. Khotinets V. Iu. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2000, 240.

10. Sultanova Zh. V. *Etnotsentrizm v sovremennom mire: istoki, sushchnost', praktiki* [Ethnocentrism in the modern world: origins, essence, and practice]. Kazan: Kazan. gos. un-t im. V. I. Ul'ianova-Lenina, 2005, 23.

11. *Ksenofobiia v sovremennom mire* [Xenophobia in the modern world]. Eds. Achkasov V. A., Mutagirov D. Z. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018, 354.

УДК 344.65

О ЗНАЧЕНИИ МОТИВИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**Максим В. Беляев** ^{a, b, @, ID}^a Верховный Суд Республики Татарстан, 420015, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, 72/2^b Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Россия, г. Казань, ул. 2-я Азинская д. 7а[@] 2216406@mail.ru^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-3326-7508>*Поступила в редакцию 23.04.2018. Принята к печати 30.11.2018.***Ключевые слова:**

обоснованность, доказывание, приговор, мотивирование, Европейский Суд по правам человека

Аннотация: Статья посвящена анализу значения мотивированности судебных решений в уголовном процессе. В процессе исследования делается вывод о том, что мотивированность во многом определяет качество судебного решения, делает его понятным для общества, способствует транспарентности правосудия; мотивирование при принятии решений является неременным условием справедливого судебного разбирательства и в итоге способствует уважительному отношению к авторитету судебной власти. Решение по конкретному делу должно предполагать логически и структурно выверенный акт, содержащий полноценный анализ правовых позиций сторон, оценку доказательств. Мотивированный судебный акт рассматривается нами как одна из составляющих частей стандарта отправления правосудия, в подтверждение доводов анализируются решения Европейского Суда по правам человека по конкретным делам. Посредством аргументированного изложения позиции, занятой судом по конкретному уголовному делу, должна достигаться не только цель исправления осужденного в конкретной ситуации, но и реализуется общая превенция правонарушений. Кроме того, качественно мотивированные судебные акты способствуют формированию правовой определенности и, в частности, становлению единообразия практики применения правовой нормы.

Для цитирования: Беляев М. В. О значении мотивированности судебных решений в уголовном процессе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 57–61.

Введение

Важнейшей частью деятельности суда в уголовном процессе является аргументирование выбора норм права, подлежащих применению в конкретном уголовном деле, а также тех доказательств и доводов сторон, которые становятся основой для принятия судебного решения. Свойство судебного решения, отражающего данный вид деятельности, в юридической науке традиционно рассматривают как мотивированность. Анализ положений Конституции РФ, норм уголовно-процессуального законодательства, решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), материалов судебной практики, а также доктринальных положений уголовно-процессуального права позволяют выявить юридическую сущность, основное содержание и значение мотивированности судебных решений в уголовном судопроизводстве.

Мотивированность как свойство судебных решений

Наряду с законностью и обоснованностью мотивированность можно рассматривать в качестве критерия качества судебных решений. В юридической науке мотивированность рассматривается в качестве логического продолжения обоснованности, однако имеющего самостоятельное содержание. Требования мотивированности судебных решений в уголовно-процессуальном законодательстве содержатся в ст. 7, 300, 305, 307 и ряде других статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Г. И. Загорский определяет мотивированность как свойство приговора, суть которого заключается в отражении «взаимосвязи между исследованными в суде доказательствами и сделанными на их основе выводами» юрисдикционного органа [1, с. 30]. Н. А. Тузов под мотивированностью

понимает «исходящее из равноправно состязательного выявления, выбора, подбора и наличия должной полноты определенных правовых оснований разрешения споров оценочно-объясняющее, юридически полное и системное – аргументирующее (убедительное) документальное представление судами своих властных итоговых выводов (заключений) по рассмотренным ими делам в виде резолютивных частей их судебных актов» [2, с. 15–16]. По мнению автора, «это выражается во всесторонне полном, последовательном, объективном, стилистически и грамматически ясном, логичном изложении в описательно-мотивировочных частях судебных актов всех заявленных и представленных сторонами доводов, доказательств и обстоятельств дела и названных ими норм права с их объясненной логической оценкой и применением по определенным процессуальным критериям» [2, с. 16].

П. А. Лупинская писала о том, что «мотивированность решений может выражаться в приведении установленных обстоятельств и доказательств, на которых основаны выводы, с объяснением, почему одни доказательства приняты, а другие отвергнуты, а также в фактической, логической и правовой аргументации относительно установленных фактов и правовой сущности, в приведении доводов, объясняющих выбор одного из вариантов решения и его целесообразность» [3, с. 157–158].

В. А. Пономаренко полагает, что «мотивированность как требование, предъявляемое к судебному решению, означает обязательность наличия в нем исчерпывающе аргументированных выводов суда о результатах оценки доказательств и установленных на их основании фактах. В необходимых случаях в решении также должно содержаться обоснование выбора каждой из примененных судом норм права и их толкование». Иными словами, решение признается мотивированным, если в нем конкретно сформулировано фактическое и юридическое основания, а также отражен путь, которым суд пришел к соответствующим выводам [4, с. 6]. Т. В. Козина рассматривает мотивированность как отношение тезиса к приведенным его фактическим и логическим основаниям [5]. Н. Д. Муратова в содержании требования мотивированности процессуального решения включает «совокупность мотивов, доводов, аргументов для обоснования судебного акта» [6, с. 108], «умение привести мотивы, доводы

и аргументы в убедительную систему с тем, чтобы показать достаточность доказательств для принятия правильного решения» [6].

Значение мотивированности процессуальных решений связывается с противоречивостью современного правового регулирования, социальной неудовлетворенностью правосудием и растущей потребностью в его убедительности и эффективности [2, с. 8]. Конституционный Суд РФ (КС РФ) в своих решениях отмечал, что право каждого обращаться в государственные органы и право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, предполагают не только право подать в государственный орган соответствующее ходатайство, но и право получить на это обращение адекватный ответ. Это означает необходимость принятия по обращению законного, обоснованного и мотивированного решения – иное означало бы нарушение как процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, так и их конституционных прав¹.

Мотивированность судебных решений в понимании ЕСПЧ

Связь мотивированности судебных решений с возможностью их обжалования отмечается и в решениях ЕСПЧ: национальные суды должны достаточно ясно излагать мотивы своих решений, чтобы «обвиняемый был в состоянии практически осуществить предоставляемые права на апелляцию»², мотивированные решения дают возможность стороне обжаловать их, а вышестоящему суду – рассмотреть жалобу по существу, а в необходимых случаях пересмотреть дело; кроме того, надлежащая мотивированность решения позволяет «продемонстрировать то, что аргументы сторон были услышаны», обеспечивает возможность для общества проследить осуществление правосудия³.

В понимании ЕСПЧ мотивированность важна еще и потому, что участники процесса и общество в целом могут понять и оценить причины вынесения данного решения. В этом контексте требования мотивированности стали распространяться ЕСПЧ даже на решения, выносимые присяжными заседателями. Не требуя мотивирования вердикта присяжных, ЕСПЧ исходит из того, что в деле должны находиться материалы, которые позволяют понять, по каким причинам вынесено то или иное решение

¹ По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 7 и 123, ч. 3 ст. 124, ст. 125, 388 и 408 УПК РФ. Определение КС РФ от 25.01.2005 № 42-О. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/Opredelenie-Konstitucionnogo-suda-ot-25-janvarja-2005-g_-N-42_O/ (дата обращения: 20.04.2018); По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав ч. 3 и 5 ст. 165 УПК РФ. Определение КС РФ от 16.12.2008 № 1076-О-П. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690691/#ixzz5ZMcG0eGz> (дата обращения: 20.04.2018).

² Хадянастасиу против Греции (Hadjianastasiou v. Greece). Постановление ЕСПЧ от 16.12.1992 (жалоба № 12945/87). Режим доступа: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Hadjianastasiou_v_Greece_16_12_1992.pdf (дата обращения: 20.04.2018).

³ Хирвисаари против Финляндии (Hirvisaari v. Finland). Постановление ЕСПЧ от 27.09.2001 (жалоба № 49684/99).

[7, с. 177; 8, с. 3–8]. Например, в деле «Таске против Бельгии» ЕСПЧ признал нарушение ст. 6 Конвенции в силу того, что заявитель был лишен возможности понять суть приговора⁴.

П. А. Лупинская писала о том, что даже правильное по существу решение «может породить сомнения в его обоснованности, если оно изложено без ясного представления об основаниях и мотивах его принятия» [3, с. 159]. С. Б. Поляков отмечает, что отсутствие мотивированности судебного решения дает повод усомниться в беспристрастности судебной власти [9, с. 26–30].

С данными выводами трудно не согласиться: немотивированные либо мотивированные в недостаточной степени судебные решения делают их непонятными для общества, формируют мнение о пристрастности судей, что не способствует транспарентности правосудия и реализации его задач.

Значение мотивированности судебных решений

Многие авторы пишут о многофункциональном значении мотивированности судебных решений. Так, О. И. Марочкин выделяет следующие функции мотивированности процессуальных решений: прогностическую, удостоверяющую, функции обоснования и обобщения [10, с. 81–91]. Н. А. Тузов определяет функциональную многозначность мотивированности судебных актов и определяет её как «критерий юридического качества судебных актов и качества профессиональной работы судей; выражение принципов состязательности и равноправия сторон, открытости правосудия; причинно-побудительного логического выражения обоснованности и законности судебных актов с проявлением алгоритма аргументирующего представления судебного решения; выражение юридической квалификации обстоятельств дела и доводов сторон; выражение реального осуществления задач судопроизводства; отражение критерия справедливости судебного разбирательства» [2, с. 25].

Литература

1. Загорский Г. И. Постановление приговора. М.: Проспект, 2017. 208 с.
2. Тузов Н. А. Мотивирование и преюдиция судебных актов. М.: Российская академия правосудия, 2006. 152 с.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. 168 с.
4. Пономаренко В. А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
5. Козина Т. В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1992. 23 с.

⁴ Постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Таске против Бельгии» (Tahquet v. Belgium) от 16.11.2010, жалоба № 926/05 // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2011. № 5.

⁵ Постановление ЕСПЧ от 22.02.2007. Дело «Красуля (krasulya) против Российской Федерации» (жалоба № 12365/03) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2008. № 7; Постановление ЕСПЧ. Дело «Ван Кюк против Германии» (Van Kuck v. Germany) (жалоба N 35968/97) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2008. № 7; Постановление ЕСПЧ «Краска против Швейцарии» (Kraska v. Switzerland) от 19.04.1993.

А. Р. Султанов рассматривает мотивированность судебных актов в качестве неперемного условия справедливого правосудия [11, с. 114–118]. Этой же позиции придерживается и Н. А. Тузов, отмечая, что мотивированность является результатом осуществления принципов равноправия и состязательности сторон и применения судом норм права. Мотивированно отражать в судебном акте можно только в противопоставлении равным образом представленные сторонами и соответственно оцененные судом доказательства и обстоятельства, доводы этих лиц [2, с. 22]. С позиций ЕСПЧ мотивированность принятого судом решения рассматривается в качестве неперемного условия справедливого судебного разбирательства, гарантированного п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции [8; 12]. В ряде решений ЕСПЧ было указано, что суд должен надлежащим образом изучить замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению⁵. С таким подходом нельзя не согласиться: процессуальный стандарт справедливости правосудия предполагает, что стороны будут услышаны в равной степени, доводы каждой из сторон будут объективно рассмотрены, суд ясно и логично объяснит причины принятия одних доказательств и доводов и отказ от других.

Заключение

Таким образом, мотивированность является одним из важнейших свойств, определяющих правосудность судебного решения. Мотивированность представляет собой выводы суда о результатах оценки доказательств и установленных на их основании фактах, имеет большое не только юридическое, но и социальное значение, поскольку делает судебные решения понятными для общества, способствует транспарентности правосудия и осознанию обществом его справедливости.

6. Муратова Н. Д. Правовая культура процессуальных решений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 106–111.

7. Качалова О. В., Беляев М. В. Вердикт присяжных заседателей и социальные запросы общества // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 176–180. DOI: 10.17223/15617793/416/26

8. Шадарова А. Н. Развитие концепции мотивированности судебных решений в практике Европейского Суда по правам человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2016. № 5. С. 3–8.

9. Поляков С. Б. Правонарушитель – орган судебной власти? // Российский судья. 2010. № 9. С. 26–30.

10. Марочкін О. І. Мотивування процесуальних рішень слідчого. Київ: Національна академія прокуратури України, 2015. 214 с.

11. Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // Закон. 2014. № 8. С. 114–118.

12. Васяев А. А., Князькин С. А. Мотивированность судебных решений – стандарт Европейского суда по правам человека // Адвокат. 2013. № 6. С. 27–32.

ON THE IMPORTANCE OF MOTIVATION OF JUDICIAL DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Maxim V. Beliaev^{a, b, @, ID}

^a Supreme Court of the Republic of Tatarstan, 72/2, Pushkin St., Kazan, Russia, 420015

^b Kazan branch of the Russian state University of Justice, 7a, St. 2nd Azinskaya, Kazan, Russia, 420088

@ 2216406@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-3326-7508>

Received 23.04.2018. Accepted 30.11.2018.

Keywords: justification, evidence, conviction, motivation, the court

Abstract: The article is devoted to the analysis of the value of motivation of court decisions in the criminal process. The author concludes that motivation largely determines the quality of the judicial decision, makes it understandable for society, promotes the transparency of justice; motivation in making decisions is an indispensable condition for a fair trial and, in the end, contributes to a respectful attitude to the authority of the judiciary. The decision on a particular case should presuppose a logically and structurally verified act containing a full analysis of the legal positions of the parties and an assessment of evidence. A motivated judicial act is considered by the author as one of the constituent parts of the standard of justice. In support of the arguments, the author analyzed a number of decisions of the European Court of Human Rights. The trial should make the convict a better person, and this goal should be achieved through a reasoned presentation of the position occupied by the court in a particular criminal case, as well as by the general prevention of offenses. In addition, qualitatively motivated judicial acts contribute to the formation of legal certainty and, in particular, to the uniformity of the practice of the legal norm.

For citation: Beliaev M. V. O znachenii motivirovannosti sudebnykh reshenii v ugovnom protsesse [On the Importance of Motivation of Judicial Decisions in Criminal Proceedings]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 57–61.

References

1. Zagorskii G. I. *Postanovlenie prigovora* [Decision of sentence]. Moscow: Prospect, 208.
2. Tuzov N. A. *Motivirovanie i preiuditsiia sudebnykh aktov* [Motivation and prejudice of judicial acts]. Moscow: Rossiiskaia akademiia pravosudiia, 2006, 152.
3. Liupinskaia P. A. *Resheniia v ugovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержanie i formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, contents, and forms]. Moscow: Iurid. lit., 1976, 168.
4. Ponomarenko V. A. *Motivirovannost' sudebnogo resheniia v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Motivation of judgment in civil and arbitration procedure. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2007, 24.

5. Kozina T. V. *Sudebnoe sledstvie i obosnovannost' prigovora*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Judicial investigation and validity of the verdict. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1992, 23.
6. Muratova N. D. Pravovaia kul'tura protsessual'nykh resheniia [The legal culture of procedural decisions]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Orenburg state university bulletin*, no. 3 (2011): 106–111.
7. Kachalova O. V., Beliaev M. V. Verdict prisizhnykh zasedatelei i sotsial'nye zaprosy obshchestva [The jury verdict and social needs of society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no. 416 (2017): 176–180. DOI: 10.17223/15617793/416/26
8. Shadarova A. N. Razvitie kontseptsii motivirovannosti sudebnykh reshenii v praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Development of the concept of motivation of judgments in the practice of the European Court of Human Rights]. *Precedenty Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka = Precedents of the European Court of Human Rights*, no. 5 (2016): 3–8.
9. Poliakov S. B. Pravonarushitel' – organ sudebnoy vlasti? [Is the wrong-doer is an agent of judicial power?]. *Rossiiskii sud'ia = Russian Judge*, no. 9 (2010): 26–30.
10. Marochkin O. I. *Motivuvannia protsesual'nikh rishen' slidchogo* [Motivation of the procedural solutions of the witness]. Kiiv: Natsional'na akademiia prokuraturi Ukraini, 2015, 214.
11. Sultanov A. R. Motivirovannost' sudebnogo akta kak odna iz osnovnykh problem spravedlivogo pravosudiia [Motivation of the judicial act as one of the main problems of fair justice]. *Zakon = The Law*, no. 8 (2014): 114–118.
12. Vasyaev A. A., Knyazkin S. A. Motivirovannost' sudebnykh reshenii – standart Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Motivation of court decisions is the standard of the European Court of Human Rights]. *Advokat = Advocate*, no. 6 (2013): 27–32.

УДК 340.15

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Станислав О. Гаврилов ^{a, @}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] gavrosh66@mail.ru

Поступила в редакцию 26.04.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова:

советское государство, институциональные основы, юстиция, судебная система, адвокатские объединения, коллегия правозащитников

Аннотация: В современной историко-правовой литературе отсутствует единство мнений в определении основных этапов развития института адвокатуры в советский период истории отечественного государства и права, детерминировании его нормативных основ, подходов к определению сущности основных мероприятий партийно-государственной политики по отношению к адвокатуры. В рамках данной статьи на основе анализа российского законодательства о судеустройстве определяются основные тенденции становления и развития советской адвокатуры в 1917–1922 гг., место и роль адвокатуры в системе советской юстиции, раскрываются принципиальные особенности адвокатских объединений и их деятельности. На основе использования социокультурного подхода и методологии системных исследований определена динамика институциональных основ адвокатуры в период формирования советского политического режима. Анализируется кадровый состав, организационное построение и практическая деятельность адвокатуры. Материалы и выводы, содержащиеся в статье, могут быть использованы в процессе дальнейших историко-правовых исследований системы советской юстиции.

Для цитирования: Гаврилов С. О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 62–69.

Введение

Рубежным для российской адвокатуры событием стало начало нового этапа Великой российской революции, связанного с переходом политической власти в руки большевистской партии. Представляется, что одним из наиболее важных последствий этого события для адвокатуры было возвращение к традиционным для России отношениям между государством и обществом [1]. В отличие от Временного правительства, в политике которого обозначился поворот от всепроникающей и доминирующей роли государства в социальных взаимоотношениях, В. И. Ленин, как и его политические соратники, выступал «безусловно за твердую власть и за централизм» [2, с. 290] вплоть до полного искоренения прежнего режима.

Трансформация политических и правовых воззрений В. И. Ленина вполне очевидна. Если летом 1917 г. он обращался к концепции К. Маркса о «вооруженном народе» как революционной силе, способной встать на место разрушенного буржуазного государства, то в начале октября он уже говорил о необходимости создания пролетарского государственного аппарата, более сильного и централизованного, чем до революции.

Именно поэтому попытки изобразить В. И. Ленина как противника государства представляются неубедительными. Основанный преимущественно на работе «Государство и революция» довод Нила Хардинга о том, что государство возникло вопреки ранним большевистским теориям, не учитывает, по всей видимости, пересмотра Лениным теории «коммунистического государства» в конце 1917 г. Гораздо ближе к истине, с нашей точки зрения, утверждения Р. Пайпса о В. И. Ленине как государственнике, который стал «выкорчевывать все существующие институты, чтобы очистить место режиму, позднее получившему определение тоталитарного» [3, с. 589].

Именно в этом контексте и нужно рассматривать историю адвокатуры послеоктябрьского периода. Смена политической власти должна была привести к изменению направления развития таких институтов, каким являлась адвокатура, но конкретные последствия, которые взятие власти большевиками могло иметь для адвокатской корпорации, не сразу были очевидны даже для самих новых правителей, пришедших к власти без определенной программы правовых реформ [4].

Организационно-правовые основания советской адвокатуры на начальном этапе функционирования института

Правовые институты расценивались большевиками как сугубо политические, находящиеся в распоряжении государства. В. И. Ленин писал: «Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это» [5, с. 434]. С точки зрения лидера большевиков, для создания системы правовых институтов с правильной политической и социальной направленностью социалистическая революция должна полностью уничтожить старую государственную машину. В то же время абсолютно неясно, какие именно институты должны заменить ликвидированные, и является ли адвокатура одним из тех институтов, которые подлежат искоренению [6, с. 122].

Ввиду отсутствия четких теоретических оснований политики по отношению к адвокатуры, суть ее детерминировалась практическим опытом большевистских функционеров. В дореволюционный период они активно сотрудничали с адвокатами как с защитниками на политических процессах, как с политическими оппонентами, представлявшими другие партии, преимущественно кадетскую, а также как с коллегами по корпорации [7]. Эти связи убеждали революционеров в том, что адвокатура является по природе консервативным образованием и члены ее, за редким исключением, профессионально, социально и политически связаны с правящими классами.

Другая точка зрения, имевшая распространение в большевистской среде, несмотря на критическое отношение к адвокатуры, была не столь откровенно враждебна к ней. К ее сторонникам следует причислить тех представителей большевизма, которые в свое время сами отдали много времени и сил адвокатской карьере, были более терпимы к этой профессии и, хотя обвиняли адвокатов в защите экономических интересов буржуазии и ее методов внутреннего управления, но признавали при этом роль некоторых прогрессивных адвокатов в поддержке революционеров на процессах и в оказании юридической помощи рабочему классу. Поскольку в выработке политики партии и государства в советский период в основном принимали участие большевики, имевшие отношение к адвокатуры, а их мнения расходились, то понятно, почему после октября 1917 г. были столь противоречивы взгляды относительно выработки правильного курса развития адвокатской профессии.

Однако, несмотря на различия во мнениях, большевики сходились в том, что из-за высокого уровня политизированности корпорации и характера выполняемых в суде функций адвокаты представляют

собой потенциально наиболее оппозиционную группу среди представителей русской интеллигенции.

Новый строй поставил задачу поиска социалистической альтернативы российской дореволюционной адвокатуры. В первый год после революции такой поиск велся с большой осторожностью. Только когда летом 1918 г. усилилась гражданская война, центральные власти приняли решительные меры по нейтрализации деятельности адвокатуры и созданию альтернативных форм правового представительства. Это было началом эксперимента, который продолжался на протяжении всей гражданской войны и привел к радикальному отрицанию самой адвокатской профессии.

Деятельность адвокатов в первые недели после октябрьского восстания 1917 г. не оставляла сомнений относительно их политических симпатий. Так, результатом собрания присяжных поверенных при Петроградском окружном суде, состоявшегося 21 ноября 1917 г., через месяц после падения Временного правительства, стало единогласное (всего при шести воздержавшихся) принятие постановления, осуждавшего итоги событий, которые участники совещания оценили как переворот. По мнению адвокатов, созванное в будущем Учредительное собрание явится единственным легитимным органом власти, в то время как действия «узурпаторов» (попытки связать Россию сепаратным миром с Германией, акции террора и «поправки свободы личности, печати собраний и демонстраций, союзов, независимости судов и органов самоуправления») должны стать объектом решительных протестных акций¹.

Впервые намерения большевиков относительно политического будущего адвокатуры были продемонстрированы в статье П. И. Стучки, опубликованной в «Правде» 10 ноября 1917 г. В публикации содержался призыв ликвидировать как систему прокурорского надзора, так и адвокатскую корпорацию с целью создания нового публичного выборного органа, который объединил бы в своих руках функции обоих упраздненных учреждений.

24 ноября 1917 г. был принят Декрет о суде № 1. Этот документ, явившийся первым нормативным правовым актом большевистского государства, определявшим контуры будущей судебной системы, ликвидировал всю прежнюю систему судостроительства и судопроизводства. Прекращали существование прокурорские и адвокатские учреждения, следственные органы. С этой точки зрения представляются странными утверждения В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова, полагающих, что «идеи, заложенные в Судебных уставах 1864 г., оказались настолько сильны и притягательны, что были в значительной мере использованы в данном декрете»

¹ Век. 1917. 23 ноября.

[8, с. 212]. Содержащуюся в декрете расплывчатую формулировку, согласно которой большинство упраздняемых институтов должно было в кратчайшие сроки возродиться на новых революционных началах, можно не принимать во внимание – никакого правопреемника профессиональной адвокатуры декрет не определял. Функциями судебного представительства и судебной защиты наделялись все «непорочные лица», независимо от пола, пользующиеся гражданскими правами. Таким образом, декрет на волне революционного популизма открывал доступ к адвокатской практике не только профессиональным защитникам, но и всем гражданам республики.

Утрата адвокатурой легального статуса и ликвидация организационных структур присяжных поверенных не привели к немедленному прекращению профессиональной адвокатской деятельности. По крайней мере, в Москве и Петрограде деятельность Советов присяжных поверенных продолжалась еще в течение месяца, а власть этой деятельности воспрепятствовать так и не смогла. Столкнувшись с провалом попытки полного уничтожения корпорации директивным решением, она была вынуждена вернуться к тезису Декрета о суде № 1 о реформировании института в соответствии с новыми классовыми представлениями [9, с. 64].

19 декабря 1917 г. Наркомюст адресовал всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов распоряжение о формировании коллегий обвинителей и защитников. Предполагалось дальнейшее использование членов этих коллегий в судопроизводстве революционных трибуналов. Эти органы чрезвычайной юстиции, в свою очередь, создавались на уровне губерний и крупных городов с целью рассмотрения преступлений, совершенных госслужащими, квалифицированными как контрреволюционные действия. Письмо Наркомата юстиции предлагало местным органам государственной власти сформировать присутствие коллегий из числа лиц, у которых было желание «помочь революционному правосудию»². При этом претенденты на вступление в коллессию сразу же рекомендовались на роль будущих обвинителей или защитников, что, по мнению Ю. Хаски, сближало их статус со статусом барристеров в Англии [10, с. 38].

Идея создания нового судебного института, в состав которого входили бы лица, способные сочетать в своей деятельности функции защиты и обвинения, вскоре получила нормативное правовое закрепление. В самом начале 1918 г. в аппарате Наркомюста был разработан проект нового декрета,

предписывавший формирование в структуре создаваемых народных судов коллегий правозащитников. В течение января 1918 г. проект нормативного правового акта дважды становился предметом рассмотрения на заседаниях СНК РСФСР, результатом чего стало внесение в текст существенных поправок. Их главный инициатор В. И. Ленин стремился обеспечить гарантии того, что группа профессиональных правозащитников будет более малочисленной, более квалифицированной и тщательно контролируемой, нежели это было заложено в проекте Комиссариата юстиции. Если по первоначальному законопроекту контроль за деятельностью коллегий правозащитников возлагался на суды, как это было в дореволюционный период, новый вариант установил механизм контроля со стороны местных Советов, отличавшихся большей политической благонадежностью.

Пересмотренный проект нормативного правового акта был принят 7 марта 1918 г. как часть Декрета о суде № 2. Новое законодательное установление предусматривало порядок избрания и отзыва членов коллессии соответствующим Советом рабочих и крестьянских депутатов. Каждый обвиняемый имел право пригласить себе защитника самостоятельно, либо обратиться в народный суд с просьбой предоставить ему такового. При этом в судебных прениях могли участвовать два члена коллессии, один из которых поддерживал обвинение, а второй играл роль защитника.

Принятие данного нормативного правового акта не означало немедленной трансформации прежней модели адвокатуры в новую коллессиальную систему правозащитничества. Представляется, что причины этого явления заключались в следующем.

1. Пробелы в праве. Предписание декрета создавать в структуре народных судов коллессии правозащитников не сопровождалось разъяснением содержания требуемых для этого мероприятий. Оставался неясным организационно-правовой статус коллессий, порядок их взаимодействия с судебным аппаратом, механизм финансирования их деятельности.

2. Перегруженность местных Советов более насущными проблемами. Необходимость радикального пересмотра всего политического устройства и реформирования социально-экономической инфраструктуры, сопровождавшиеся ежедневными директивами из центра, вынудила их отложить образование новых коллессий. В частности, на территории Урала никаких шагов в этом направлении не предпринималось в принципе³.

² Собрание Узаконений. 1917–1919. № 12. С. 170.

³ Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1: Первый Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции (21–25 апреля 1918 года): тексты докладов с мест, тезисы докладов, документы и проекты по вопросам организации и деятельности судов, органов расследования и др. М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1918. С. 5.

3. Прямой саботаж со стороны бывших присяжных поверенных. Последние пытались создать в противовес новым коллегиям собственные адвокатские объединения [11, с. 39].

4. Негативное отношение к содержанию Декрета о суде № 2 со стороны ряда работников местных органов юстиции. Так, делегаты Первого Всероссийского съезда комиссаров юстиции, состоявшегося в Москве в апреле 1918 г., продемонстрировали более критичное отношение к институту правозащитников, нежели разработчики упомянутого нормативного правового акта. Они, в частности, потребовали внести изменения в систему оплаты адвокатских услуг, которая в соответствии с Декретом производилась непосредственно клиентом; съезд же потребовал установления для правозащитников государственных окладов, что ставило последних в явную зависимость от государства и разрывало связь материального свойства между адвокатом и клиентом⁴.

5. Крайне недоверчивое отношение к членам вновь образованных коллегий со стороны населения. Об этом наглядно свидетельствовало выступление представителя Сибирского края на Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции 21 апреля 1918 г.: «при революционном трибунале у нас существует коллегия правозаступников. <...> Лица эти в заседаниях трибунала выступают в качестве обвинителей. Обвиняемые всегда имеют своих защитников из бывших присяжных поверенных, их помощников»⁵.

Процесс формирования коллегий правозаступников несколько ускорился лишь к началу лета 1918 г., хотя этот процесс и осуществлялся крайне противоречиво и медленно. В Петроградской коллегии, например, было лишь двадцать два члена, тогда как до революции здесь практиковало более трех тысяч поверенных⁶.

Поэтому неслучайным является тот факт, что власть продолжала мириться с фактическим продолжением деятельности «старой адвокатуры». Весной 1918 г. группы бывших присяжных и частных поверенных, практиковавших в губернских центрах, предложили руководству исполкомов Советов идею создания профессиональных адвокатских объединений – Союзов адвокатов. Наивно полагая, что отсутствие решительных действий со стороны руководства Советов по отношению к сохраняющейся де-факто частной адвокатуры создает возможность для достижения компромисса, поверенные включили в уставные документы создаваемых Союзов уверения в политической лояльности новому режиму. По мнению Ю. Хаски,

«это была последняя попытка адвокатов найти в советской системе форму существования адвокатуры западного образца» [10, с. 42].

Конец лета 1918 г. ознаменовал новую фазу в развитии советского политического режима. Обязанность расследования уголовных дел и судопроизводства по ним была снята с обычных судов и органов расследования и возложена на чрезвычайные правовые институты, какими являлись ВЧК и революционные трибуналы, созданные еще в конце 1917 г. Традиционные буржуазные нормы права и процесса, применявшиеся в некоторой степени в советском судопроизводстве в первый год после революции, были отвергнуты.

Все это не могло не повлечь за собой ужесточение политики в отношении адвокатуры. В августе-сентябре 1918 г. на контролируемых большевистским режимом территориях были ликвидированы все сохранившиеся к тому времени Советы присяжных поверенных. Заодно были распущены и недавно созданные Союзы адвокатов, а частные адвокаты лишились права участия в судебных процессах.

Подверглась реорганизации и деятельность коллегий правозаступников. 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял Положение «О народном суде РСФСР» [12, с. 77]. В соответствии с новым нормативным правовым актом упразднились коллегии правозаступников. Их правопреемниками становились создаваемые при народных судах и ревтрибуналах коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе. Отметим, что правовой статус сотрудников новых учреждений был определен более четко: в отличие от членов коллегий правозаступников они считались госслужащими, получавшими оклады, устанавливаемые исполкомами Советов [12, с. 80].

Положение запрещало гражданам непосредственно обращаться к членам коллегии. Свои заявления с просьбой назначить защитника (судебного представителя) они должны были адресовать руководителю адвокатского объединения, либо в судебное учреждение, которые уже могли назначить защитника. Более того, членам коллегий разрешалось участвовать в гражданском судопроизводстве в качестве представителя одной из сторон лишь тогда, когда руководитель коллегии признавал правомерность самого иска и необходимость представительства в данном случае. Таким образом, власть получила реальную возможность влиять на ход дела до его формальной передачи в суд.

Принятие Положения 1918 г. повлекло за собой существенные изменения в институциональных основах адвокатуры.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ Там же, с. 15.

⁶ Известия Петроградского Совета. 1918. 10 июня. С. 4.

Во-первых, фактически прекратил существование принцип самоуправления адвокатской корпорации. В ст. 46 лишь упоминается о существовании совета коллегии, но ни механизм его формирования, ни полномочия этого органа (кроме обязанности распределения работы между членами коллегии) не были определены [12, с. 81].

Во-вторых, последствием реформы явилось обвальное сокращение численности корпорации, в чем, в первую очередь, было заинтересовано само большевистское государство [13, с. 4].

В-третьих, принятие Положения 1918 г. повлекло за собой ограничение участия адвокатов в судебных процессах, главным образом по уголовным делам. Они перестали допускаться к участию в предварительном следствии [14, с. 158]. Крайней противоречивостью отличалась и возможность участия представителей защиты в судебном рассмотрении дела [12, с. 80].

Кроме того, действенность механизма защиты обвиняемых в уголовном процессе подрывалась практикой создания разного рода трибуналов, органов чрезвычайной юстиции. В их заседаниях, как правило, не принимали участия ни представители обвинения, ни защитники.

Ближе к концу Гражданской войны в политической элите большевистской России все большее и большее распространение получила идея, согласно которой необходимость профессиональной судебной защиты в социалистическом обществе отсутствовала вообще. Эта идея, кроме того, подпитывалась общим желанием власти распространить всю военизированную систему труда, возникшую в условиях «военного коммунизма», на всю гражданскую экономику и социальную инфраструктуру.

11 мая 1920 г. был предпринят первый шаг к установлению трудовой повинности для адвокатов: принят декрет Совнаркома «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием», обязывавший всех получивших высшее юридическое образование, в том числе бывших поверенных, немедленно зарегистрироваться в местных Советах, в противном случае возбуждалось уголовное преследование⁷.

21 октября 1920 г. ВЦИК принял новое Положение «О народном суде». Оно окончательно упразднило коллегии правозаступников. В соответствии с новыми правовыми установлениями «в качестве защитников привлекаются судебными органами граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего Исполнительные Комитеты районные, городские и уездные составляют особые списки, порядком, устанавливаемым инструкцией Народно-го комиссара Юстиции» [12, с. 121]. В соответствии

с примечанием к ст. 43 Положения учреждения, в которых работали лица, привлекаемые к исполнению обязанностей защитников, обязывались освободить их от исполнения судебных обязанностей на срок, определенный судом [12, с. 122].

В Положении определялся механизм разрешения ситуации, связанной с отсутствием необходимого количества защитников, привлекаемых в порядке трудовой повинности. В соответствии со ст. 44 Народный суд в этом случае привлекал к участию в процессе консультантов Отделов юстиции. Помимо этого, ст. 45 Положения устанавливала возможность допущения к защите представителей организации, в которой работал обвиняемый, а также его ближайших родственников [12, с. 124]. Существенной новеллой Положения стала четкая регламентация ситуаций, когда участие защитника в процессе было обязательно – присутствие в процессе представителя обвинения, личная просьба обвиняемого, находящегося под стражей [12, с. 121].

По мнению Ю. Хаски, распустив коллегии, власти мало делали, чтобы быстро и эффективно ввести систему трудовой повинности, не предпринимали никаких существенных шагов, чтобы организовать юристов на оказание юридической помощи населению. Отделы юстиции местных Советов, отвечавшие за привлечение юристов к ведению дел в порядке трудовой повинности, не имели влияния на предприятия и государственные учреждения, в которых работали такие юристы. Многие отделы даже не составили их списки, а те, что составили, практически не могли воздействовать на них [13, с. 60].

Традиционно событиями, с которыми связывается начало нового этапа в развитии отечественной адвокатуры, считаются принятие Постановления III сессии ВЦИК «Об адвокатуре»⁸ и утверждение Наркоматом юстиции «Положения о коллегии защитников»⁹.

Постановление ВЦИК было связано с утверждением новой редакции ст. 43–49 Положения о народном суде (1920). Вместо общественных защитников, привлеченных к участию в процессах в порядке трудовой повинности, создавались профессиональные коллегии защитников по уголовным и гражданским делам, состав которых утверждался Президиумами губисполкомов. Впервые в советском законодательстве достаточно четко регламентировалась система оплаты труда защитников (ст. 47–48).

В то же время, представляя собой типичный документ переходного периода, Постановление сохраняло некоторые устаревшие формулировки прежних лет, в частности, допускало к участию в процессах в качестве защитников близких родственников,

⁷ Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1976. Т. 8. С. 182.

⁸ Об адвокатуре. Постановление III сессии ВЦИК от 26.05.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 10–11.

⁹ Положение о коллегии защитников. Утверждено НКЮ 05.07.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 11–16.

представителей общественных (профсоюзы и т.д.) и государственных учреждений и предприятий, иных лиц («с особого разрешения суда»)¹⁰.

Данное противоречие было устранено с принятием Положения о коллегии защитников: никакого «семейного», либо «общественного» представительства интересов оно уже не предполагало. Функции защиты и судебного представительства возлагались исключительно на членов коллегий, создаваемых при совнарсудах.

Положение определяло структуру и порядок формирования губернской адвокатуры. Руководящим органом коллегии становился ее президиум, избираемый на ежегодном общем собрании. Президиум осуществлял руководство текущей деятельностью объединения, ведал финансовыми вопросами, осуществлял дисциплинарные производства. Достаточно подробно прописывалось участие президиума в решении вопросов кадрового блока: за исключением случая, когда коллегия создавалась впервые, вопрос о приеме новых членов являлся его исключительной прерогативой¹¹.

Содержание Постановления и Положения 1922 г. не позволяет четко определить цель создания коллегий и их ролевое предназначение в системе государственного судостроительства – подобные статьи в нормативных правовых актах отсутствуют. Тем не менее, исходя из содержания ст. 46 Положения о народном суде в редакции Постановления 1922 г., посвященной характеристике задач президиума коллегии, можно установить, что задачей деятельности последнего является организация судебной защиты и судебного представительства, а также организация консультаций и иных юридических услуг населению¹².

Условием реализации этих задач, равно как и задачи популяризации советского права, по мнению авторов новой реформы, должно было стать партийное руководство коллегиями. Для этого требовалось обеспечить приток в адвокатуру имеющих юридическую подготовку членов РКП(б), обеспечить их активное участие в работе коллегий, создать в последних большевистские фракции, которые и возьмут всю деятельность адвокатуры под свой контроль. Все эти идеи были изложены

в специальном циркуляре ЦК РКП(б) «О вступлении коммунистов в коллегии защитников» от 2 ноября 1922 г.¹³

Завершение организационно-правовой институционализации адвокатуры состоялось с принятием Постановления ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР». В этом документе подчеркивалось, что территориальные объединения защитников создаются, в первую очередь, с целью предоставления юридических услуг трудящимся элементам города и деревни. Положение подтвердило, что сам факт создания и деятельности коллегии при губсудах не означает, что функция надзора за их деятельностью возлагается исключительно на суды: эти полномочия были одновременно возложены и на исполкомы Советов, призванные не только контролировать работу защитников, но и создавать для ее оптимальной организации необходимые условия.

Заключение

Таким образом, первые годы существования советского политического режима характеризовались чрезвычайно противоречивыми преобразованиями судебной системы, направленными в конечном счете на формирование новой модели судостроительства и судопроизводства, соответствующей марксистскому правопониманию и задачам чрезвычайной юстиции периода гражданской войны. Отсутствие ясного понимания роли института адвокатуры в новых условиях, сомнения о целесообразности ее сохранения в принципе предопределили постоянную смену правительственной политики по отношению к адвокатской корпорации – от попыток создания коллегий защитников и обвинителей до подмены профессиональной адвокатуры общественной, заключающейся в привлечении к судебной защите мобилизованных в порядке трудовой повинности. Неизменным оставалось лишь одно – стремление к уничтожению институциональных основ дореволюционной присяжной адвокатуры – четкой системы пополнения кадрового состава, механизма самоуправления адвокатских объединений, гонорарной практики и основных направлений адвокатской деятельности.

Литература

1. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.
2. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 34. С. 289–339.
3. Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 670 с.

¹⁰ Об адвокатуре. Постановление III сессии ВЦИК от 26.05.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 11.

¹¹ Положение о коллегии защитников. Утверждено НКЮ 05.07.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 12.

¹² Об адвокатуре. Постановление III сессии ВЦИК от 26.05.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 11.

¹³ Известия. 1922. № 10. С. 19.

4. Стучка П. И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1.
5. Ленин В. И. К вопросу о явке на суд большевистских лидеров // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 32. С. 434–439.
6. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 43–211.
7. Немытина М. В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 92–98.
8. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.
9. Дубков Е. П. Демократические основы организации советской адвокатуры: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 276 с.
10. Хаски Ю. Российская адвокатура и Советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917–1939. М.: ИГПАН, 1993. 183 с.
11. Галоганов А. П. Российская адвокатура: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2003. 287 с.
12. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. М.: Мысль, 2003. Т. 5. 829 с.
13. История русской адвокатуры / под ред. М. Н. Гернета. М.: Издание советов присяжных поверенных, 1916. Т. 2. 443 с.
14. Стрёмовский В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1966. 260 с.

THE HISTORY OF THE SOVIET BAR ASSOCIATION

Stanislav O. Gavrilov^{a, @}

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

[@] *gavrosh66@mail.ru*

Received 26.04.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: the Soviet state, institutional foundations, justice, the judicial system, lawyer associations, colleges of pseudo-advocates

Abstract: In modern historical and legal literature there is no unity of opinion in determining the main stages, the normative bases, and the essence of the party-state policy in the development of the institution of the advocacy during the Soviet period. The current research features the main trends in the formation and development of the Soviet Bar associations in 1917–1922, their place and role in the Soviet justice system. The author analyzed the Russian legislation on court organization, the principal features of bar associations, and their activities. The research was based on the sociocultural approach and the methodology of systemic analysis, as well as the dynamics of the institutional foundations of the legal profession during the formation of the Soviet political regime. The analysis also included the personnel composition, organizational structure, and practical activity of the Bar association. The materials and conclusions can be used for further historical and legal studies of the Soviet justice system.

For citation: Gavrilov S. O. K voprosu o sozdanii sovetskoi advokatury [The History of the Soviet Bar Association]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 62–69.

References

1. Shakhrai S. M., Krakovskii K. P. *Sud skoryi, pravyi, milostivyi i ravnyi dlia vseh. K 150-letiiu Sudebnoi reformy v Rossii* [Justice should be fast, fair, merciful, and equal for all. On the 150th anniversary of judicial reform in Russia]. Moscow: Kuchkovo pole, 2014, 568.
2. Lenin V. I. Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennuiu vlast'? [Will the Bolsheviks retain state power?]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Lenin V. I. Full composition of writings]. Moscow: Politizdat, vol. 34 (1969): 289–339.
3. Paips R. *Rossia pri bol'shevikakh* [Russia under the Bolsheviks]. Moscow: Rosspen, 1997, 670.

4. Stuchka P. I. Proletarskaia revoliutsiia i sud [Proletarian revolution and court]. *Proletarskaia revoliutsiia i pravo = Proletarian revolution and law*, no. 1 (1918): 1.
5. Lenin V. I. K voprosu o iavke na sud bol'shevistskikh liderov [On the matter of the appearance of Bolshevik leaders in court]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Lenin V. I. Full composition of writings]. Moscow: Politizdat, vol. 32 (1969): 434–439.
6. Lenin V. I. Gosudarstvo i revoliutsiia [State and revolution]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Lenin V. I. Complete set of works]. Moscow: Politizdat, vol. 33 (1969): 43–211.
7. Nemytina M. V. Rossiiskoe samoderzhavie i sudebnaia reforma 1864 g. [Russian Tsar regime and court reform of 1864]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 5 (2015): 92–98.
8. Kudriavtsev V. N., Trusov A. I. *Politicheskaia iustitsiia v SSSR* [Political justice in the USSR]. Moscow: Nauka, 2000, 365.
9. Dubkov E. P. *Demokraticheskie osnovy organizatsii sovetskoj advokatury*. Diss. kand. iurid. nauk [Democratic foundations of the organization of the Soviet Bar Association. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 1964, 276.
10. Khaski Iu. *Rossiiskaia advokatura i Sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoj advokatury, 1917–1939* [Russian advocacy and the Soviet state. The origin and development of the Soviet legal profession, 1917–1939]. Moscow: IGPAN, 1993, 183.
11. Galoganov A. P. *Rossiiskaia advokatura: istoriia i sovremennost'* [Russian advocacy: history and modernity]. Moscow: Iurlitinform, 2003, 287.
12. Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Iu. *Sudebnaia vlast' v Rossii: istoriia, dokumenty* [Judicial Power in Russia: History, Documents]. Moscow: Mysl', vol. 5 (2003): 829.
13. *Istoriia russkoj advokatury* [History of Russian advocacy]. Ed. Gernet M. N. Moscow: Izdanie sovetov prisiiazhnykh poverennykh, vol. 2 (1916): 443.
14. Stremovskii V. A. *Uchastniki predvaritel'nogo sledstviia v sovetskom ugolovnom protsesse* [Participants in the preliminary investigation in the Soviet criminal process]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta 1966, 289.

УДК 343.9

ПОПЫТКА ВЫДЕЛИТЬ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УБИЙСТВ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В СПЕЦИАЛЬНУЮ КАТЕГОРИЮ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роман Г. Драпезо ^а. @

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@uri_nit@kemsu.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова: поджог, убийство, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные категории, судебная медицина

Аннотация: В статье дается попытка обоснования не разграничивать в научно-методическом аспекте оперативно-разыскное обеспечение преступлений, сопряженных с огнем, и оперативно-разыскное обеспечение убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления. Также рассматривается реципрокность элементов оперативно-разыскной и криминалистической характеристик убийств изучаемой категории, что, с одной стороны, позволяет нам объединить убийства, где огонь используется как орудие, и убийства, где огонь применяется как средство сокрытия, с другой – выделить специальную оперативно-разыскную категорию. Целесообразность создания единого оперативно-разыскного обеспечения также вытекает из схожести следовой картины, оперативно-разыскных и следственных ситуаций, судебно-медицинской информации и т. п. Достоверность выводов базируется на изученных данных доследственных проверок, актов судебно-медицинского исследования и 337 материалов уголовных дел. В заключение приводится комплексное определение оперативно-разыскного обеспечения выявления, предупреждения и раскрытия убийств изучаемой категории.

Для цитирования: Драпезо Р. Г. Попытка выделить оперативно-разыскное обеспечение убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, в специальную категорию оперативно-разыскной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 70–75.

Введение

В научной литературе имеется достаточно работ, касающихся вопросов разработки оперативно-разыскного обеспечения (ОРО) различных категорий преступлений, которые по своей уголовно-правовой природе являются как одновидовыми, так и разнородными и разнообъектными. Например, существуют работы в сфере разработки ОРО по насильственным преступлениям и исследования, посвященные вопросам ОРО по преступлениям против жизни и здоровья, убийствам, изнасилованиям и т. п.

При этом одна часть авторов разграничивает научно-методическое содержание ОРО по разнородным и разнородным преступлениям и соответственно пошла по пути отдельной разработки ОРО, например, по пожарам и отдельно по взрывам, как это мы видим у А. И. Федора [1]. Другая часть авторов пошла по пути создания единого ОРО, не разграничивая по сопряженным преступлениям. Можно упомянуть работы В. С. Овчинского [2], С. Н. Иванова [3], А. И. Тесникова [4], А. С. Кудрявицкого [5] по ОРО преступлений организованной

направленности или работы С. М. Самоделкина [6], Р. Д. Мусабинова [7] по ОРО тяжких преступлений.

Задача исследования – выяснить, целесообразно ли разрабатывать единое ОРО по изучаемой категории дел, где взаимосвязанно присутствуют как насилие, так и огонь. Беря за основу изученную оперативно-следственную практику, приходим к следующим выводам.

Результаты и обсуждение

1. Те следы, которые обнаруживаются по убийствам и отдельно по поджогах, имеют много схожих черт (таблица). Следы по делам об убийствах и поджогах при решении задач выявления и предупреждения обнаруживают почти полное сходство. При решении задач, связанных с раскрытием преступления, также наблюдается почти полное совпадение тех следов, которые необходимо установить на этом этапе, за исключением трупа потерпевшего, которого может и не быть при совершении поджога.

2. Возникают такие ситуации, когда убийство изучаемой категории удастся раскрыть только в единстве исследования следовой картины убийства и поджога.

Таблица. Сравнение признаков и следов при решении различных задач оперативно-разыскной деятельности по делам об убийствах и поджогах

Table. Comparison of signs and traces in solving various tasks of operational-investigative activities in cases of murder and arson

Решаемые в оперативно-разыскной деятельности задачи	Обнаруживаемые признаки и следы по делам:	
	об убийствах	о поджогах
Выявление	<ul style="list-style-type: none"> – угрозы; – приискание горючих материалов; – длительный конфликт между близкими людьми, соседями; – подозрительное поведение поджигателя; – рост числа подозрительных несчастных случаев, так или иначе связанных с действием огня (например, при отсутствии или незначительном количестве корреляционных связей между обстоятельствами, причиной смерти и содержанием карбоксигемоглобина* в крови трупа) 	<ul style="list-style-type: none"> – угрозы; – приискание средств поджога (горючих материалов, источника зажигания); – длительный конфликт между близкими людьми, соседями; – подозрительное поведение поджигателя; – выявление лиц, склонных к неконтролируемым поджогам (пиромании)
Предупреждение	<ul style="list-style-type: none"> – профилактическая беседа; – контроль за лицами, имеющими непогашенную судимость; – располагать сведениями о числе наркопритонов и точек по изготовлению поддельного спирта; – мониторинг сведений о проживающих одиноких пожилых людях; – мониторинг сведений о ненадежных риелторах; – агентурный метод работы 	<ul style="list-style-type: none"> – профилактическая беседа; – контроль за лицами, имеющими судимость; – контроль за лицами, состоящими на учете у психиатра; – мониторинг сведений о ненадежных риелторах; – агентурный метод работы
Раскрытие	<ul style="list-style-type: none"> – установление криминальности события; – установление инсценировки несчастного случая, самоубийства (преимущественно по судебно-медицинским характеристикам); – идентификация трупа потерпевшего; – установление лица (лиц), совершивших преступление 	<ul style="list-style-type: none"> – установление криминальности события; – установление инсценировки несчастного случая (например, неосторожное обращение с огнем), технических причин возгорания; – труп отсутствует чаще всего; – установление лица (лиц), совершивших преступление

Прим.: * в судебно-медицинской литературе один из маркеров прижизненного нахождения потерпевшего в атмосфере огня (где угарный газ (СО) в процентном отношении преобладает над другими ядовитыми веществами, которые так же как и СО образуют с гемоглобином крови стойкие соединения).

В доме был обнаружен обгоревший труп женщины¹. Горючим материалом оказалось подсолнечное масло. По словам свидетеля, потерпевшая открывала двери только знакомым людям. На следующий день задержан некто гр. С., который оказался одним из соседей потерпевшей. У него же в доме во время обыска был обнаружен топор со следами крови потерпевшей и бутылка подсолнечного масла, которая, как оказа-

лась, была похищена гр. С. и использована им в качестве горючего материала.

Встречаются и такие ситуации, когда убийства изучаемой категории были раскрыты по следам, которые остаются от убийства либо поджога. В доме после тушения пожара² были обнаружены трупы трех взрослых людей без признаков насильственной смерти. В акте о пожаре указана причина – неосторожное обращение с огнем. После судебно-медицинского

¹ Архив уголовных дел Кемеровского областного суда. № дела 201980.

² Там же, № дела 07180172.

вскрытия трупов обнаружены переломы сводов черепа и теменной кости потерпевших. Проведенные оперативно-разыскные мероприятия (ОРМ) показали, что трое потерпевших незаконно торговали в своем доме наркотиками, устроив в нем притон. Дополнительный осмотр показал, что двери заперты снаружи, а не изнутри. Выдвинута версия, что убийство совершили знакомые, которые живут рядом с домом потерпевших. В суде эта версия нашла свое подтверждение.

Хотя на лиц, причастных к преступлению, удалось выйти в основном по следам убийства, тем не менее следы, оставшиеся от огня, также сыграли свою роль в доказывании виновности преступников. По следам поджога была установлена причастность и виновность второго участника убийства. Причиной пожара было признано неосторожное обращение с электроприбором. Один из участников убийства был знаком с электротехникой и осуществил имитацию замыкания.

Есть ситуации, которые были раскрыты по следам, относящимся к поджогу. После тушения пожара в доме были обнаружены два трупа³. Недалеко от трупов находилась закопченная банка с остатками керосина. После опроса свидетелей в доме одного из заподозренных лиц была обнаружена одежда с запахом горючего вещества, а также канистра с керосином. Судебно-химическая экспертиза показала, что следы горючего материала на одежде заподозренного идентичны горючему материалу, с помощью которого подожжен дом и трупы потерпевших.

3. Есть ситуации, когда поджога в уголовно-правовом смысле нет, а возгорание есть. Например, обнаруживается обгоревший труп потерпевшего возле теплотрассы. В таких случаях наравне с ОРО раскрытия убийств уместно применять комплекс, направленный на раскрытие поджога. С наших позиций нет разницы между способом сжигания трупа в доме, который параллельно может привести к поджогу, как сопутствующего состава преступления, так и в отвале, в колодце, теплотрассе. В последних случаях наблюдается единство следов от огня и убийства, которые трудно разграничить: ожоги на теле потерпевшего, копоть в дыхательных путях, алого цвета трупные пятна, содержание карбоксигемоглобина и / или гаптоглобина в крови [8, с. 13; 9, с. 21]. Ожоги могут превратиться в следы убийства, если становятся причиной формирования термического шока, который с позиции судебно-медицинской науки рассматривается как одна из возможных причин смерти человека от действия огня.

Таким образом, с одной стороны, разграничивать ОРО выявления, предупреждения и раскрытия убийства изучаемой категории и отдельно поджогов нецелесообразно. С другой стороны, как мы показали, ОРО убийств и ОРО поджогов взаимосвязаны между собой и взаимодополняют друг друга, что с определенной вероятностью и погрешностью дает нам основание отнести убийства, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, в отдельную оперативно-разыскную категорию.

Заметим, что в оперативно-разыскной науке принято различать как минимум две группы категорий оперативно-разыскной деятельности (ОРД) [10]. К первой группе можно отнести категории, которые не имеют формально-юридического закрепления, т.е. те, которые приняты в доктрине и не закреплены в нормативных правовых актах. Ко второй группе относятся категории, имеющие формально-юридическое закрепление, например категории, закрепленные в отдельных статьях Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»⁴. Значимые с позиции законодателя категории могут перемещаться из первой категории во вторую. Так, В. Ф. Луговик [11, с. 170] отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации конституционализирует ряд значимых категорий оперативно-разыскной деятельности⁵, не имевших ранее формально-юридического закрепления, например название оперативно-разыскных мероприятий, конспирация, негласные методы, пределы осуществления ОРД, результаты ОРД, процесс легализации и трансформации и ряд других категорий. Оперативно-разыскное обеспечение в настоящее время не имеет формально-юридического закрепления и относится к первой группе категорий. В литературе данная категория по-прежнему носит разрозненный характер и не имеет четкого толкования и элементного состава.

Кроме того, для того чтобы понять, имеем ли мы право выделить ОРО убийства, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия следов преступления, в специальную оперативно-разыскную категорию, необходимо сравнить оперативно-разыскную и криминалистическую характеристики убийств, где огонь выступает в качестве непосредственного орудия преступления и убийств, где огонь применяется как средство уничтожения следов убийства и других преступлений. Проведенное исследование показало существование как минимум двух типов зависимостей. Первый тип – это зависимость вида отношений между лицом, совершившим убийство и потерпевшим

³ Там же, № дела 870697.

⁴ Об оперативно-разыскной деятельности. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

⁵ См. например: По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 34. Ст. 4368.

и формой использования огня (либо как орудие, либо как средство сокрытия). Второй тип – это зависимость содержания карбоксигемоглобина в крови трупа, потерпевшего также от формы применения огня. При этом для первой зависимости характерно, что огонь как орудие убийства преимущественно используют родные / близкие, знакомые с приятельскими отношениями и знакомые, где отношения негативные. Огонь как средство сокрытия следов убийства преимущественно применяли лица, которые не были связаны с потерпевшими. Для второй зависимости, где огонь используется как средство сокрытия, наибольшая частота преступлений приходилась на диапазон содержания карбоксигемоглобина в крови от 0 до 30 %. Качественный анализ этого диапазона показал, что в него попали лица, совершившие убийства и состоящие с потерпевшим в родственных и / или близких отношениях. При этом непосредственно перед убийством жертву либо пытали огнем, либо приводили в бессознательное состояние.

В ситуациях, где огонь применялся как средство сокрытия, характерен для убийц, которые не были связаны с потерпевшим и где диапазон содержания карбоксигемоглобина в крови трупа оказывался максимальным – от 60 до 100 %. Значение диапазона для первого типа зависимости можно объяснить тем, что близкие потерпевшему лица пытаются довести убийство до конца и, как правило, убийство имеет

более жестокий характер. И напротив, значение диапазона для второго типа объясняется тем, что преступники в большей своей части безразлично относились к смерти жертвы.

Заключение

Таким образом, имеет место быть реципрокная связь, т. е. взаимное, противоположно направленное действие элементов оперативно-разыскной и криминалистической характеристик убийств изучаемой категории. Это также дает нам основание, с одной стороны, к объединению убийства, где огонь используется как орудие, и убийства, где огонь применяется как средство сокрытия, с другой – выделить специальную оперативно-разыскную категорию.

Обобщая сказанное, дадим авторское определение ОРО выявления, предупреждения и раскрытия убийств изучаемой категории: это основанная на рекомендациях науки и практики деятельность по организации систематического поступления оперативной, уголовно-правовой и судебно-медицинской информации оперативным подразделениям с места происшествия, а также любых сведений от объектов оперативной заинтересованности о состоянии оперативной обстановки и мест повышенного риска совершения таких преступлений для эффективного решения задач выявления, предупреждения и раскрытия преступлений.

Литература

1. Федор А. И. Особенности доказывания при расследовании пожаров и взрывов на объектах нефтегазового комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 170 с.
2. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В. С. Овчинского, В. В. Эминова, Н. П. Яблокова. М.: ИНФРА-М, 1996. 397 с.
3. Иванов С. Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 332 с.
4. Тесников А. И. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства о преступлениях, совершенных организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 269 с.
5. Кудрявицкий А. С. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 26 с.
6. Самоделкин С. М. Оперативно-розыскное сопровождение расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений (правовые и организационные вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 201 с.
7. Мусабилов Р. Д. Особенности первоначального этапа расследования тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершенных ранее судимыми лицами: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003. 242 с.
8. Драпезо Р. Г. Отождествление трупа по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления: оперативно-розыскные и судебно-медицинские особенности // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 5. С. 13–19.
9. Драпезо Р. Г. Применение информационных технологий и математики в судебно-медицинской и оперативно-розыскной работе по делам об убийствах, сопряженных с огнем как орудием (способом) сокрытия преступления // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 21–27.
10. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. В 3 т. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2013. 455 с.

11. Луговик В. Ф. Проблемы конституционализации оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.). СПб.: Петрополис, 2012. С. 166–176.

INVESTIGATION OF MURDERS WHERE FIRE ACTS AS A TOOL (METHOD) OF SUPPRESSION OF CRIME TRACES AS A SPECIAL CATEGORY OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY

Roman G. Drapezo^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@uri_nit@kemsu.ru

Received 03.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: arson, murder, operational and investigative activities, operational and investigative categories, forensic medicine

Abstract: The present research features attempts to unite into one category two types of crime associated with fire: arson and crimes where fire serves as a tool of suppression of crime traces. The author stresses the proximity of elements of operational and investigative and forensic characteristics of murders of the category in question. On the one hand, it makes it possible to combine murders where fire was used as a weapon and murders where fire was used as a means of concealment into a single operational and investigative category. On the other hand, a special operational and investigative category can be singled out. The feasibility of establishing a single operational-investigative provision also stems from the similarity of evidence, operative-investigative and investigative situation, forensic information, etc. The author studied pre-investigation checks, acts of forensic medical examination, and 337 cases. The obtained material allowed the author to give a complex definition of investigation, prevention, and disclosure of murders of the category in question.

For citation: Drapezo R. G. Popytka vydelit' operativno-razysknoe obespechenie ubiystv, gde ogon' vystupaet kak orudie (sposob) sokrytiia prestupleniia, v spetsial'noi kategorii operativno-razysknoi deiatel'nosti [Investigation of Murders where Fire Acts as a Tool (Method) of Suppression of Crime Traces as a Special Category of Operational-Investigative Activity]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 70–75.

References

1. Fedor A. I. *Osobennosti dokazyvaniia pri rassledovanii pozharov i vzryvov na ob'ektakh neftegazovogo kompleksa*. Diss. kand. iurid. nauk [Features of proof in the investigation of fires and explosions at oil and gas facilities. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 2001, 170.
2. *Osnovy bor'by s organizovannoi prestupnost'iu* [Bases of fight against organized crime]. Eds. Ovchinskii V. S., Eminov V. V., Iablokov N. P. Moscow: INFRA-M, 1996, 397.
3. Ivanov S. N. *Operativno-rozysknoe obespechenie raskrytiia i rassledovaniia gruppovykh prestuplenii*. Diss. doktora iurid. nauk [Operational and investigative support for the detection and investigation of group crimes. Dr. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 2001, 332.
4. Tesnikov A. I. *Operativno-rozysknoe obespechenie ugovnogo sudoproizvodstva o prestupleniakh, sovershennykh organizovannymi gruppami*. Diss. kand. iurid. nauk [Operational-investigative support of criminal proceedings on crimes committed by organized groups. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Voronezh, 2002, 269.
5. Kudriavitskii A. S. *Operativno-rozysknoe i kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo razbiratel'stva del o prestupleniakh, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi soobshchestvami*. Avtoref. diss. kand. iurid. nauk [Operational-investigative and forensic support of the trial of cases of crimes committed by organized criminal groups. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Tyumen, 2011, 26.
6. Samodelkin S. M. *Operativno-rozysknoe soprovozhdenie rassledovaniia i sudebnogo razbiratel'stva tiazhkiikh prestuplenii (pravovye i organizatsionnye voprosy)*. Diss. kand. iurid. nauk [Operational and

investigative support of investigation and trial of serious crimes (legal and organizational issues). Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 1994, 201.

7. Musabirov R. D. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniia tiazhkikh nasil'stvennykh prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ia, sovershennykh ranee sudimymi litsami*. Diss. kand. iurid. nauk [Features of the initial stage of the investigation of serious violent crimes against life and health committed by persons previously convicted. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Ufa, 2003, 208.

8. Drapezo R. G. *Otozhdestvlenie trupa po ubiistvam, gde ogon' vystupaet kak orudie (sposob) sokrytiia prestupleniia: operativno-rozysknoei sudebno-meditsinskie osobennosti* [Identification of the corpse on murders where fire acts as the tool (way) of concealment of the crime: operational search and medicolegal features]. *Meditsinskaia ekspertiza i pravo = Medical examination and the right*, no. 5 (2015): 13–19.

9. Drapezo R. G. *Primenenie informatsionnykh tekhnologii i matematiki v sudebno-meditsinskoi operativno-rozysknoi rabote po delam ob ubiistvakh, sopriazhennykh s ognem kak orudiem (sposobom) sokrytiia prestupleniia* [Information technologies and mathematics application in the forensic investigative work in homicide cases associated with fire as a means of weapon concealment]. *Meditsinskaia ekspertiza i pravo = Medical examination and law*, no. 1 (2015): 21–27.

10. Shumilov A. Iu. *Operativno-razysknaia nauka v Rossiiskoi Federatsii. T. I: Operativno-razysknaia deiatel'nost' i formirovanie nauki o nei* [Operational-investigative science in the Russian Federation. Vol. I: Operational-investigative activity and the formation of the science about it]. Moscow: Izdatel'skii dom Shumilovoi I. I., 2013, 455.

11. Lugovik V. F. *Problemy konstitutsionalizatsii operativno-rozysknoi deiatel'nosti* [Problems of constitutionalization of operational-search activity]. *Konstitutsionno-pravovye problem operativno-rozysknoi deiatel'nosti: sbornik materialov Vserossiiskogo kruglogo stola (3 noiabria 2011 g.)* [Constitutional and legal problems of operational-search activity: Proc. All-Russian Round Table (November 3, 2011)]. Saint-Petersburg: Petropolis, 2012, 166–176.

УДК 341.01

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДОКТРИНЫ СООТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Екатерина Ю. Марухно^{a, @, ID}

^a Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49

@ katja-marukhno@yandex.ru

^{ID} <http://www.researcherid.com/rid/Y-7517-2018>

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова:

европейский правовой порядок, европейский суд, интеграция, дуалистическая теория, монистическая теория, теория неомонизма

Аннотация: Целью данной статьи является комплексное исследование доктринальных подходов соотношения международного публичного и европейского публичного права, основанных на многоуровневости, нелинейности норм права. Объектом является позитивистская теория соотношения международного публичного и европейского публичного права, а также ее современные варианты, возникшие под влиянием глобализации и интеграционных процессов. Предметом исследования выступают основные положения доктрины международного и европейского права, нормы международного права, решения суда Европейского союза. Особое внимание уделяется мнениям авторитетных российских и зарубежных ученых в области европейского права. Методология данного исследования включает методы системного, сравнительно-правового и логического анализа. Анализируются теоретические основы конкретных способов и условий интеграции норм международного права в европейскую правовую систему с целью их применения компетентными органами государственной власти Европейского союза. Результаты научного исследования могут использоваться в качестве методического материала при изучении международного и европейского права. Основным выводом проведенного исследования является убеждение, что в целом оптимальная теория соотношения международного и европейского права может быть основана на концепции интегративного правопонимания.

Для цитирования: Марухно Е. Ю. Альтернативные доктрины соотношения европейского публичного права и международного права // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 76–83.

Введение

Общеизвестно, что каждое государство вправе самостоятельно выбирать и развивать отношения между своим внутренним законодательством и международным правом. В соответствии с основополагающими принципами международного права государства обязаны исполнять заключенные ими договоры, а также определять их применение законодательными, исполнительными и судебными органами власти. Однако международное право не определяет условия, при которых нормы, исходящие из договоров, должны быть интегрированы в национальное законодательство.

Основные концепции позитивистской теории

Традиционно позитивистская теория оперирует двумя концепциями, исходящими из конституций или судебной практики государств [1]: дуалистической и монистической [2, с. 630].

Дуалистическая (плюралистическая) доктрина соотношения международного и внутригосударственного права в более «строгой форме» обоснована в 1899 г. немецким ученым Г. Трипелем в труде «*Volkerrecht und Landrecht*» и «гибкой форме» – его сторонниками Д. Анцилотти в «*Cours de droit international*», М. Виралли, Л. Оппенгеймом [1]. Г. Трипель изложил теорию дуализма, провозгласив существование двух равновеликих, но различных, хотя пересекающихся и тесно взаимосвязанных между собой систем.

Сторонники концепции дуализма считают, что между внутренним и международным правом не могут существовать какие-либо конфликты, поскольку эти системы не имеют единого объекта – положения внутреннего права применяются исключительно внутри государства и не могут вмешиваться в международную правовую систему [3, р. 43]. Дуалистическая теория, по мнению

профессора А. Беррамдана, определяет внутреннее и международное право как две отдельные, самостоятельные правовые системы, имеющие общую международную ответственность [4, р. 17].

Анализируя дуалистическую теорию международного права, мы можем сделать следующие выводы:

- международный и национальный правопорядки признаются равными, но полностью независимыми друг от друга, существующими параллельно, при этом нет никакого отношения подчинения между двумя системами [3];

- основы, обладающие обязательной силой положений внутреннего права, представлены в Конституции, в то время как основа для международного права представлена принципом *роста sunt servanda*;

- комплекс правовых мер в обеих системах права может быть реализован только на соответствующем уровне. Так, нормы международного права не могут влиять на внутреннее законодательство и наоборот;

- нормы, включенные в обе системы права, не должны быть параллельными или противоречивыми;

- возможна только конкретная, регламентированная связь между двумя системами права.

Относительно теории дуализма во взаимосвязи и взаимодействии Европейского союза (ЕС) с самостоятельной системой международного права и общеевропейской правовой системы с национальными системами государств-членов ЕС в науке нет однозначного мнения.

По мере становления и развития концепции дуализма в ее рамках возникали различные подходы к решению вопроса о соотношении правопорядков. Теоретики международного права разработали вариацию дуализма под названием «диалектический» или «умеренный» дуализм и успешно применяют ее в своих исследованиях [5, с. 81]. Суть подхода сводится к тому, что международное и внутригосударственное право рассматриваются как различные, но тесно связанные между собой правовые системы, с единственной разницей в том, что «умеренные дуалисты» исходят из принципа паритетности во взаимоотношениях международного и национального правопорядка.

Идея монистической доктрины, наряду с теорией дуализма, возникает к концу XIX в. благодаря немецкому исследователю В. Кауфманну, опубликовавшему труд «Юридическая сила международного права и взаимосвязь законодательной власти и государственных органов». Ученый выдвинул основные принципы теории монизма, которая впоследствии была развита австрийским юристом

и философом Г. Кельзенем: в современном мире нет разных правовых систем в виде международного, национального или наднационального права, а есть единая, «универсальная правовая система», составными частями которой они являются [6, р. 177]. Данная теория предполагает существование единой универсальной системы права, охватывающей правопорядки различных уровней, при которой международное право имеет приоритетное значение по отношению к остальным нормам права, занимая верхушку иерархической нормативной пирамиды, и определяет юридическую действительность остальных правопорядков [7, с. 4].

В рамках общей монистической доктрины, опирающейся на тезис о существовании в современном мире единой «универсальной правовой системы» и единого «глобального правового порядка», по истечении определенного времени с момента появления ее в завершеном виде сложились два ее базовых варианта (разновидности), или концепции [8].

В начале 1970-х гг. международные договоры считались «неотъемлемой частью Европейского Сообщества»¹ и утверждалось, что международное право занимает особое место между первичными и вторичными актами². При этом статус международного права не ограничивался международными соглашениями (включая смешанные соглашения), но также распространялся на иные источники³.

По словам ученых, в 1970-х гг. после решения *Van Gend en Loos v. Nederlandse Administratie der Belastingen* и в 90-х гг. XX в. с образованием правовой системы ЕС начинается новый этап теоретической и практической эволюции права [2, с. 630]. Это связано с тем, что ЕС стал системой *sui generis* права с ее собственными дискретными правовыми постулатами, которые отделяют ее от системы международного права. Решения суда ЕС означали монистический характер между правом ЕС и национальными правовыми системами [9].

В рамках данного исследования о соотношении международного и европейского публичного права приведем следующие основные доктринальные исследования.

Профессор Э. Ционгару к вопросу о соотношении международного и европейского права поясняет: «Нормы национального права находятся в той же сфере, что и международное право. Существует субординация между двумя системами в зависимости от прямого действия норм права. Теория монизма устанавливает, что национальное законодательство исходит из международного права. Институционные договоры устанавливают

¹ European Court of Justice (ECJ). Case 181/73. Haegeman v. Belgium. ECR 449, 1974.

² ECJ. Case C-179/97. Spain v. Commission. ECR I-1251, 1999; ECJ. Case C-162/96. Racke GmbH & Co. v. Hauptzollamt Mainz. ECR I-3655, para. 45, 1998.

³ ECJ. Case C-162/96. Racke, supra note 19, para. 45; Court of First Instance. Case T-115/94. Opel Austria GmbH v. Council ECR II-39, 1997.

и требуют соблюдения европейского публичного права от государств-членов. Правовые нормы европейского публичного права должны быть интегрированы в национальное законодательство государств-членов, которые не имеют права выбора между дуализмом и монизмом, монизм является обязательным» [10]. В отличие от международного права, европейское публичное право утверждает «небезразличный характер отношений» между ЕС и национальным законодательством. Правопорядок ЕС постулирует монизм и требует строгого соблюдения европейского публичного права. Монизм обусловлен природой исходящего от государства права. В свою очередь, международное и национальное право являются интегрированными друг в друга и составляют единое целое [5].

Несмотря на общность позиций по основным принципиальным вопросам, взгляды сторонников этой концепции значительно отличаются друг от друга: среди них выделяются сторонники верховенства международного права над национальным и примата национального права над международным.

Также представляется интересным исследование Б. Мариан касательно теории монизма. По мнению ученого, две основные школы – нормативная и социологическая – разделяют данную доктрину. Кроме того, как отмечает румынский автор, особое место в доктрине монизма занимает «школа Европейского Сообщества»: ее сторонники считают, что право ЕС имеет правовое основание, развивается и приобретает самостоятельность, формируя коммунитарное право (European Community Law) [1]. Школа Европейского Сообщества (Европейского Союза) развивает теорию специфического взаимодействия европейского публичного и международного права. Концепция рьяно оспаривается сторонниками международного права. Например, специальный докладчик Комиссии международного права по оговоркам к международным договорам профессор А. Пеле считает, что нет никакой разницы между природой европейского публичного права и международным. Однако идейный противник А. Пеле профессор Д. Саймон утверждает, что законодательство ЕС связано с международным правом и поэтому не может его игнорировать, правопорядок ЕС постепенно отдаляется от международного права [1]. Сторонники данной теории отмечают, что Союз представляет собой новый правопорядок, основанный на автономии ЕС. С течением времени, как только европейское строительство будет углублено, автономия в полной мере будет реализована, прецедентное право инициирует процесс создания конституционной системы ЕС для большего отклонения от международного правопорядка. Закон ЕС постулирует монизм и налагает его соблюдение органам госу-

дарственной власти, только в монизме возможна интеграция. Значит, норма международного права превалирует над внутренним законодательством, являясь обязательной для государств-членов, которые обязаны выполнять ее без особых процедур имплементации.

«Нормативная школа» отстаивает концепцию верховенства международного права над национальным. Первая опубликованная работа, вдохновленная монизмом, появилась в 1899 г. в г. Штутгарте. Она написана В. Кауфманном и основывается на концепции естественного права. Данная теория поддерживает единство правопорядка, впоследствии она была развита сторонниками В. Кауфманна (представителями австрийской школы): нормативистом Г. Кельзенем в трудах «Чистая теория права» (1934) и «Принципы международного права» (1952), А. Фердроссом. Концепция утверждает существование универсальной правовой системы, которая будет преобладать над национальным законодательством различных государств, что предполагает незамедлительное, непосредственное применение права без процедуры имплементации в национальное законодательство государства-участника. В случае конфликта между национальным и международным правом будет применяться международное, а внутренние нормы не могут быть применимы до тех пор, пока международный договор будет в силе. Большинство европейских стран признали международные нормы частью внутренней системы права. Б. Мариан именует данную концепцию «теорией монады», означающей единство международного права и его непосредственное применение в национальном праве.

Теория универсальной правовой системы является достаточно новой. Неонатуралист Ф. Аллот признает, что в большинстве государств фактически нет единства правовой системы, а международное право не обладает высшей силой, – позиция на первый взгляд дуалистическая. Тем не менее тенденции приведения национальных правовых норм к международным и лежат в основе разработки универсальной правовой системы. Теория универсальной правовой системы предполагает такую правовую систему, во главе которой находится международное право, охватывающее правовые нормы всех вовлеченных государств, которые будут существовать благодаря международному праву и в соответствии с ним. Эта теория определенно имеет черты монистического подхода [11].

Следующая концепция – примата национального права над международным – основана на взглядах Г. Гегеля о государстве и праве. Государство, согласно Г. Гегелю, наделено «абсолютной властью на земле», а потому вправе по собственной воле изменять нормы как внутригосударственного, так

и международного права. Международное право должно рассматриваться только как свод правил, которые относятся к внутреннему законодательству как сумма внутренних положений различных государств, посредством которых они регулируют свои внешние отношения [1]. Среди последователей данной теории были представители боннской школы: М. Венцель, А. Зорн, Э. Кауфман. Немецкий геополитик В. Дайц настаивал на «обнулении» государственного суверенитета в пользу так называемого «суверенитета наций», именно национал-социалистические теоретики планировали сформировать новую систему международного права. По мнению советского ученого Р. А. Мюллерсона, подобная концепция ведет к международно-правовому нигилизму. Более того, история демонстрирует трагический опыт радикального осуществления этих взглядов в Германии в XIX – начале XX в., оправдывая фашизм и отказ от общепризнанных норм международного права.

Согласно социологической школе, в основе которой лежит теория Л. Дюги, закон является результатом социальной солидарности. Профессор считал, что социальный акт порождает этику, которая материализуется через юридические нормы. Право, по мнению ученого, вытекает непосредственно из социальной солидарности и поэтому стоит над государством. Юридическая норма возникает спонтанно в условиях общественных взаимосвязей, законодатель констатирует, но не создает ее [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государства-члены имеют возможность сохранить дуалистическую концепцию в отношении международного права, но в отношении взаимодействия ЕС и государств-членов дуализм должен быть устранен. Профессор А. Фуереа справедливо отметил, что европейское публичное право автоматически интегрировано в национальный правовой порядок, и ЕС является на сегодняшний день единственной международной организацией в мире, которой удается применить это [3].

Вызывает интерес и теория неомонизма, разработанная профессором Э. Каннизаро, который теорию монизма назвал реликтом эпохи. Ученый пишет, что идея разработки согласованной и всеохватывающей теоретической модели, способной объяснить все сложности и бесконечные теоретические и практические вопросы, возникающие из проблемных отношений международного и внутригосударственного права, кажется все более и более сомнительной [12]. Основная цель теории – укрепление внутреннего автономного правового порядка ЕС во взаимодействии с международным правом. Профессор рассматривает три ключевых элемента, благодаря которым можно определить новый подход: взаимность, механизм урегулирования споров

и наличие индивидуальных прав физических лиц. Новый подход зародился из прецедентного права ЕС и более реалистично рассматривает степень нормативности международных норм. Неомонизм по своей природе исходит из международного права с его первоначальным содержанием и степенью его эффективности в пределах национальной юрисдикции. Более того, он предоставляет возможность для международного права открыть завесу, разделяющую международный правовой порядок и внутреннее законодательство, и ввести свои нормы непосредственно в отечественный правовой порядок. Уважение и поощрение международного права является одним из основных принципов Суда ЕС, на этом основании можно утверждать, что принцип уважения и строгого соблюдения норм международного права также представляет собой вдохновляющий принцип в отношении внутреннего правового порядка ЕС. Международное право является неотъемлемой частью законодательства ЕС, и, если это не противоречит учредительным договорам, оно преобладает над внутренним законодательством. Подводя итог своим суждениям, профессор Э. Каннизаро пишет, что «судебная практика ЕС постепенно превратилась во что-то очень напоминающее полноценную правовую доктрину, то есть неомонизм» [12].

Теорию троизма во взаимодействии международного и национального права развивает профессор Р. А. Вессель. Он предлагает рассматривать вопрос о взаимодействии международного и европейского правового порядка с точки зрения иного понятийного аппарата: это «конституционализм», предтечей которого является монизм, и «плюрализм», который исходит из дуализма [13]. Ученый приводит следующие аргументы: несмотря на, во-первых, отсутствие четкого положения в учредительных договорах ЕС и, во-вторых, на «автономию нового правового порядка» в раннем прецедентном праве, правовой порядок ЕС обозначен как монистический по отношению к международному публичному праву [14]. Действительно, у ЕС нет затруднений, чтобы взять на себя обязательства по международному праву и стать частью его правовой системы. Ученый Т. Данн назвал это «хорошим международным гражданством» ЕС [15, р. 13]. Троизм определен как «сложная взаимосвязь между ЕС и международным публичным правом» [16, р. 181], теория исследует противоречия между принципами «автономии» и «рецепции». Эти противоречия обуславливают сложную связь европейского и международного права [17, р. 10]. Это означает, что для государств-членов ЕС классическое «двойное правоотношение международного права / национального законодательства» постепенно заменяется новыми трехсторонними отношениями – *международное право / право ЕС / национальное законодательство*, и что

субъекты – «это уже не только государства-члены ЕС, а национальные правовые системы, которые определяют, каким образом решения международных организаций могут быть реализованы и какой правовой статус они получают в своем внутреннем праве, а европейский правовой порядок, в свою очередь, заменит эту функцию национального правового порядка» [18].

Заключение

Проанализировав характер взаимосвязи и взаимодействия международного и внутригосударственного права, можем сделать следующие выводы.

Выделяют две классические концепции: монизм и дуализм. По справедливому замечанию В. В. Гаврилова, во второй половине XX в. многие сторонники дуалистической и монистической теорий фактически подошли к единому пониманию проблемы соотношения международного и внутригосударственного права как двух разнопорядковых, но тесно взаимодействующих и определенным образом соотносящихся между собой правовых конструкций. Обе эти концепции в их современной интерпретации признают возможность и необходимость взаимодействия международного и внутригосударственного права как самостоятельных систем в процессе регулирования неуклонно расширяющегося круга общественных отношений. В этих условиях наибольшую актуальность и практическую значимость приобретает задача определения основных параметров механизма такого взаимодействия, потому как в отношении этого вопроса и в международно-правовой доктрине, и в рамках юридической практики все еще сохраняются значительные расхождения во взглядах [19].

Классический монизм основывается на единстве правопорядков и иерархии источников права. ЕС выбрал монистический подход, согласно которому европейское право и национальное являются интегрированными друг в друга и составляют единое целое.

Четкая делимитация между международным и внутренним законодательством слабеет, и подходы двух основных школ становятся более градационными. На практике ни одна из этих двух основных теорий не применяется в чистом виде, поскольку государствами и ЕС были введены элементы гибкости как в монистический, так и в дуалистический подход [1], в практике государств существуют вариативные промежуточные состояния, объединенные элементами основных двух теорий. В реальности большинство стран мира занимают в некотором смысле промежуточную позицию, признавая непосредственное действие международных норм лишь при определенных условиях, зафиксированных национальным правом. Степень монистичности или дуалистичности разных стран неодинакова,

поэтому, несмотря на удобство подобных дефиниций с методологической точки зрения, попытки провести четкие границы между монистичными и дуалистичными государствами сталкиваются с серьезными затруднениями и результат, по существу, зависит от воззрений конкретного исследователя данной проблемы [20, с. 70].

Европейское право устанавливает концепцию монизма и требует его соблюдения для всех государств-членов ЕС, поскольку монизм исходит из самой природы унификации и интеграции. Правовая система ЕС действует по принципу прямого действия норм европейского публичного права в национальном законодательстве, поскольку нет необходимости имплементации. Принцип непосредственной применимости (прямого действия) означает автоматическую интеграцию норм европейского публичного права в национальный правопорядок [10]. Согласно первичному праву ЕС в национальное законодательство должны «немедленно применяться» следующие акты:

- 1) положения учредительных договоров;
- 2) международные соглашения, в которых содержатся четкие и точные организационно-правовые механизмы по их реализации;
- 3) директивы.

Суд ЕС неоднократно подчеркивал, что право ЕС имеет верховенство по отношению к праву государств-членов, непосредственно действует в их правовых системах, порождает права и обязанности для частных лиц, которые могут ссылаться на него в национальных судах. При этом национальные суды не могут отказать применять право ЕС, даже если оно противоречит национальным правовым актам, принятым позднее соответствующих положений права ЕС. Таким образом, по мнению Д. Янчича, дух дуализма между европейским публичным правом и национальным законодательством по-прежнему ощутим [9]. Профессор Д. Янчич заметил, что сам ЕС по решению Кади в 2008 г. демонстрирует пример дуализма по отношению к международному праву, когда Суд ЕС отстранился от норм ООН.

Несмотря на фундаментальное значение теорий монизма и дуализма в области международного права, в практической сфере они утратили смысл в правовой системе ЕС. Профессор Д. Янчич приходит к выводу о том, что правовая система ЕС является преимущественно монистической с сохранением дуалистических пережитков [9].

Более радикальную позицию высказывает приверженец международного конституционного права профессор А. фон Богданди: «Монизм и дуализм должны перестать существовать как доктринальные и теоретические понятия для обсуждения взаимоотношений между международным правом и внутренним правом.

Возможно, они могут по-прежнему быть полезными в исследовании более открытого или более нерешительного политического настроя в отношении международного права. Но для научной перспективы они являются интеллектуальными зомби и должны быть отправлены на отдых, или реконструированы» [21]. Ученый предлагает заменить нормативный универсум и научные доктрины, например, доктрину прямого действия понятием балансирования конституционных принципов. В соответствии с новым пониманием взаимоотношения европейского права и международного публичного права будут основываться на балансировании конституционных принципов, а не на иерархии между правовыми порядками [21].

Дискурс относительно монизма и дуализма считается многими учеными устаревшим, а сами теории – не отражающими реальности. Но несмотря на это, анализ российской и зарубежной доктрины показал обратное. Объяснение очевидно: именно данные теории продолжают оставаться основными источниками, формирующими позицию государств по вопросу применения международного права в их правовых системах. Мы приходим к выводу о том, что теории в чистом виде практически не используются, но научные споры благодаря предложенным альтернативам приводят к компромиссам и подготавливают почву для эклектического правового регулирования [22]. Теории в юридической доктрине не являются самоцелью, их задача заключается в предвидении практических проблем и определении возможных путей разрешения ситуаций.

Литература

1. Marian V. The Dualist and Monist Theories. International Laws Comprehension of these theories // Curentul Juridic (Serie novă). Режим доступа: http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments_200712/recjurid071_22F.pdf (дата обращения: 18.04.2018).
2. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правовая система Европейского союза. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
3. Fuerea A. Drept comunitar european. Partea generala. Editura All Beck, Bucuresti, 2003. 312 p.
4. Berramdane A. La hiérarchie des droits: droits internes et droits européen et international. Editions L'Harmattan, 2002. 276 p.
5. Brownlie I. Principles of public international law. 7th ed. N.-Y.: Oxford University Press, 2008. 784 p.
6. Kelsen H. Principles of International Law. N-Y.: Publishing House Rinehart, 1952. 461p.
7. Барбук А. Соотношение международного и внутригосударственного права: теоретические аспекты // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 1. С. 3–12.
8. The Effect of Treaties in Domestic Law / eds. F. Jacobs., S. Roberts. L.: Sweet & Maxwell, 1997. Vol. 7. 288 p.
9. Jancic D. Recasting monism and dualism in European parliamentary law: The Lisbon treaty in Britain and France. 2013. Режим доступа: http://eprints.lse.ac.uk/51484/1/Jancic_Recasting_monism_dualism_2013.pdf (дата обращения: 18.04.2018).
10. Ciongaru E. The Monistic and the Dualistic Theory in European Law // Acta Universitatis George Bacovia. Juridica. 2012. Vol. 1. Iss. 1. P. 212–231. Режим доступа: http://www.ugb.ro/Juridica/Issue1EN/10_Teoria_monista_si_dualista_in_dreptul_europeanCiongaruEN.pdf (дата обращения: 18.04.2018).
11. Толстых В. Л. Очерк современного состояния российской доктрины международного права // Международное экономическое право. 2016. № 2. С. 3–11.
12. Cannizzaro E. The neo-monism of the European legal order // Cannizzaro E., Palchetti P., Wessel R. A. (eds). International Law as Law of the European Union. Martinus Nijhoff Publishers, 2012. Режим доступа:

Необходимо согласиться с мнением профессора Р. А. Весселя о том, что споры о взаимосвязи между международным публичным правом и европейским правом переходят от системного к более содержательному подходу. Независимо от предпочтения в выборе классических либо из новых «альтернативных подходов» это, как пишет автор, здоровая фаза развития любых отношений [13].

Мы можем согласиться с мнением о том, что на сегодняшний день доминирующим становится дуалистический подход [2, с. 147], в том числе его вариации, с позиции взаимодействия как международного публичного права и внутригосударственного, так и международного и европейского публичного права.

В свою очередь, во взаимодействии европейского публичного права и национального права государств-членов реализуется умеренный монистический подход. В России данную концепцию с позиции интегративного понимания права успешно развивает научная школа профессора В. В. Ершова [23, с. 179].

Монистическая и дуалистическая теории проверены временем, но на современном этапе требуют реновации по причине изменений, вызванных мировой глобализацией, которые все больше сближают международное и национальное право, стирают между ними существовавшие ранее границы. Происходит конвергенция международного права в европейское публичное право и наоборот.

https://www.researchgate.net/publication/294559989_The_neo-monism_of_the_European_legal_order (дата обращения: 18.04.2018).

13. Wessel R. A. Reconsidering the relationship between international and EU law: towards a content-based approach? // *International law as law of the European Union* / eds. E. Cannizzaro, P. Palchetti, R. A. Wessel. Leiden / Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011. P. 7–33.

14. Pescatore P. Die Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs zur gemeinschaftlichen Wirkung völkerrechtlicher Abkommen, in *Festschrift für H. Mosler. Völkerrecht als Rechtsordnung, internationale Gerichtsbarkeit Menschenrechte*, Berlin, 1983. 680 p.

15. Dunne T. Good Citizen Europe // *International Affairs*. 2008. Vol. 84. No. 1. P. 13–28.

16. Timmermans C. The EU and Public International Law // *European Foreign Affairs Review*, 1999. P. 181–194.

17. Wouters J., Nollkaemper A., Wet E. de. The Europeanisation of International Law. The Status of International Law in the EU and its Member States. The Hague, 2008. 260 p.

18. Lavranos N. Legal Interaction Between decision of international organizations and European law. L., 2004. 227 p.

19. *Международное право. Общая часть* / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2011. 543 с.

20. Будылин С. В. Конвенция или Конституция? *Международное право и пределы государственного суверенитета* // *Закон*. 2013. № 12. С. 64–80.

21. Bogdandy A. von. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: on the relationship between international and domestic constitutional law // *International Journal of Constitutional Law*. 2008. Vol. 6. No. 3-4. P. 397–413.

22. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное понимание: новый подход // *Журнал российского права*. 2014. № 4. С. 143–147.

23. Ершов В. В. *Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений*. М.: РГУП, 2018. 628 с.

ALTERNATIVE DOCTRINES OF THE CORRELATION OF EUROPEAN PUBLIC LAW AND INTERNATIONAL LAW

Ekaterina Y. Marukhno^{a, @, ID}

^a *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 49, Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654006*

@ *katja-marukhno@yandex.ru*

^{ID} *http://www.researcherid.com/rid/Y-7517-2018*

Received 03.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: European legal order, European Court of Justice, integration, dualistic theory, monistic theory, theory of neo-monism

Abstract: The research contains a comprehensive study of doctrinal approaches to the correlation of international public and European public law, based on a multilevel, non-linear law. The paper features the role of positivism in the development of Public International law and European Public law and their modern versions, which were caused by globalization and European integration. The author reviews various domestic and foreign works in the field of European law. The study employs methods of systematic, comparative legal, and logical analysis. The author analyzes the theoretical basis for the specific ways and conditions of integration international law to European legal order. The author believes that the optimal theory of the correlation between international and European law should be based on the concept of integrative legal understanding. The research results can be used as a methodological basis for further studies of international and European law.

For citation: Marukhno E. Yu. Al'ternativnye doktriny sootnosheniia evropeiskogo publichnogo prava i mezhdunarodnogo prava [Alternatives Doctrines of the Correlation of European Public Law and International Law]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 76–83.

References

1. Marian B. The Dualist and Monist Theories. International Laws Comprehension of these theories. *Curentul Juridic (Serie novă)*. Available at: http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments_200712/recjurid071_22F.pdf (accessed 18.04.2018).
2. Marchenko M. N., Deriabina E. M. *Pravovaia sistema Evropeiskogo soiuzu* [Legal System of the European Union]. Moscow: Norma, Infra-M, 2012, 704.
3. Fuerea A. *Drept comunitar european. Partea generala*. Editura All Beck, Bucuresti, 2003, 312.
4. Berramdane A. *La hiérarchie des droits: droits internes et droits européen et international*. Editions L'Harmattan, 2002, 276.
5. Brownlie I. *Principles of public international law*. 7th ed. N.-Y.: Oxford University Press, 2008, 784.
6. Kelsen H. *Principles of International Law*. N-Y.: Publishing House Rinehart, 1952, 461.
7. Barbuk A. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava: teoreticheskie aspekty [Correlation of international and domestic law: theoretical aspects]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of international law and international relations*, no. 1 (2005): 3–12.
8. *The Effect of Treaties in Domestic Law*. Eds. F. Jacobs., S. Roberts. L.: Sweet & Maxwell, vol. 7 (1997): 288.
9. Jancic D. *Recasting monism and dualism in European parliamentary law: The Lisbon treaty in Britain and France*. 2013. Available at: http://eprints.lse.ac.uk/51484/1/Jancic_Recasting_monism_dualism_2013.pdf (accessed 18.04.2018).
10. Ciongaru E. The monistic and the dualistic theory in European law. *Acta Universitatis George Bacovia. Juridica*, 1, no 1 (2012): 212–231. Available at: http://www.ugb.ro/Juridica/Issue1EN/10_Teoria_monista_si_dualista_in_dreptul_europeanCiongaruEN.pdf (accessed 18.04.2018).
11. Tolstykh V. L. Ocherk sovremennogo sostoianiiia rossiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava [Essay on the current state of the Russian doctrine of international law]. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo = International Economic Law*, no. 2 (2016): 3–11.
12. Cannizzaro E. The neo-monism of the European legal order. Cannizzaro E., Palchetti P., Wessel R. A. (eds). *International Law as Law of the European Union*. Martinus Nijhoff Publishers, 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/294559989_The_neo-monism_of_the_European_legal_order (accessed 18.04.2018).
13. Wessel R. A. Reconsidering the relationship between international and EU law: towards a content-based approach? *International law as law of the European Union*. Eds. Cannizzaro E., Palchetti P., Wessel R. A. Leiden. Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011, 7–33.
14. Pescatore P. *Die Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs zur gemeinschaftlichen Wirkung völkerrechtlicher Abkommen, in Festschrift für H. Mosler. Völkerrecht als Rechtsordnung, internationale Gerichtsbarkeit Menschenrechte*. Berlin, 1983, 680.
15. Dunne T. Good Citizen Europe. *International Affairs*, 84, no. 1 (2008): 13–28.
16. Timmermans C. The EU and Public International Law. *European Foreign Affairs Review*, (1999): 181–194.
17. Wouters J., Nollkaemper A., Wet E. de. *The Europeanisation of International Law. The Status of International Law in the EU and its Member States*. The Hague, 2008. 260 p.
18. Lavranos N. *Legal Interaction Between decision of international organizations and European law*. L., 2004, 227.
19. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaia chast'* [International law. A common part]. Moscow: Statut, 2011, 543.
20. Budylin S. V. Konventsii ili Konstitutsiia? *Mezhdunarodnoe pravo i predely gosudarstvennogo suvereniteta* [Convention or Constitution? International Law and the Limits of State Sovereignty]. *Zakon = Law*, no. 12 (2013): 64–80.
21. Bogdandy A. von. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: on the relationship between international and domestic constitutional law. *International Journal of Constitutional Law*, 6, no. 3-4 (2008): 397–413.
22. Zaloilo M. V., Cherkashina-Shmidt O. V. Integrativnoe ponimanie: novyi podkhod [Integrative Understanding: New Approach]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 4 (2014): 143–147.
23. Ershov V. V. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: RGUP, 2018, 628.

УДК 347.921

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Диана Г. Попова^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ popdi@rambler.ru

Поступила в редакцию 26.06.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова:

гражданский процесс, адвокат, адвокатская монополия, квалифицированная юридическая помощь, бесплатная юридическая помощь

Аннотация: В статье рассматриваются Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и проекты нормативных правовых актов, положения которых направлены на упорядочение рынка юридических услуг, а также на закрепление профессионального судебного представительства в гражданском процессе. Анализируется роль адвоката в гражданском процессе. Освещаются отдельные аспекты участия адвоката в государственной системе бесплатной юридической помощи. Выделяется три основных подхода по вопросу о введении профессиональной юридической помощи в гражданском процессе. Каждый из подходов имеет свои достоинства и недостатки. По нашему мнению, в настоящее время требованиям *профессионализма* в наибольшей степени соответствуют адвокаты, а адвокатура имеет все возможности для объединения лиц, желающих оказывать профессиональную юридическую помощь под эгидой Федеральной палаты адвокатов. Введение адвокатской монополии на судебное представительство необходимо для распространения единых стандартов оказания профессиональной юридической помощи на все профессиональное сообщество юристов.

Для цитирования: Попова Д. Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84–91.

Введение

Право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной, т.е. финансируемой за счет средств соответствующего бюджета, является одной из важнейших гарантий соблюдения прав и свобод человека, закрепляемых в Конституции РФ. В уголовном процессе конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи традиционно реализовывалось посредством участия в нем адвоката. В гражданском процессе, а вслед за ним и в арбитражном процессе оказание профессиональной юридической помощи также было связано с институтом адвокатуры. К тому же в гражданском процессе корпус профессиональных представителей широко представлен лицами, хотя и имеющими высшее юридическое образование, но не получившими адвокатский статус.

Кроме того, действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) и Административно-процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) не предъявляют к судебному представителю требований о высшем юридическом образовании, стаже работы по юридической специальности, а значит, допу-

скают участие в процессе *непрофессиональных* судебных представителей. В условиях усложнения самого гражданского процесса данное обстоятельство не способствует реализации проводимой реформы судопроизводства и судоустройства.

Предпосылки введения профессионального судебного представительства

Юридическое сообщество уже не первый год выступает за введение *профессионального* судебного представительства. В настоящее время требованиям *профессионализма* в наибольшей степени соответствуют адвокаты, которые помимо высшего юридического образования и определенного стажа работы должны выдержать квалификационный экзамен, систематически повышать свой профессиональный уровень, соответствовать высоким стандартам осуществления адвокатской деятельности.

Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», определяя понятие *адвокат*, устанавливает, что это лицо, обладающее специальными знаниями в области права и практическим опытом ведения дел в суде, для которого защита

и оказание помощи в защите прав, свобод и интересов других лиц – профессиональное занятие. Таким образом, профессионализм адвоката, подтвердившего свои знания при сдаче соответствующего квалификационного экзамена и допущенного к осуществлению адвокатской деятельности, презюмируется законом.

Высокие требования, предъявляемые к адвокатам, а также жесткая дисциплинарная практика служат залогом профессионализма и добросовестности адвокатов, на что обращают внимание исследователи и представители адвокатского сообщества. Отсутствие же единого правового регулирования юридической деятельности адвокатов и частнопрактикующих юристов, напротив, справедливо рассматривается как серьезное упущение, существенным образом влияющее на качество оказываемой юридической помощи [1–3].

Вместе с тем безапелляционное отнесение к категории профессионального судебного представительства лишь деятельности, осуществляемой лицами, наделенными статусом адвоката, остается спорным¹ [4–9]. Мнения по данному вопросу разделились как среди исследователей, так и среди представителей юридической профессии.

Адвокатским сообществом лоббируется идея так называемой *адвокатской монополии*, под которой понимается исключительное право адвокатов осуществлять представительство в судах [10]. Как отмечает Президент Федеральной палаты адвокатов (ФПА) Ю. С. Пилипенко, *адвокатская монополия* характерна для большинства развитых стран. Россия в этом отношении занимает место среди таких государств, как Конго, Албания, Киргизия, в которых любой человек без юридического образования, в том числе с непогашенной судимостью и психически неадекватный, может быть представителем в суде [11].

Первыми попытками нормативного закрепления адвокатской монополии в цивилистическом процессе стали положения ст. 59 АПК РФ, которая ограничила перечень возможных представителей организации ее руководителем, штатными работ-

никами или адвокатами. Но уже в 2004 г. данная норма была признана неконституционной.

Еще одним шагом в заданном направлении можно считать положения ст. 50 ГПК РФ, впервые предусмотревшей обязательное участие в гражданском процессе *адвоката по назначению суда* в случаях, предусмотренных законом (защита интересов ответчика, место жительства которого не известно; защита интересов лица, в отношении которого решается вопрос о признании его недееспособным).

Однако в целом идея адвокатской монополии не была поддержана ни одним из концептуальных проектов внесения изменений в действующее законодательство.

В государственной программе РФ «Юстиция»² и в принятом в 2015 г. Кодексе административного судопроизводства РФ (КАС РФ) установлен курс на введение профессионального судебного представительства, не исключающего из названной сферы деятельности юристов, не имеющих адвокатского статуса. Последние проекты изменений в ГПК и АПК РФ, внесенные на рассмотрение Государственной Думы (проект ФЗ № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» 2017 г.³; проект ФЗ «О внесении изменений в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и отдельные законодательные акты РФ», утвержденный Постановлением Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 03.10.2017 № 30⁴), продолжают эту тенденцию.

После принятия проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи Минюста РФ⁵ стало окончательно ясно, что *адвокатской монополии* в ближайшее время в России действительно не будет, «по крайней мере в том виде, как ее представляло профессиональное сообщество» [12].

По утверждению замминистра юстиции Елены Борисенко, Минюст и ФПА никогда не имели в виду под термином *адвокатская монополия* перераспределение всего рынка юридических услуг в пользу существующей адвокатуры. Глава ФПА Юрий Пилипенко соглашается с таким видением ситуации, дополнительно отмечая отсутствие к этому

¹ Комиссаров А. Адвокатская монополия в РФ: все ли так позитивно, как планируют законодатели? // Гарант.ру. 10.02.2016. Режим доступа: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/694650/> (дата обращения: 29.04.2018); Минюст внесет закон о профессиональной юрпомощи, утвердив Концепцию регулирования юррынка // Право.ру. 09.01.2017. Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/137036/> (дата обращения: 29.04.2018).

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. от 23.04.2016) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2158.

³ Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты. Проект ФЗ № 273154-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ по состоянию на 27.09.2017). Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2018).

⁴ О внесении в ГД ФС РФ проекта ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Постановление Пленума ВС РФ от 03.10.2017 № 30. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71779870/> (дата обращения: 29.04.2018).

⁵ Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Проект Распоряжения Правительства РФ (по состоянию на 24.10.2017) (подготовлен Минюстом России). Режим доступа: <http://minjust.ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/konceptsiya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy> (дата обращения: 29.04.2018).

человеческих ресурсов. Адвокатура готова установить переходный период, в течение которого в нее будут приниматься все специалисты с высшим юридическим образованием. Только после этого, и то далеко не по всем категориям дел, возможно установление *адвокатской монополии* на судебное представительство [12].

Идея *адвокатской монополии* в наибольшей степени нашла свое отражение в Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, которая предусматривает, что профессионально оказывать юридические услуги смогут юристы, официально допущенные к данному виду деятельности по результатам сдачи экзамена и присвоения статуса адвоката. Концепция не исключает из названной сферы нотариусов, патентных поверенных, кандидатов и докторов юридических наук, некоммерческие организации, оказывающие бесплатную юридическую помощь, чиновников и служащих государственных муниципальных служб. Судебными представителями смогут быть не только адвокаты, но и юристы, работающие по трудовым договорам, законные представители. Исключения, содержащиеся в Концепции, не позволяют говорить об *адвокатской монополии* в строгом смысле. Однако реализация Концепции существенно ограничит правовые возможности лиц, не имеющих статуса адвоката, на оказание юридической помощи в суде.

Претворение в жизнь положений Концепции потребует увеличения числа действующих адвокатов. Концепция предусматривает меры, направленные на безболезненный упрощенный переход юристов в ряды адвокатского сообщества. ФПА и Адвокатскими палатами субъектов РФ уже предпринимаются меры, направленные на пополнение адвокатского корпуса, ведется подготовка к принятию в свои ряды представителей юридического сообщества в рамках процедуры, предусмотренной Концепцией.

Основные направления реформы

В целом сохраняется три основных подхода по вопросу о введении профессиональной юридической помощи в цивилистическом процессе, каждый из которых имеет свои плюсы и минусы:

I. Правозащитный. Наиболее либеральный, ориентированный на *переходный* период и допускающий участие наряду с профессиональными судебными

представителями суррогатного субъекта, именуемого *поверенный* (ранее был представлен проектом ФЗ, утвержденном Постановлением Пленума ВС РФ от 03.10.2017 № 30⁶).

Этому подходу корреспондирует также широко распространенное в правозащитных кругах суждение о том, что сам субъект материальных правоотношений:

1) не может и не должен быть полностью отстранен от личного участия в процессе, как это уже имеет место по отдельным категориям дел в административном судопроизводстве (КАС РФ);

2) не должен быть лишен права на поручение своего дела лицу, выбор которого основан на личном доверии, не связанном с наличием подтвержденного юридического образования. В этом случае реализуется такая цель судебного представительства, как замещение лица, который не может принять участие в процессе по объективным или субъективным причинам, посредством участия в нем судебного представителя;

3) не может в должной мере реализовать свое право на получение бесплатной юридической помощи ввиду несовершенства нормативно-правового регулирования и существования целого ряда проблем практического применения положений ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» и принятых в развитие указанного закона нормативно-правовых актов.

Очевидно, что именно данное направление набирает обороты, поскольку вышеуказанный Проект уже рассмотрен в Государственной Думе, с небольшими поправками принят и вскоре вступит в законную силу (Федеральный закон № 451-ФЗ)⁷. Закон предусматривает, что в судах общей юрисдикции представителями, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ в новой редакции).

II. Юридическая монополия (в общем виде представлен действующими положениями КАС РФ и проектом ФЗ № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»⁸).

⁶ О внесении в ГД ФС РФ проекта ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Постановление Пленума ВС РФ от 03.10.2017 № 30. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71779870/> (дата обращения: 29.04.2018).

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 28.11.2018 № 451-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/ (дата обращения: 29.11.2018).

⁸ Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты. Проект ФЗ № 273154-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ по состоянию на 27.09.2017). Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2018).

Основная идея заключается в отказе от непрофессионального судебного представительства, за исключением законного представительства. В более радикальном виде предусматривает полный запрет на обращение в суд и участие в судебном процессе лица, не имеющего высшего юридического образования. Поскольку такой подход способствует ограничению доступа граждан и организаций к правосудию, в том числе по причине необходимости несения серьезных материальных затрат на услуги профессионального представителя, он предполагает наличие отлаженной системы оказания бесплатной юридической помощи определенным категориям лиц и по определенным категориям дел.

В качестве весомых аргументов введения *юридической монополии* можно привести следующие:

1) профессиональное судебное представительство будет способствовать повышению качества защиты интересов обратившегося лица;

2) введение профессионального судебного представительства органично сочетается с проводимой реформой судостроительства и судопроизводства. Вместе это будет способствовать: во-первых, повышению качества и уменьшению сроков рассмотрения дел в суде, так, эффективное внедрение цифровых технологий, расширение сферы применения и широкое использование упрощенных (письменных) производств в цивилистическом и административном процессе требует участия в деле профессионального представителя; во-вторых, снижению нагрузки судов за счет уменьшения количества обращений по малозначительным или неосновательным спорам, а также спорам, имеющим внесудебную перспективу урегулирования и разрешения по существу (введение юридической монополии будет способствовать увеличению стоимости услуг профессионального представителя);

3) не будет иметь тех негативных последствий, которые возможны при введении *адвокатской монополии*.

В качестве минуса введения *юридической монополии* можно назвать отсутствие единых требований к профессиональной и практической подготовке профессиональных представителей: адвокатов, с одной стороны, и иных лиц, получивших юридическое образование и занимающихся на легальной или нелегальной основе частной практикой, работающих юрисконсультами и т. п., – с другой.

III. Адвокатская монополия. Предусматривает объединение лиц, желающих оказывать профессиональную юридическую помощь в судах, под эгидой ФПА, распространение на них единых образовательных и квалификационных требований, а также стандартов оказания юридической помощи, высокую степень дисциплинарной ответственности, вплоть до лишения статуса адвоката

и возможности заниматься соответствующей деятельностью в суде.

Весомые аргументы за введение *адвокатской монополии*:

1) повышение качества оказания юридической помощи в судах. Высокий профессионализм адвокатов обусловлен существованием жестких требований к профессиональной подготовке и переподготовке адвокатов, необходимостью соблюдения Кодекса профессиональной этики адвокатов, соответствующего международным стандартам и правилам адвокатской профессии и устанавливающего к лицам, избравшим адвокатскую профессию, высокие требования нравственно-этического характера;

2) уже существующая отлаженная система подготовки, приема и последующего повышения профессионального уровня адвокатов, применения к адвокатам мер дисциплинарной ответственности, включая прекращение статуса адвоката;

3) существование регулируемых на уровне ФПА и Адвокатских палат субъектов РФ тарифов (минимальных размеров вознаграждения, уплачиваемого адвокату за конкретные виды юридической помощи);

4) расширение состава лиц, участвующих в системе оказания бесплатной юридической помощи, а также по назначению суда. Адвокаты в отличие от большинства практикующих юристов принимают активное участие в государственной и негосударственной системе оказания бесплатной юридической помощи гражданам, несут нагрузку по оказанию правовой помощи *по назначению суда*.

Состоявшись институционально, адвокатура имеет все возможности для принятия новых членов и контроля за осуществлением ими профессиональной деятельности в суде.

В настоящее время решен вопрос о создании Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, которая станет «инструментом обобщения дисциплинарной практики адвокатских палат на федеральном уровне» [13], что позволит минимизировать имеющиеся расхождения между дисциплинарной практикой Советов адвокатских палат субъектов РФ.

Вместе с тем не только юридическое сообщество, но и многие представители адвокатского корпуса относятся к перспективе введения адвокатской монополии настороженно. Опасение вызывают следующие аспекты:

1. Риск утраты профессии

При введении полной *адвокатской монополии* на судебное представительство привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности с последующим прекращением статуса адвоката будет иметь самые тяжелые последствия. Названная форма осуществления профессиональной деятельности окажется для такого лица полностью недоступной.

Отсюда очевидно, что законодательная инициатива по введению такого субъекта, как *поверенный*, призвана в некоторой степени сгладить остроту заявленной проблемы. Но одновременно это свидетельствует о неготовности законодателя полностью отказаться от участия в процессе лиц, не имеющих соответствующей профессиональной подготовки или не отвечающих тем высоким требованиям, которые предъявляются к адвокатам как к судебным представителям.

Отсутствие статуса адвоката не будет препятствовать осуществлению лицом иных видов юридической деятельности, не связанных с судебным представительством, а также смежную деятельность. Например, работать в качестве юрисконсульта на предприятии, вести частную юридическую практику (устные и письменные консультации, сопровождение сделок, получение различного рода разрешительных документов, обращение с жалобами и заявлениями в несудебные органы, оказание помощи в подготовке документов, направляемых в суд и т. д.). Это может быть посредничество в урегулировании спора, представительство в третейском суде (арбитраже) и другие виды деятельности.

Однако, для настоящего профессионала, избравшего адвокатское поприще, которое немыслимо без участия этого лица в судебных разбирательствах в качестве защитника или судебного представителя, лишение адвокатского статуса означает крах карьеры. При этом исследователи указывают на высокий риск *административной расправы* с адвокатами и, как следствие, необоснованный запрет на профессию. Такие риски чрезвычайно высоки с учетом общей тенденции к увеличению случаев вынесения судами частных определений в отношении адвокатов; расширения полномочий федеральной регистрационной службы по оспариванию решений Советов адвокатских палат по вопросам о соответствии конкретного адвоката квалификационным требованиям [5].

2. Повышение адвокатских взносов

Известно, что зачастую юристы, участвующие в гражданских и арбитражных процессах, не желают вступать в адвокатское сообщество по причине существования адвокатских вступительных взносов, которые достигают внушительных размеров, а также ежемесячных взносов в ФПА и Адвокатскую палату соответствующего субъекта РФ. Помимо взносов, адвокат несет и другие расходы, необходимые для осуществления адвокатской деятельности. В целом размер ежемесячных платежей и расходов оценивается адвокатами как значительный. Нередким является наличие задолженности у адвокатов по указанным платежам в отчетном периоде.

Ожидается, что введение адвокатской монополии приведет к увеличению этих взносов, поскольку

наличие адвокатского статуса станет «входным билетом» в суды общей юрисдикции и арбитражные суды. Следствием увеличения адвокатских взносов, в свою очередь, станет повышение стоимости адвокатских услуг, что негативно отразится на реализации рядовыми гражданами своего права на обращение в суд.

Идея *юридической монополии* не многим лучше идеи введения *адвокатской монополии* в том смысле, что искусственное и преждевременное ее воплощение будет иметь те же негативные последствия. Отдельные юристы уже сейчас предлагают ввести безусловный запрет на использование нераскрытых доказательств, установить максимальное возмещение судебных расходов и прочие меры, направленные на ужесточение процесса, ожидая, что это приведет к вытеснению некомпетентных представителей из судов [9], оставляя при этом без внимания вопрос о том, как это отразится на доступности судебной защиты.

Право на квалифицированную юридическую помощь гарантируется Конституцией РФ. Одним из способов реализации в РФ права гражданина на получение квалифицированной юридической помощи в гражданском процессе является созданная в 2011 г. система бесплатной юридической помощи (БЮП). Прошедшие 7 лет применения положений ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» показали, что реализация данного закона в различных регионах проходит неодинаково эффективно. В тех субъектах РФ, где перечень граждан, имеющих право на получение БЮП, существенно расширен по сравнению с федеральным перечнем (Москва, Санкт-Петербург, Хабаровский край, Челябинская область и др.), государственная система оказания БЮП зачастую функционирует лучше, чем в субъектах, где указанный перечень минимален. Чем выше количество граждан, которым такая помощь может быть оказана за счет бюджетных средств, тем привлекательнее данное направление деятельности на рынке профессиональных юридических услуг. Узкий федеральный перечень граждан, имеющих право на получение БЮП, не способствует развитию государственной системы БЮП и вовлечению в нее адвокатов и профессиональных юристов.

Кемеровская область является *проблемным* регионом. Региональное законодательство незначительно расширило перечень граждан, имеющих право на получение БЮП, по сравнению с федеральным списком, что существенно не повлияло на фактическое количество обращений за такой помощью. Ввиду того что подобные обращения носят единичный характер, порядок взаимодействия между субъектами данной системы в полной мере не отлажен. Показательным является и тот факт, что число

адвокатов Кемеровской области, желающих принимать участие в государственной системе БЮП, с каждым годом снижается. Отчасти это объясняется не востребованностью данного вида юридической помощи, отчасти – спорным и громоздким механизмом оплаты вознаграждения за оказанную адвокатом бесплатную юридическую помощь. Вопреки установленному региональным законодательством порядку оплата труда адвокатов Кемеровской области, оказавших БЮП, производится не за счет бюджетных средств, а за счет специализированного фонда, средства которого формируются из адвокатских отчислений. Причиной такого положения вещей явилось отсутствие, а затем и несоответствие разработанного на уровне субъекта РФ механизма оплаты бесплатной юридической помощи из средств бюджета федеральному законодательству.

Можно утверждать, что в настоящее время ни граждане, являющиеся основными участниками и субъектами по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, ни само юридическое

сообщество еще не готовы к введению *адвокатской монополии*. Однако и те, и другие соглашались с необходимостью создания единых стандартов оказания профессиональной юридической помощи, которые должны распространяться на все профессиональное сообщество юристов.

Заключение

Законодателем определен правильный вектор реформы, результатом которой видится отказ от участия на рынке юридических услуг лиц, не отвечающих единым требованиям к профессиональной и практической подготовке и имеющих разное представление о нормах морали и этики. Для успешной реализации реформы требуется продолжить совершенствование нормативной базы по вопросу об оказании бесплатной юридической помощи в РФ, а также стремиться к созданию единых стандартов оказания профессиональной помощи в судах вне зависимости от наличия у лица, осуществляющего судебное представительство, статуса адвоката.

Литература

1. Власенко В. Н., Михалева А. Е. Правовой режим ответственности юристов в свете проекта концепции регулирования рынка юридической помощи // Адвокатская практика. 2017. № 3. С. 3–8.
2. Пилипенко Ю. С. Войдут в положение. Предлагается дать адвокатам исключительное право на защиту граждан в судах (интервью провел В. Куликов, 10.03.2015 «РГ») // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 2. С. 213–219.
3. Заборовский В. В. Меры дисциплинарной ответственности адвоката: сравнительно-правовой аспект // Адвокатская практика. 2015. № 3. С. 12–13.
4. Богомолов М. В. Особенности современной классификации правового института судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 1. С. 47–53.
5. Киминчижи Е. Нет предела совершенству // ЭЖ-Юрист. 2014. № 47. С. 3.
6. Ларченкова М. Монополия адвокатов. В поисках истины // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. С. 1, 3.
7. Роцин Д. Ю. Оптимизация института судебных расходов в гражданском процессе Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 2. С. 25–28.
8. Третьякова Д. Адвокатская Монополия: мифы и реальность (15.02.2018, Авант-Партнер) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2018. № 1. С. 324–329.
9. Чудиновская Н. А. Некоторые аспекты участия адвоката в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 16–21.
10. Мельниченко Р. Г. Необходима ли адвокатская монополия на рынке юридических услуг // Закон. 2008. № 4. С. 65–68.
11. Гриб В. Интервью с президентом Федеральной палаты адвокатов РФ доктором юридических наук Юрием Сергеевичем Пилипенко // Юридический мир. 2016. № 9. С. 6–11.
12. Берсенева Т. Вместо адвокатской монополии – адвокатская справедливость (01.04.2015 Правови) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 2. С. 256–260.
13. Савостьянова О. Н. Комиссия ФПА по этике и стандартам – грядущая новелла законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре: параллели истории // Адвокатская практика. 2017. № 1. С. 38–42.

PROFESSIONAL JUDICIAL REPRESENTATION: CURRENT SITUATION AND PROSPECTS

Diana G. Popova^{a, @}

^aKemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@popdi@rambler.ru

Received 26.06.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: civil procedure, lawyer, advocate monopoly, qualified legal assistance, pro bono legal assistance

Abstract: The present research deals with the provisions of the Russian Constitution, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, and draft normative and legal acts, whose norms are aimed at streamlining the legal services market, as well as consolidating professional judicial representation in the civil process. The paper features the role of the lawyer in the civil process and some aspects of pro bono legal assistance. The author identifies three main approaches to the issue of the introduction of professional legal assistance in the civil process. Each of the approaches has advantages and disadvantages. In the opinion of the author, the modern institute of lawyers meets all professionalism-related requirements. The Bar Association has all the possibilities for uniting those who want to provide professional legal assistance under the auspices of the Federal Chamber of Advocates. The introduction of advocate's monopoly is necessary for the uniform professional standards of legal support that would be the same for the whole professional community.

For citation: Popova D. G. Professional'noe sudebnoe predstavitel'stvo: sostoianie i perspektivy [Professional Judicial Representation: Current Situation and Prospects]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 84–91.

References

1. Vlasenko V. N., Mikhaleva A. E. Pravovoi rezhim otvetstvennosti iuristov v svete proekta kontseptsii regulirovaniia rynka iuridicheskoi pomoshchi [Legal regime of lawyer responsibility in the light of project of legal assistance market regulation concept]. *Advokatskaia praktika = Advocate practice*, no. 3 (2017): 3–8.
2. Pilipenko Iu. S. Voidut v polozhenie. Predlagaetsia dat' advokatam iskliuchitel'noe pravo na zashchitu grazhdan v sudakh (interv'iu provel V. Kulikov, 10.03.2015 "RG") [They will show understanding. It is proposed to give lawyers an exclusive right to represent citizens in courts (interview conducted by V. Kulikov)]. *Vestnik Federal'noi palaty advokatov RF = Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation*, no. 2 (2015): 213–219.
3. Zaborovskij V. V. Mery distsiplinarnoi otvetstvennosti advokata: sravnitel'no-pravovoi aspekt [Measures of disciplinary responsibility of a lawyer: comparative-law aspect]. *Advokatskaia praktika = Advocate practice*, no. 3 (2015): 12–13.
4. Bogomolov M. V. Osobennosti sovremennoj klassifikacii pravogo instituta sudebnogo (processual'nogo) predstavitel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom processe [Features of modern classification of the legal institution of legal (procedural) representation in civil and arbitral procedure of the Russian Federation]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby = Bulletin of the Volga Academy of Civil Service*, no. 1 (2014): 47–53.
5. Kiminchizhi E. Net predela sovershenstvu [There is no limit to perfection]. *EZh-Iurist = EL-Lawyer*, no. 47 (2014): 3.
6. Larchenkova M. Monopoliia advokatov. V poiskakh istiny [Monopoly of lawyers. In search of truth]. *EZh-Iurist = EL-Lawyer*, no. 19 (2016): 1, 3.
7. Roschin D. Yu. Optimizatsiya instituta sudebnykh raskhodov v grazhdanskom protsesse Rossiiskoi Federatsii [Optimization of legal costs institute in civil procedure in the Russian Federation]. *Administrator suda = Court Administrator*, no. 2 (2017): 25–28.
8. Tret'iakova D. Advokatskaia Monopoliia: mify i real'nost' (15.02.2018, Avant-Partner) [Monopoly of lawyers: myths and reality (02.15.2018, Avant-Partner)]. *Vestnik Federal'noi palaty advokatov RF = Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation*, no. 1 (2018): 324–329.
9. Chudinovskaia N. A. Nekotorye aspekty uchastiia advokata v arbitrazhnom protsesse [Some aspects of participation of the advocate in arbitral procedure]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*, no. 12 (2013): 16–21.

10. Mel'nichenko R. G. Neobkhodima li advokatskaia monopoliia na rynke iuridicheskikh uslug? [Is a lawyer's monopoly on the legal services market necessary?]. *Zakon = The Law*, no. 4 (2008): 65–68.
11. Grib V. Interv'iu s prezidentom Federal'noi palaty advokatov RF doktorom iuridicheskikh nauk Iuriem Sergeevichem Pilipenko [Interview with the President of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation Yuri Sergeevich Pilipenko, D.J.S.]. *Iuridicheskii mir = The legal world*, no. 9 (2016): 6–11.
12. Berseneva T. Vmesto advokatskoi monopolii – advokatskaia spravedlivost' (01.04.2015 Pravo-ru) [Instead of the monopoly of lawyers there will be the justice of lawyers (01.04.2015 Right-ru)]. *Vestnik Federal'noi palaty advokatov RF = Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation*, no. 2 (2015): 256–260.
13. Savostyanova O. N. Komissiiia FPA po etike i standartam – griadushchaia novella zakonodatel'stva ob advokatskoi deiatel'nosti i advokature: paralleli istorii [Commission of the Federal Chamber of Lawyers on ethics and standards – upcoming innovations in legislation on advocacy: historical parallels]. *Advokatskaia praktika = Advocate practice*, no. 1 (2017): 38–42.

УДК 343.953+343.985.2

УЧЁТ ОСОБЕННОСТЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА

Алексей В. Репин ^{a, @, ID}

^a Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Россия, Красноярск, ул. Маршала

К. Рокоссовского, 20

@ repinaleksey@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-0341-1553>

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова: насильственный преступник, тактика допроса, преодоление противодействия, психологическая защита, рефлексия, рефлексивное управление

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение психологических особенностей лиц, совершивших насильственные преступления (убийства и изнасилования). Показаны отличительные особенности насильственных преступников, а также особенности механизмов их психологической защиты, проявлявшиеся в ходе допросов в качестве подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования. Установлено, что среди видов психологической защиты, наиболее часто встречающихся у убийц, можно выделить вытеснение (а именно вытеснение реальности), проекцию, рационализацию и идентификацию с агрессором. Среди механизмов психологической защиты у насильников в большинстве случаев наиболее ярко проявляется рационализация. Рассмотрена возможность использования знаний об особенностях психологической защиты насильственных преступников для своевременной разработки тактики нейтрализации и преодоления противодействия в ходе допросов на основе рефлексивного управления. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования тактики допроса подозреваемых и обвиняемых по делам о насильственных преступлениях.

Для цитирования: Репин А. В. Учёт особенностей психологической защиты подозреваемых и обвиняемых, совершивших насильственные преступления, для осуществления рефлексивного управления при проведении допроса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 92–98.

Введение

Рефлексия, являясь основой прогнозирования поведения допрашиваемого, представляет собой процесс «самопознания субъектом своих психических состояний и состояний других людей (размышление за другого), процесс зеркального многократного взаимоотражения субъектов общения» [1, с. 434]. Эффективность рефлексивных рассуждений зависит от ранга рефлексирующих сторон (следователя и допрашиваемого), каждый из которых выступает по отношению друг к другу как самостоятельная саморегулирующаяся рефлексивная система. В свою очередь, ранг рефлексии напрямую зависит от степени осведомленности (информированности) общающихся.

Исходя из этого общего посыла, основной задачей следователя на подготовительном этапе предстоящего допроса является создание информационной базы, которая складывается из данных о предмете допроса и данных о личности допраши-

ваемого. Условно формирование информационной базы можно разделить на две стадии: до встречи следователя с допрашиваемым (создание мысленной модели предстоящего допроса) и после первоначального знакомства следователя с допрашиваемым (корректировка мысленной модели допроса).

Возможности использования данных о психологических особенностях личности в организации рефлексивного управления допросом

Рефлексия в общей психологии рассматривается с различных позиций. Во-первых, как процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний. Во-вторых, как процесс познания мыслительной деятельности и состояний других людей (размышления за другого). В-третьих, как процесс зеркального многократного взаимоотражения субъектов общения [2, с. 417–419]. В психологии общения рефлексия рассматривается как «управляемое осознание ситуации контакта на основе имитации

понимания ситуации собеседником и анализа собственного понимания» [3, с. 50]. Через рефлексию реализуются перцептивный и интерактивный аспекты общения, т.к. стороны общения вступают в предметно-рефлексивные отношения, т.е. «интерпретированную систему рефлексивных связей субъекта с другими людьми, основанную на способности к мысленному отражению позиции "другого" или его представлений об особенностях собственного видения предмета, объекта, проблемы» [4, с. 379], что, в свою очередь, способствует эффективной реализации коммуникативной стороны общения.

Значение рефлексии для следственной деятельности достаточно велико, поскольку за счет рефлексивных рассуждений значительно расширяются познавательные возможности следователя. Во-первых, рефлексия как метод, рассчитанный на эффект интеллектуальной инициативы, обладает рядом достоинств, а именно:

а) способствует построению, проверке и оценке информационной модели расследуемого события и составляющих ее криминальных ситуаций;

б) в значительной мере оптимизирует подготовку и планирование допроса;

в) является универсальным средством тактического прогнозирования возможностей возникновения тех или иных ситуаций допроса и разрешения, поведения участников допроса, собственного поведения следователя;

г) помогает диагностике, оценке, а при необходимости – разрешению конкретной ситуации допроса;

д) повышает эффективность принимаемых следователем решений;

е) позволяет разработать систему воздействия на отдельных участников допроса, являющихся источниками криминалистически значимой информации;

ж) выступает оптимальным средством оценки результатов допроса [5, с. 34].

Во-вторых, рефлексивный анализ предоставляет следователю возможность осуществления рефлексивного управления, т.е. возможность передачи оснований для принятия допрашиваемым объективно обоснованного и необходимого для достижения тактических задач решения [6, с. 88].

Однако, несмотря на бесспорное значение рефлексии для деятельности следователя, в криминалистике эта проблема изучена недостаточно, в следственной практике используется редко, «слишком элементарно, стихийно и явно не в полном объеме его возможностей, а поэтому и без должных результатов» [7, с. 200]. Для восполнения этого пробела необходимо решение ряда актуальных проблем, таких как:

– разработка методики анализа конфликтных ситуаций и принятия процессуальных и тактических решений;

– разработка средств и методов воздействия на конфликтную ситуацию с целью изменения ее в благоприятную для следствия сторону;

– разработка приемов и методов управляющих воздействий на «противника» с целью получения (применяя терминологию теории игр) наибольшего выигрыша следователем.

На сегодняшний день тактика допроса является одним из самых активно развивающихся направлений криминалистической тактики. Все большее распространение получает рассмотрение возможностей допроса с позиции теории моделирования [8, с. 236–276], прогнозирования и теории игр [9, с. 120–123], алгоритмизации [10].

Не остаются без внимания и психологические аспекты допроса. Экспериментальными исследованиями ученых установлены различия личностных особенностей законопослушных граждан и преступников [11, с. 120–121]. Кроме того, среди самих преступников также установлены определенные психологические особенности в зависимости от вида и характера совершенного ими преступления [12, с. 231–232].

В целях выявления психологических особенностей насильственных преступников нами проводилось изучение личных дел и тестирование 150 лиц, осужденных за убийство, и 52 человек, осужденных за изнасилование, содержащихся в ИК и СИЗО г. Красноярск. Исследование проводилось с использованием анкетного 16-факторного опросника Кеттелла. Анализ научной литературы, а также результаты собственного исследования позволяют создать обобщенный психологический портрет лиц, совершающих бытовые убийства, и лиц, совершающих изнасилования.

Так, в большинстве случаев убийцы – это люди с негативным содержанием ценностно-нормативной системы, с пренебрежением или безразличием относящиеся к личности и ее важнейшим благам. Они игнорируют социальные условности и авторитеты, рассматривают насилие как способ решения проблем. Их самооценка зачастую неадекватна, с тенденцией к завышению. При этом они реалистичны, практичны, достаточно уравновешенны и сдержанны, осторожны и рассудительны. Ориентируются в основном на внешнюю реальность, на наличную ситуацию. Интеллект в подавляющем большинстве случаев невысокий, с преобладанием конкретности и ригидности мышления. Для них также характерна тревожность, эмотивность, жестокость, неспособность к сопереживанию, агрессивность, черствость, циничность. Их эмоции малоподвижны, самоконтроль высокий. Стремятся к независимости,

подозрительны, мнительны, чувствительны в сфере личной чести.

Насильники, как и убийцы, как правило, люди с негативным содержанием ценностно-нормативной системы, что выражается в пренебрежительном отношении к личности женщины, ее половой свободе и неприкосновенности, а нередко и социально приемлемому взаимоотношению полов. Им присуще игнорирование социальных условностей и авторитетов, а насилие рассматривается либо как способ решения проблем, либо как средство достижения

или объясняющие мотивы и причины преступления обстоятельства; и в-третьих, как следствие, отношение к предъявленному обвинению (рис.).

Не останавливаясь на рассмотрении оправдательных или объясняющих мотивы и причины преступления обстоятельствах, а также вопросах отношения к предъявленному обвинению, рассмотрим подробнее особенности проявления механизмов психологической защиты у убийц и насильников в ходе их допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого.

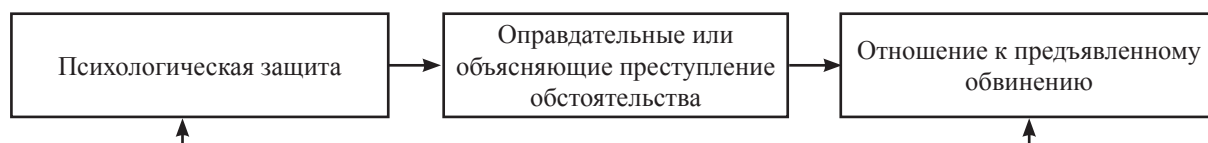

Рис. Процесс формирования позиции допрашиваемого
 Fig. Position of the interrogated: the forming process

целей. Самооценка насильников также неадекватна, однако, в отличие от самооценки убийц, она с тенденцией к занижению. Насильники имеют низкую толерантность к возникающим трудностям, могут быть рассеянными. Большинство насильников аутичны, замкнуты, ориентированы больше на свой внутренний мир, нежели на внешнюю реальность, имеют склонность уходить в себя. Интеллект, как правило, невысок, преобладает конкретность и ригидность мышления. Зачастую у насильников отмечается тревожность, эмотивность, жестокость, неспособность к сопереживанию, агрессивность, черствость, циничность. При этом они ранимы, впечатлительны, чувствительны к критике. Обладают хорошим самоконтролем, осторожны, рассудительны, сдержанны, пессимистичны. Кроме того, насильники импульсивны, робки, из-за чего нередко стремятся к самоутверждению, доминированию, независимости. Как и большинство других преступников, они эгоистичны и эгоцентричны, подозрительны и мнительны.

Рассмотренные особенности имеют немаловажное значение как для совершенствования методик по расследованию убийств и изнасилований, так и для совершенствования тактики отдельных следственных действий. В первую очередь это касается допроса подозреваемого и обвиняемого, т. к. личностные особенности допрашиваемого являются одним из элементов, обуславливающих возникновение той или иной ситуации допроса, а также оказывают воздействие на другие элементы, в том числе позицию допрашиваемого.

На наш взгляд, формирование той или иной позиции происходит при взаимодействии трех ее составляющих элементов. Во-первых, это проявление того или иного способа психологической защиты; во-вторых, связанные с этим приводимые оправдательные

Особенности психологической защиты насильственных преступников

Как известно, преступления против личности наиболее сильно влияют на психику лица, это преступление совершившего [13, с. 71]. Мышление и принятие решений происходят под воздействием защитной доминанты, повышающей уровень тревожности и сопровождаемой борьбой мотивов [14, с. 236–237]. В подобной ситуации с целью избавления от раскогласованности, амбивалентности чувств и устранения негативных психических состояний (тревога, страх и т. п.) у человека начинают реализовываться механизмы психологической защиты. Их протекание происходит на подсознательном уровне и их возникновение в стрессовой ситуации закономерно. Ученые отмечают, что психологическая защита – это не нормальный, а особый, необычный способ разрешения ситуации и психологической регуляции поведения, закономерно возникающий в ситуациях затруднения, в ситуациях некой невозможности. Она инициируется не любыми, а исключительными ситуациями, в качестве которых может выступать допрос подозреваемого или обвиняемого [15, с. 12]. Следовательно, распознавание и учет действия механизмов психологической защиты необходимы для их нейтрализации и осуществления управляющего воздействия.

В литературе существует множество определенных психологической защиты. Традиционно под психологической защитой понимают регулятивную систему личностной стабилизации, направленную на снижение уровня целедостижения в непреодолимо трудных условиях, механизм защиты от психотравмирующих воздействий. В качестве способов (видов) такой защиты выделяют подавление, вытеснение, рационализацию, проекцию, фантазирование и др. При этом она может быть двух типов:

интеллектуально-волевая или интеллектуально-эмоциональная [16, с. 79]. В связи с тем, что указанные типы и способы (виды) широко освещены в научной литературе, подробнее мы остановимся только на тех, которые чаще всего проявляются у убийц и насильников.

Среди видов психологической защиты, наиболее часто встречающихся у убийц, можно выделить вытеснение (а именно вытеснение реальности), проекцию, рационализацию и идентификацию с агрессором.

Вытеснение реальности заключается в том, что лицо, совершившее убийство, внутренне переживает содеянное, переживает очевидную возможность и неотвратимость наступления негативных последствий, в результате чего происходит возникновение когнитивного диссонанса (несоответствия двух знаний, представлений об одном объекте). Это проявляется в том, что, с одной стороны, убийца, внутренне осуждая в произошедшем не себя, а потерпевшего, считает себя правым. С другой стороны, он понимает, что совершил особо тяжкое преступление и лишил человека жизни, что вряд ли чем может быть оправдано. Эти переживания, постоянно воздействуя на его психику, приводят к тому, что вся хранящаяся в памяти и поступающая извне информация о преступлении воспринимается как тревожная, угрожающая, неприятная, болезненная, разрушающая представление о себе. Под действием механизмов психологической защиты с целью восстановления психологического равновесия эта информация вытесняется из сознания, и человек становится малочувствительным к ней.

Однако полностью отстраниться от этой информации не представляется возможным, т.к. лицу предстоит давать показания о совершенном преступлении. Продумывая их характер и объем, а также осознавая, что полное отрицание причастности к убийству зачастую просто бессмысленно, лицо в своих оправдательных обстоятельствах старается выглядеть более социально приемлемым, перекладывая вину на наступивших последствиях на потерпевшего. На этом фоне заметно действие механизма проекции. Убийца переносит наличие собственных отрицательных черт, таких как агрессивность, склонность решать возникающие проблемы исключительно путем применения насилия и т.п., на свое внешнее окружение. Возникающая в результате этого неадекватность восприятия окружающего мира порождает тревожность, мнительность, в связи с чем применение насилия в конкретной ситуации представляется вполне оправданным и необходимым. Эти же аргументы лежат в основе механизма рационализации. Среди убийц рационализация наиболее наглядно проявляется к окончательному допросу обвиняемого, когда приводимые в свое оправдание обстоятель-

ства уже не голословны, а согласуются по ключевым моментам с приводимыми в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого фактами, подтверждающими их доказательствами и подкрепляются объективно труднооспаримыми (с точки зрения виновного лица) аргументами (например, применение насилия к потерпевшему как единственно возможный способ в конкретной ситуации сохранить себе жизнь или здоровье, отстоять свою честь или достоинство). Однако при всей видимой стройности и обоснованности показаний, даваемых под действием механизма рационализации, следует помнить, что она всегда работает на сокрытие истинной мотивации поведения, и это следует учитывать при анализе показаний.

Наряду с этим, но значительно реже, отмечается такой способ психологической защиты, как идентификация с агрессором. На допросах этот вид защиты проявляется в том, что лицо иллюстрирует свои положительные качества (добропорядочный семьянин, сосед, либо хороший работник, что нередко подтверждается собранными данными, характеризующими его личность) и свое представление о личностных качествах убийц как таковых (особая жестокость, беспощадность, аморальность, цинизм, крайне пренебрежительное отношение к закону и т.д.). Демонстрируя в сравнениях контрастность между образом Я и образом убийцы, лицо пытается убедить следователя в том, что совершенное им убийство – это недоразумение, неблагоприятное стечение обстоятельств и что он по своим личностным качествам на убийство не способен. На наш взгляд, в подобной ситуации идентификация с агрессором (образом убийцы) выступает внешним проявлением и следствием механизма вытеснения.

Следует отметить, что рассмотренные виды психологической защиты в чистом виде фактически не встречаются. В подавляющем большинстве случаев можно говорить о сочетании тех или иных видов с преобладанием одного из них. Однако апеллирование в большей мере к эмоциональной составляющей обстоятельств, объясняющих причины и мотивы совершения преступления, преобладание эмоционального в показаниях над рациональным (логическим) позволяет сделать вывод, что большинство бытовых убийц прибегают к интеллектуально-эмоциональному типу психологической защиты [17, с. 8].

Среди механизмов психологической защиты у насильников в большинстве случаев наиболее ярко проявляется рационализация. Давая показания, насильники не считают, что сделали что-то плохое, совершили преступление. Стараясь выглядеть лучше (в том числе в собственных глазах), социально приемлемо, они находят всяческие оправдания своим действиям и обвиняют при этом самих потерпевших, их аморальное поведение, либо обстоятельства,

способствовавшие совершению преступления, как и убийцы. Нередко рациональное (с позиции насильника) обоснование своих действий согласуется с теми обстоятельствами, которые будут, безусловно, устанавливаться следствием (обстоятельства знакомства, встречи, совместного времяпрепровождения и т. п.). Будучи уверенными в том, что доказательства, изобличающих их в совершении изнасилования, за исключением показаний потерпевшей, у следователя нет, они освещают эти обстоятельства в выгодном для себя и порочащем потерпевшую свете. Показания насильников благодаря рационализации нередко выглядят вполне логичными и обоснованными, а приводимые аргументы – формально справедливыми.

Кроме того, как и у убийц, у насильников наряду с рационализацией заметно действие механизма идентификации. Они также демонстрируют свои положительные и социально одобряемые качества, показывая тем самым следователю разницу с обыденным образом преступника, и уверяют, что не способны на совершение насильственных преступлений [18, с. 193–194].

Таким образом, в отличие от убийц, большинству из которых присущ интеллектуально-эмоциональный тип психологической защиты, у насильников чаще проявляется интеллектуально-волевой (рациональный) тип, который характеризуется элементами логического, аналитического и оценочного плана.

Литература

1. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М.: Норма, 2005. 640 с.
2. Шигабетдинова Г. М. Феномен рефлексии: границы понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-1. С. 415–422.
3. Носков В. А. Психотехника общения. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2001. 120 с.
4. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 800 с.
5. Усманов У. А. Тактика допроса на предварительном следствии. М.: ПРИОР, 2001. 174 с.
6. Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса. М.: Юрлитинформ, 2001. 320 с.
7. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / под ред. О. Н. Коршуновой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 688 с.
8. Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 397 с.
9. Зорин Г. А. Использование криминалистических игр, инверсий, эффектов и тактических ловушек при расследовании, обвинении и защите по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2002. 360 с.
10. Алымов Д. В. Теоретические и практические аспекты использования тактико-криминалистических алгоритмов в расследовании преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2. С. 182–192.
11. Зиневич О. Я, Симбирева Я. А. Проблемы и основные аспекты изучения личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 3. С. 118–123.
12. Труш В. М. Особенности влияния механизмов психологической защиты на формирование криминальной зараженности преступников // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1-2. С. 229–237.

Заключение

1. Каждая категория преступников имеет свои специфические психологические особенности, что проявляется различным образом в процессе расследования, в том числе в механизмах психологической защиты у подозреваемых и обвиняемых на допросах.

2. Знание психологических особенностей тех или иных категорий преступников, а также присутствующих им и наиболее часто используемых механизмов психологической защиты позволяет: во-первых, распознавать типичные и специфические психические свойства, состояния и установки допрашиваемого в зависимости от вида преступления; во-вторых, прогнозировать наиболее вероятные способы противодействия, а следовательно, заранее подготавливать соответствующие меры по его предотвращению и преодолению; в-третьих, выбирать наиболее эффективные тактические приемы и комбинации для установления коммуникативного контакта и передачи управляющего воздействия, в том числе за счет рефлексивного управления.

3. Наличие специфических особенностей в механизмах психологической защиты у убийц и насильников диктует необходимость в аналогичных исследованиях и в отношении других категорий преступников (корыстных, корыстно-насильственных и т. д.), т. к. это значительно обогащает тактический потенциал следователя.

13. Китаев Н. Н. Посткриминальный суицид убийц как улика поведения // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: материалы науч.-практ. конф. (13–17 мая 1998 г.). Иркутск, 1998. С. 70–72.
14. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
15. Киришбаум Э. И., Еремеева А. И. Психологическая защита. 3-е изд. СПб.: Смысл, Питер, 2005. 86 с.
16. Полстовалов О. В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 152 с.
17. Ложкин А. И. Психология личности агрессивного-насильственного преступника (мотивационно-смысловой аспект): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 23 с.
18. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999. 464 с.

PSYCHOLOGICAL DEFENSE IN SUSPECTS AND DEFENDANTS CHARGED WITH A CRIME OF VIOLENCE: REFLEXIVE CONTROL DURING INTERROGATION

Alexey V. Repin ^a, @, ^{ID}

^a Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 20, Marshal K. Rokossovskiy St., Krasnoyarsk, Russia, 660131

@ repinaleksey@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-0341-1553>

Received 03.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: violent criminal, tactics of interrogation, overcoming of counteraction, psychological defense, reflection, reflexive control

Abstract: The empirical study featured the psychological characteristics of people who committed crimes of violence, namely murders and rapes. The paper describes the distinctive features of such criminals, as well as the peculiarities of the mechanisms of their psychological defense, which manifested themselves during interrogations as at the stage of preliminary investigation. Repression (displacement of reality), projection, rationalization, and identification with the aggressor were the most common mechanisms of psychological defense among killers. As for rapists, it was rationalization. The awareness about the features of the psychological defense used by violent criminals can help to develop the tactics of neutralization and overcome counteraction during interrogations on the basis of reflexive control. The research results can be used to improve the tactics of interrogation of suspects and defendants in cases of violent crimes.

For citation: Repin A. V. Uchet osobennosti psikhologicheskoi zashchity podozrevaemykh i obviniaemykh, sovershivshikh nasil'stvennye prestupleniia, dlia osushchestvleniia refleksiivnogo upravleniia pri provedenii doprosa [Psychological Defense in Suspects and Defendants Charged with a Crime of Violence: Reflexive Control during Interrogation]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 92–98.

References

1. Enikeev M. I. *Iuridicheskaiia psikhologiia. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii* [Legal psychology. With the basics of general and social psychology]. Moscow: Norma, 2005, 640.
2. Shigabedinova G. M. Fenomen refleksii: granitsy poniatiia [Phenomenon of reflection: the boundaries of the concept]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 2-1 (2014): 415–422.
3. Noskov V. A. *Psikhotekhnika obshcheniia* [Psychotechnics communication]. Moscow: IMTS GUK MVD Rossii, 2001, 120.
4. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Comp. Golovin S. Iu. Minsk: Kharvest; Moscow: AST, 2001, 808.
5. Usmanov U. A. *Taktika doprosa na predvaritel'nom sledstvii* [Tactics of interrogation at the preliminary investigation]. Moscow: PRIOR, 2001, 174.

6. Zorin G. A. *Rukovodstvo po taktike doprosa* [Interrogation Tactics Guide]. Moscow: Iurlitinform, 2001, 320.
7. *Rukovodstvo dlia gosudarstvennykh obvinitelei: kriminalisticheskii aspekt deiatel'nosti* [Guide for public prosecutors: forensic aspect of activity]. Ed. Korshunova O. N. Saint-Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2003, 688.
8. Obraztsov V. A. *Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologii raskrytiia prestuplenii* [Forensic science: models of tools and technologies for solving crimes: lectures]. Moscow: IMPE-PUBLISH, 2004, 397.
9. Zorin G. A. *Ispol'zovanie kriminalisticheskikh igr, inversii, effektov i takticheskikh lovushek pri rassledovanii, obvinenii i zashchite po ugovolnym delam* [Use of forensic games, inversions, effects, and tactical traps in the investigation, prosecution, and defense in criminal cases]. Moscow: Iurlitinform, 2002, 360.
10. Alymov D. V. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty ispol'zovaniia taktiko-kriminalisticheskikh algoritmov v rassledovanii prestuplenii* [Theoretical and practical aspects of using tactical and forensic algorithms in investigation of crimes]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Forensic library. Science Magazine*, no. 2 (2017): 182–192.
11. Zinevich O. Ia, Simbiryova Ia. A. *Problemy i osnovnye aspekty izucheniia lichnosti prestupnika* [Problems and aspects of studying criminal personality]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Jurisprudence*, 3, no. 3 (2017): 118–123.
12. Trush V. M. *Osobennosti vliianiia mekhanizmov psikhologicheskoi zashchity na formirovanie kriminogennoi zarazhennosti prestupnikov* [Features of the influence of psychological defense mechanisms on the formation of criminogenic infection of criminals]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 1-2 (2014): 229–237.
13. Kitaev N. N. *Postkriminal'nyi suitsid ubiits kak ulika povedeniia* [Post-criminal suicide of murderers as evidence of behavior]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy Vostochno-Sibirskogo regiona na poroge tret'ego tysiacheletia: materialy nauch.-prakt. konf. (13–17 maia 1998 g.)* [Socio-economic and legal problems of the East-Siberian region on the threshold of the third millennium: Proc. Sci.-Prac. Conf. (May 13–17, 1998)]. Irkutsk, 1998, 70–72.
14. Ratinov A. R. *Sudebnaia psikhologiya dlia sledovatelei* [Forensic psychology for investigators]. Moscow: Iurlitinform, 2001, 352.
15. Kirshbaum E. I., Ereemeeva A. I. *Psikhologicheskaiia zashchita* [Psychological protection]. Saint-Petersburg: Smysl, Piter, 2005, 86.
16. Polstovalov O. V. *Kriminalisticheskaiia konfliktologiya: sovremennye нравstvennye i psikhologicheskie problemy* [Forensic conflictology: modern moral and psychological problems]. Ufa: RIO BashGU, 2002, 152.
17. Lozhkin A. I. *Psikhologiya lichnosti agressivno-nasil'stvennogo prestupnika (motivatsionno-smyslovoi aspekt)*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [The psychology of the personality of an aggressively violent criminal (motivational and semantic aspect). Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2000, 23.
18. Antonian Iu. M., Tkachenko A. A., Shostakovich B. V. *Kriminal'naia seksologiya* [Criminal sexology]. Moscow: Spark, 1999, 464.

УДК 342.7

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ АКТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Оксана Ю. Трещева^{a, b, @}

^aМосковский финансово-промышленный университет «Синергия», 129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, 9/14, стр. 1

^bКемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@oksana.treshhyova.69@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова:

муниципальные правовые акты, муниципалитет, местное самоуправление, муниципальное образование, муниципальная власть, устав муниципального образования

Аннотация: В статье акцентировано внимание на проблемах правового регулирования рассмотрения и принятия органами местного самоуправления и их должностными лицами муниципальных актов, регулирующих осуществление, обеспечение и защиту прав и свобод человека. На основе проведенного правового анализа муниципальных актов, принятых муниципалитетом на примере муниципального образования «Сосновское сельское поселение» Новокузнецкого района Кемеровской области в части осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека на данной территории представлена их реализация на практике. Целью является исследование и выявление проблем правового регулирования осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека органами местного самоуправления и разработка предложений для их решения. При исследовании данной темы применялись такие методы, как метод системного анализа, структурно-функциональный и другие, а также ряд частно-научных методов: формально-юридический, юридического прогнозирования. Сделан вывод о необходимости внесения правовых изменений в действующее законодательство для осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека органами местного самоуправления в Российской Федерации. Предметом исследования является комплексное исследование системы муниципального правового регулирования осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека органами местного самоуправления, с разработкой предложений, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации в этой области.

Для цитирования: Трещева О. Ю. Муниципальные акты, регулирующие осуществление, обеспечение и защиту прав и свобод человека // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 99–103.

Введение

Сложившееся в России положение свидетельствует о том, что возникли очевидные противоречия между декларированными конституционными и муниципальными нормами и их политико-правовой и социально-экономической реализацией. В этой связи актуальны не только анализ системы конституционных прав и свобод человека на муниципальной территории, но и осуществление, обеспечение и защита прав и свобод человека органами местного самоуправления, поскольку существующая в стране реальность свидетельствует о том, что государство не всегда вовремя и на должном уровне выполняет нормы Конституции РФ по гарантированию, обеспечению и защите прав и свобод человека, в том числе и на муниципальном уровне. Так, Д. О. Сытник указывает в своей статье: «Обладая

характерной спецификой, отличающей их от других субъектов обеспечения прав и свобод человека, они, в конечном счете, преследуют единую цель – удовлетворение потребностей людей, проживающих на территории соответствующего муниципального образования, являясь при этом особым субъектом обеспечения прав и свобод человека» [1].

Конституционно-правовые основы муниципальных актов: понятие, виды, система и проблемы

Конституция РФ гласит, что местное самоуправление не входит ни в одну ветвь власти. Оно независимо и осуществляет свою деятельность на основе действующего законодательства. Представительный орган и (или) должностное лицо муниципалитета осуществляет права законодательной инициативы или, иными словами, принимает

муниципальные акты, которые не должны противоречить Конституции РФ, в том числе федеральному и региональному законодательству. Понятие муниципального правового акта было определено Федеральным законом (ФЗ) от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которое означает решение, установленное непосредственно населением данного муниципалитета по местным вопросам или принятое органом муниципального образования и (или) их должностным лицом, в том числе и по выполнению определённых государственных полномочий, переданных им федеральным и региональным законодательством, а также по иным вопросам, утвержденным уставом муниципалитета на основании закона¹.

Правовые акты муниципальных образований могут быть двух видов: нормативными и ненормативными (индивидуальными). Нормативный правовой акт представляет собой официальный документ в письменной форме, установленный в определенном порядке, в котором выражается волеизъявление избирателей, представительного органа муниципалитета или его должностного лица по урегулированию норм права. К ненормативным правовым актам можно отнести акты применения права или индивидуальные правовые акты. В состав ненормативных правовых актов могут входить определенные действия органов муниципалитета, должностных лиц, если на их основе появляются права и обязанности у сторон муниципальных правовых отношений.

Муниципальные правовые акты образуют систему. В. И. Васильев указал, что в систему правовых актов, определяющих местное самоуправление, входят муниципальные правовые акты. Это третий (после федерального и регионального) уровень правового регулирования данного института публичной власти [2]. В перечень муниципальных актов органов местного самоуправления входят уставы муниципалитетов, решения, установленные на местных референдумах и сходах граждан, и иные правовые акты. Принятие муниципальных правовых актов необходимо для выполнения задач местного уровня непосредственно населением муниципалитетов и (или) органами местного самоуправления, их должностными лицами. Для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ, также издаются муниципальные правовые акты. Они должны исполняться на всей территории соответствующего муниципального образования. С 2009 г. ведётся регистр муници-

пальных нормативных правовых актов субъекта РФ, в который включаются муниципальные нормативные правовые акты, а также решения, рассмотренные на местном референдуме (сходе граждан). В состав федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов входят регистры субъектов РФ.

Органы местного самоуправления принимают только регулятивные акты. Органы муниципальной власти не могут принимать акты, предусматривающие меры принуждения (ответственности). В системе муниципальных актов высшую ступень юридической силы занимают устав муниципального образования, а также решения, установленные на местном референдуме (сходе граждан), а иные акты, принятые муниципальной властью, не должны им противоречить. Проекты муниципальных правовых актов разрабатываются и вносятся депутатами муниципалитета, главой муниципального образования, иными выборными органами местного самоуправления или территориального общественного самоуправления, главой местной администрации, инициативными группами граждан, а также иными субъектами правотворческой инициативы, указанными в уставе каждого муниципалитета. Нормативным правовым актом органа местного самоуправления или должностного лица закрепляются правила внесения проектов муниципальных актов, перечень и форма прилагаемых к ним документов. Муниципальные правовые акты, касающиеся прав и свобод человека, после официального опубликования (обнародования) сразу вступают в законную силу. Устав муниципального образования определяет условия их опубликования (обнародования) для обеспечения гражданам возможности ознакомиться, за исключением только тех актов или их отдельных положений, имеющих сведения, распространение которых ограничено федеральным законодательством.

Группы статей в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ говорят о пересечении местного самоуправления с реализацией прав политического и социально-экономического характера. На основании ч. 2 ст. 32 Конституции РФ граждане обладают активным и пассивным избирательным правом и при проведении муниципальных выборов могут участвовать в референдуме, обращаться лично, а ст. 33 дает право направлять коллективные и индивидуальные обращения в муниципальные органы. Предусмотрена реализация социально-экономических прав на жилище, охрану здоровья и образование с помощью муниципальных учреждений здравоохранения и образования, на выдачу жилого помещения из муниципальных

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изменениями от 29.12.2014 № 454-ФЗ, № 456-ФЗ) // Российская газета. 2003. № 202.

жилищных фондов (ст. 40, 41, 43)². Н. С. Бондарь уточняет, что «природа конституционных прав свидетельствует о связях данного конституционного института с институтами муниципальной демократии, равно как и с организационно-правовыми структурами местного самоуправления» [3]. Он пишет о возможности выделения муниципальных прав и свобод человека и гражданина РФ и их муниципальных гарантий. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что одним из вариантов регулирования деятельности органов местного самоуправления в области осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека является нормативно-правовое регулирование.

Рассмотрим в качестве примера решения Совета народных депутатов МО «Сосновское сельское поселение» Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области в целях осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека. Совет народных депутатов МО «Сосновское сельское поселение» Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области принимает различные решения на основе Устава МО «Сосновское сельское поселение» в отношении вопросов местного значения, а также затрагивающие права и свободы человека и гражданина³.

Формы участия для возможности граждан на осуществление местного самоуправления – местный референдум, выборы, в том числе правотворческая инициатива граждан. Решением Совета народных депутатов МО «Сосновское сельское поселение» Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области от 29.03.2018 № 264 «Об утверждении Положения о порядке реализации правотворческой инициативы граждан в муниципальном образовании "Сосновское сельское поселение"» в соответствии с ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Уставом МО «Сосновское сельское поселение» в целях предоставления возможности реализовать право граждан на осуществление местного самоуправления в МО «Сосновское сельское поселение» Совет народных депутатов Сосновского

сельского поселения утвердил Положение о порядке реализации правотворческой инициативы граждан в муниципальном образовании «Сосновское сельское поселение»⁴.

В части принятых муниципальных актов в области осуществления обеспечения и защиты прав и свобод человека, а именно права на благоприятную окружающую среду, на охрану здоровья, на жилище в данном муниципальном образовании, и реализованных на практике органом местного самоуправления Сосновское сельское поселение выделим следующие: Устав МО «Сосновское сельское поселение», Правила землепользования и застройки МО «Сосновское сельское поселение», утвержденные решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения от 24.12.2015 № 130, которые дают право на создание инициативной группы в количестве не менее семи человек для непосредственного осуществления населением местного самоуправления и принятия участия в нём⁵.

Решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области от 25.07.2014 № 36 «О внесении изменений в Правила землепользования и застройки муниципального образования "Сосновское сельское поселение", утверждённые решением Сосновского сельского Совета народных депутатов от 30.09.2010 № 117» устанавливаются градостроительные регламенты производственной зоны (03): производственная зона предназначена для размещения предприятий I (СЗЗ – 1000 м), II (СЗЗ – 500 м), III (СЗЗ – 300 м), IV (100 м) и V (50 м) класса вредности в установленном законодательством порядке с соблюдением технических регламентов в области охраны окружающей среды СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов», с учетом результатов публичных слушаний⁶.

Решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993.

³ О введении в действие новой редакции санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов» (в последней редакции). Правила, утвержденные Главным государственным санитарным врачом РФ. (Зарегистрировано в Минюсте России 25.01.2008 № 10995) // Российская газета. 09.02.2008. № 28; Российская газета. 28.05.2014.

⁴ Об утверждении Положения о порядке реализации правотворческой инициативы граждан в муниципальном образовании «Сосновское сельское поселение». Решение Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области от 29.03.2018 № 264. Режим доступа: <http://sosnovskoe-nk.ru/dokumenty/resheniya-soveta-narodnyx-deputatov/baza-2018.html> (дата обращения: 10.04.2018) (дата обращения: 10.04.2018).

⁵ Правила землепользования и застройки МО «Сосновское сельское поселение», утвержденные Решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения от 24.12.2015 № 130. Режим доступа: <http://sosnovskoe-nk.ru/dokumenty/resheniya-soveta-narodnyx-deputatov/baza-2015.html> (дата обращения: 10.02.2018).

⁶ О внесении изменений в Правила землепользования и застройки МО «Сосновское сельское поселение», утверждённые решением Сосновского сельского Совета народных депутатов от 30.09.2010 г. № 117; Решение Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области от 25.07.2014 № 36. Режим доступа: <http://sosnovskoe-nk.ru/dokumenty/resheniya-soveta-narodnyx-deputatov/baza-2014.html> (дата обращения: 10.02.2018).

от 24.10.2016 № 169 «О внесении изменений в Правила землепользования и застройки муниципального образования "Сосновское сельское поселение", утверждённые решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения от 24.12.2015 № 130, СанПиНа 2.2.1/2.1.1.1200-03 "Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов"» устанавливаются нормы санитарно-защитной зоны⁷. В случае если класс вредности объекта I (СЗЗ – 1000 м), II (СЗЗ – 500 м), то объекты указанных видов использования относятся к условно разрешенным видам использования. Предприятия I (СЗЗ – 1000 м), II (СЗЗ – 500 м) классов вредности допускаются к размещению на территории муниципального образования вне населённых пунктов в установленном законодательством порядке с соблюдением технических регламентов в области охраны окружающей среды, а также при условии, что расстояние до жилой застройки позволяет разместить данные объекты с учетом размера санитарно-защитной зоны⁸.

На основании Распоряжения Администрации Новокузнецкого муниципального района № 986 от 05.05.2016 проведена предварительная экологическая оценка состояния территорий Новокузнецкого района в связи с засильем угольных разрезов почти на всей территории района. На основе её заключения уже происходит отрицательное воздействие на среду обитания населения, в том числе п. Гавриловка МО «Сосновское сельское поселение»⁹.

Муниципальная законодательная деятельность нуждается в усовершенствовании, необходима эффективная деятельность со стороны органов местного самоуправления в реализации исполнения муниципальных актов. Правовое регулирование муниципалитетов по осуществлению, обеспечению и защите прав и свобод человека на сегодня несовершенно. Как показывает практика, установка вопросов обеспечения безопасности (пожарная

безопасность, экологическая безопасность и др.) на основе прав и свобод человека в действующих муниципальных актах находится на низком уровне; отмечается отсутствие в них способов реализации даже наиболее удачных правовых норм в сфере осуществления, обеспечения, защиты прав и свобод человека [4].

Возможно, муниципальным органам власти необходимо обратиться к правовому опыту европейских стран для улучшения качества жизни населения на местном уровне. Нужно рассмотреть «Кодекс лучшей практики в сфере муниципального управления», применяемый в зарубежных государствах. В той или иной форме данный Кодекс существует во всех странах. Данный Кодекс основывает правила и процедуры организации и управления во всех вопросах муниципальных проблем. Его можно причислить к ненормативному правовому акту, который устанавливает правила, необходимые для решения задач местного значения на всей территории муниципалитета. Эти правила помогут в осуществлении прав и свобод человека органами местного самоуправления.

Заключение

Согласно Конституции РФ муниципальная власть независима и имеет право создавать свою нормативную правовую систему для решения вопросов местного значения. На муниципальном уровне должны осуществляться и обеспечиваться права и свободы человека, предусмотренные конституционными нормами. На уровне федерального законодательства необходимо предусмотреть право муниципалитетов на издание муниципальных нормативных актов с указанием ответственности в случае их не исполнения, т. к. многие муниципальные акты просто не исполняются. Конституция РФ не предусматривает структуру муниципального правового акта, она дает право на его существование.

Литература

1. Сытников Д. О. Особенности органов местного самоуправления как субъекта обеспечения прав и свобод человека // Правозащитник. 2014. № 4. С. 20.
2. Васильев В. И. Муниципальное право России. 2 изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. 680 с.
3. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 416 с.
4. Александров И. М. Бюджетная система Российской Федерации. М.: Дашков и К, 2010. 444 с.

⁷ Устав МО «Сосновское сельское поселение», принятый Решением Совета народных депутатов Сосновское сельского поселения от 25.02.2016 № 141. Режим доступа: <http://sosnovskoe-nk.ru/dokumenty/resheniya-soveta-narodnyx-deputatov/baza-2016.html> (дата обращения: 10.11.2017).

⁸ О внесении изменений в Правила землепользования и застройки МО «Сосновское сельское поселение», утверждённые решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения от 24.12.2015 № 130. Решение Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области от 24.10.2016 № 169. Режим доступа: <http://sosnovskoe-nk.ru/dokumenty/resheniya-soveta-narodnyx-deputatov/baza-2016.html> (дата обращения: 10.02.2018).

⁹ Распоряжение Администрации Новокузнецкого муниципального района от 05.05.2016 № 986. Режим доступа: <http://admnr.ru/ispolnitelnayavlast/normatbaza/normativnaya-baza-za-2016.html> (дата обращения: 10.02.2018).

MUNICIPAL ACTS GOVERNING THE IMPLEMENTATION, ENFORCEMENT AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

O.Yu. Trescheva^{a, b, @}

^a *Moscow Financial and Industrial University "Synergy", buil. 1, 9/14, Meshchanskaya St., Moscow, Russia, 129090*

^b *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

[@] *oksana.treshhyova.69@mail.ru*

Received 14.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: municipal legal acts, municipality, local self-government, municipality, municipal authority, charter of the municipality

Abstract: The research focuses on the problems of legal regulation of the consideration and adoption by municipalities and officials of municipal acts that regulate the implementation, maintenance, and protection of human rights and freedoms. The paper features a legal analysis of municipal acts adopted by the municipality of the Sosnovskoye rural settlement (Novokuznetsk district of the Kemerovo Region). The author investigates and identifies the problems of the legal regulation of the implementation, provision, and protection of human rights and freedoms by local governments and the development of proposals for their solution. The methods included system and structural-functional analyses, as well as a number of specific scientific methods (formal legal, legal forecasting, etc.). The author believes that the current legislation has to undergo some legal changes in the sphere of the implementation, maintenance, and protection of human rights and freedoms by local governments. The research offers a comprehensive study of the system of municipal legal regulation of the implementation, provision and protection of human rights and freedoms by local governments, with the development of proposals aimed at improving the legislation of the Russian Federation.

For citation: Trescheva O. Yu. Munitsipal'nye akty, reguliruiushchie osushchestvlenie, obespechenie i zashchitu prav i svobod cheloveka [Municipal Acts Governing the Implementation, Enforcement, and Protection of Human Rights and Freedoms]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 99–103.

References

1. Sytnikov D. O. Osobennosti organov mestnogo samoupravleniia kak sub"ekta obespecheniia prav i svobod cheloveka [Features of the local self-administration bodies as the subject of ensuring human rights and freedoms]. *Pravozashchitnik = Rights Defender*, no. 4 (2014): 20.
2. Vasil'ev V. I. *Munitsipal'noe pravo Rossii* [Municipal Law of Russia]. Moscow: Iustitsinform, 2012, 680.
3. Bondar' N. S. *Munitsipal'noe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Municipal law of the Russian Federation]. Moscow: Iurait, 2016, 416.
4. Aleksandrov I. M. *Biudzhethnaia sistema Rossiiskoi Federatsii* [Budgetary system of the Russian Federation]. Moscow: Dashkov i K, 2010, 444.

УДК 34.096

О ВЛИЯНИИ ЗАКОННОСТИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Елена Г. Чернова^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ helen_black2008@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-8992-8398>

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, сотрудник полиции, правовое положение, позитивная юридическая ответственность

Аннотация: В условиях реформирования правоохранительных органов и реализации нового законодательства в сфере внутренних дел требуется исследование соотношения юридической ответственности, законности и правового статуса должностных лиц органов внутренних дел. Рассматривая юридическую ответственность сотрудника органов внутренних дел как важнейший элемент его правового статуса, обусловленного спецификой службы, особым характером служебных отношений и выполняемых задач и функций, мы выделяем некоторые особенности привлечения данных должностных лиц к различным видам ответственности. Делается вывод о том, что активная реализация законодательного права на предъявление Министерством внутренних дел России регрессных исков к виновным сотрудникам приводит к их бездействию, нежеланию выполнять служебные обязанности и продолжать службу в органах внутренних дел. Обращается внимание, что значительное влияние на формирование правового статуса сотрудника органов внутренних дел и предупредительное воздействие на его ответственность оказывает законность, которая определяет правомерность его индивидуального поведения. На основе проведенного исследования мы предлагаем собственное определение правового статуса сотрудника органов внутренних дел.

Для цитирования: Чернова Е. Г. О влиянии законности и юридической ответственности на формирование правового статуса должностных лиц органов внутренних дел // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 104–109.

Введение

Вопросы правового статуса имеют важное значение для общетеоретических и отраслевых юридических наук, что обусловлено происходящими процессами демократизации и гуманизации современного государства [1]. Ученые рассматривают правовой статус как одну из особых категорий, напрямую связанных со структурой общества, уровнем демократии и состоянием законности [2, с. 91].

В литературе понятие *правового статуса* нередко отождествляется с *правовым положением* [3] либо разграничивается от него [4, с. 113; 5, с. 8; 6]. Н. В. Витрук рассматривает правовое положение как широкую категорию, включающую в качестве элементов юридические права, обязанности и законные интересы личности, которые образуют в единстве ее правовой статус. Необходимыми предпосылками правового статуса личности выступают также гражданство, правосубъектность и юридические гарантии, т. е. ядром правового положения личности является правовой статус [7, с. 8].

Мы согласны с данным мнением, но поскольку статус и есть положение, данные понятия должны использоваться как взаимозаменяемые. Примером могут служить и нормативные правовые акты, в которых понятия *правовой статус* и *правовое положение* используются обычно как синонимы. Например, гл. 3 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» называется «Правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел».

Анализ правового статуса должностных лиц органов внутренних дел

Проводимое в России реформирование правоохранительных органов, формирование и реализация нового законодательства в сфере внутренних дел свидетельствуют о необходимости изучения взаимосвязи юридической ответственности, законности и правового статуса сотрудника органов внутренних дел.

На корреляцию ответственности и правового статуса указывали многие авторы. По мнению Н. И. Матузова, прочность и стабильность правового статуса граждан достигается закреплением необходимых прав и свобод, конкретных юридических обязанностей и ответственности. В отсутствие этих категорий правовое положение любого человека представляется юридически нестабильным [8, с. 66]. В. А. Кучинский предлагает включить в качестве элемента структуры юридического статуса юридическую ответственность [4, с. 115]. Противоположную точку зрения высказывает Е. А. Лукашева, которая считает, что юридическая ответственность вторична (является производной от обязанностей), а потому включению в структуру правового статуса не подлежит [9, с. 30]. По мнению Б. Б. Тишавина, правовой статус в широком смысле состоит из основания (норма права, правосубъектность, гражданство), содержания (права, обязанности и юридическая ответственность) и формы реализации (правоотношения) [1].

Применительно к сотрудникам органов внутренних дел (полиции) ст. 15 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и ст. 33 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», регламентирующие ответственность сотрудников, входят соответственно в главы «Правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел», «Правовое положение сотрудника полиции», что свидетельствует о важном значении ответственности как элементе структуры правового статуса данной категории должностных лиц.

Оценка правового статуса сотрудника органов внутренних дел невозможна без понимания его как государственного служащего. В науке сложились различные подходы к правовому статусу государственных служащих. По мнению Ю. Н. Старилова, он составляет центральный компонент правового института государственной службы, все остальные составляющие направлены на ее «обслуживание» [10, с. 319]. Большинство ученых рассматривают правовой статус государственного служащего как совокупность закрепленных законодательством обязанностей и прав (ограничений и запретов, связанных с государственной службой, мер поощрения и ответственности, гарантий) [11; 12, с. 62; 13, с. 27; 14, с. 113; 15], которыми он обладает в связи с осуществлением служебной деятельности [16, с. 37].

Схожим образом в научной литературе определяются и элементы правового статуса сотрудника органов внутренних дел. В гл. 3 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и гл. 6 ФЗ от 07.11.2011 № 3-ФЗ «О полиции» установлены следующие компоненты правового статуса сотрудников органов внутрен-

них дел (полиции): права, обязанности, ограничения, запреты и требования к служебному поведению, ответственность, гарантии правовой защиты. К атрибутам правового статуса относятся форменная одежда, служебное удостоверение, специальный жетон с личным номером и др. [17, с. 5].

Многие исследователи отмечают, что специфика правового статуса сотрудника органов внутренних дел наряду с правами и обязанностями требует введения в него других составляющих [18, с. 600]. Так, запреты, гарантии и ответственность в большей степени отражают специфический характер их служебной деятельности [12; 17; 19, с. 115; 20, с. 22].

Обобщая вышеуказанные мнения и исходя из нормативного закрепления правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел (полиции), мы полагаем, что этот статус включает в себя совокупность прав, обязанностей, которые реализуются в ответственности (в ее позитивном и негативном аспектах) как составляющей правового статуса. Правовой статус сотрудника органов внутренних дел представляет собой юридически закрепленное его положение в обществе, характеризует его взаимоотношения с государством [17, с. 2].

Статус сотрудника возникает при приеме на службу с момента нормативной фиксации служебных отношений гражданина и органа внутренних дел в форме заключения контракта и издания приказа о назначении на должность. Именно с этого момента гражданин становится сотрудником, у него появляются права представителя государственной власти, необходимость выполнения служебных обязанностей, что напрямую закреплено ч. 1 ст. 30 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», а также возможность применения к нему юридической ответственности.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения В. В. Митрохина о сложной конструкции административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел как федерального государственного служащего [18, с. 599]. По мнению А. К. Дубровина, наделение сотрудников органов внутренних дел специальными правами и обязанностями, перечень которых определен спецификой деятельности органов внутренних дел, позволяет утверждать о наличии специального правового статуса [12, с. 62].

Данная позиция подтверждается неоднократными разъяснениями Конституционного Суда РФ, относящими службу в органах внутренних дел к особому виду федеральной государственной службы, реализующей публичные интересы и предопределяющей наличие у сотрудников специального правового статуса, устанавливая для них определенные ограничения по реализации гражданских прав и свобод, а также особые обязанности, обусловленные задачами,

принципами организации и функционирования органов внутренних дел¹.

Таким образом, сотрудник органов внутренних дел наделен особым государственно-правовым статусом, что обязывает его разграничивать в процессе выполнения возложенных на него служебных обязанностей личный и государственный интересы [21, с. 78].

Значительное влияние на формирование правового статуса сотрудника органов внутренних дел и предупредительное воздействие на его ответственность оказывает законность, которая определяет правомерность его индивидуального поведения и законности как социального явления. Представляется оправданным законодательное закрепление законности как принципа деятельности полиции (ст. 6 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»), поскольку сотрудники органов внутренних дел обеспечивают защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охрану общественного порядка и общественной безопасности.

Наиболее тесным образом законность связана с позитивной юридической ответственностью, направленной на реализацию правомерного поведения субъектами правоотношений, соблюдению ими закона и иных норм права, внутреннему согласию с ними, что в конечном итоге обеспечивает законность в обществе и государстве, способствует укреплению правопорядка, охране прав и законных интересов личности [22, с. 71]. По нашему мнению, в правовом статусе сотрудника органов внутренних дел определяющая роль принадлежит позитивной юридической ответственности, которая определяет законность его поведения.

В случае нарушения сотрудниками законности наступает негативная (ретроспективная) ответственность. Так, сотрудники органов внутренних дел привлекаются к юридической ответственности, установленной для граждан РФ, на общих основаниях, но с учетом особенностей своего правового статуса, отличного от правового положения работников, государственных служащих и военнослужащих, что свидетельствует об их повышенной ответственности [23, с. 75].

Как и другие государственные служащие, сотрудники органов внутренних дел несут уголовную, административную, гражданско-правовую, материальную и дисциплинарную ответственность. Однако они не несут ответственность в случае правомерного применения мер принуждения. Вместе с тем отягчает уголовное наказание совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Анализ законодательства в сфере органов внутренних дел свидетельствует, что за ущерб, причиненный не при исполнении служебных обязанностей, сотрудники несут ответственность по правилам гражданского законодательства [24]. Однако, если вред причинен сотрудником органов внутренних дел в связи с выполнением служебных обязанностей, то возмещает его государство, которое потом вправе взыскать с виновного полностью или частично денежную сумму, выплаченную потерпевшему [22, с. 115].

Согласно ч. 5 ст. 15 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», ч. 3 ст. 33 ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» вред, причиненный противоправными действиями (бездействием) сотрудника при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном ст. 1069, 1070 Гражданского кодекса РФ. В случае возмещения Российской Федерацией такого вреда орган внутренних дел имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в полном размере.

По данным МВД России в 2017 г. к органам, организациям и подразделениям системы МВД России предъявлено 10307 исков об оспаривании действий (бездействия) органов внутренних дел на сумму более 36,5 млрд руб., из них удовлетворено судом 3818 исков на сумму 161 млн руб. К органам внутренних дел Кемеровской области в 2017 г. предъявлено 167 таких исков на сумму 57 млн 825 тыс. руб., удовлетворено 55 исков на сумму 1,818 млн руб.

По мере направления Министерством финансов РФ платежных поручений о выплате гражданам взысканных судом сумм органами внутренних дел осуществляется предъявление регрессных исков к виновным должностным лицам. В 2017 г. только в Кемеровской области судами рассмотрено 7 исков на сумму 396 тыс. руб. 12 сотрудников произвели оплату на 295 тыс. руб. в досудебном порядке.

Несмотря на то, что предусмотренная законодателем норма о возможности предъявления регрессных исков к сотрудникам непосредственно органами внутренних дел (от имени Российской Федерации) направлена, прежде всего, на наиболее эффективное использование принципа неотвратимости наказания, на практике привлечение сотрудников к гражданско-правовой ответственности приводит не к сокращению допускаемых ими незаконных действий (бездействий) по отношению к гражданам, а к бездействию, апатии, нежеланию выполнять служебные обязанности и продолжать службу в органах внутренних дел.

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета РФ, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба). Утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017.

При этом возникает ситуация, когда на сотрудника налагается двойное наказание: привлечение к дисциплинарной ответственности за нарушение служебной дисциплины, выразившееся в нарушении прав граждан, и в последствии несение гражданско-правовой ответственности по регрессным требованиям.

Заключение

Таким образом, юридическая ответственность сотрудника органов внутренних дел как важнейший элемент его правового статуса обусловлена спецификой службы, определяется особым характером служебных отношений (субординация, служебная

дисциплина) и выполняемых задач и функций. Значительное влияние на формирование правового статуса сотрудника органов внутренних дел и предупредительное воздействие на его ответственность оказывает законность, которая определяет правомерность его индивидуального поведения.

На основе вышеперечисленных особенностей предлагается следующее определение *правового статуса сотрудников органов внутренних дел* – совокупность прав, свобод и обязанностей, которые реализуются в ответственности (в ее позитивном и негативном аспектах), предупредительное воздействие на которую оказывает законность.

Литература

1. Тишаев Б. Б. К вопросу о понятии правового статуса индивида // История государства и права. 2008. № 16. С. 6–9.
2. Лукашева Е. А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма-Инфра-М, 2000. С. 91–105.
3. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М.: Норма, 1997. 304 с.
4. Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М.: Юрид. лит., 1978. 208 с.
5. Ромашов Р. А. Некоторые проблемные аспекты понимания правосубъектности индивидуального и коллективного лица // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: материалы VIII Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2007 г.) СПб., 2007. Ч. 1. С. 3–11.
6. Якимов А. Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 5–10.
7. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
8. Матузов Н. И. Правовой статус личности: понятие и структура // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 58–67.
9. Общая теория прав человека / рук. авт. кол. и отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 1996. 509 с.
10. Стариллов Ю. Н. Служебное право. М.: БЕК, 1996. 698 с.
11. Василенко А. И. Права государственных служащих как основа их правового статуса по российскому законодательству // Юридический мир. 2009. № 1. С. 32–36.
12. Дубровин А. К. Правовой статус сотрудника полиции: теоретико-правовой аспект // Российская юстиция. 2011. № 12. С. 61–63.
13. Козбаненко В. А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 50 с.
14. Овсянко Д. М. Государственная служба Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 287 с.
15. Сурманидзе И. Н. Аспекты административно-правового статуса государственных гражданских служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 3. С. 2–5.
16. Новоселова Н. В. Обязанности и права государственного служащего: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 197 с.
17. Булавин С. П., Черников В. В. Правовой статус сотрудника полиции // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 2–11.
18. Митрохин В. В. Административно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел как федерального государственного служащего и проблемы его реализации // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 594–602.
19. Абызова Е. Р. Правовой статус сотрудника органов внутренних дел (общетеоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 212 с.
20. Охотский Е. В. Правовой статус государственного служащего Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 9. С. 17–26.
21. Казаченкова О. В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 78–83.
22. Чернова Е. Г. Законность и юридическая ответственность: соотношение понятий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 219 с.

23. Обеспечение законности в деятельности органов внутренних дел / под ред. В. В. Лазарева, В. С. Афанасьева, Н. Л. Гранат. М.: Юрист, 1993. 157 с.

24. Бутылин В. Н. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел как средство обеспечения прав человека в их деятельности // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел по материалам московского (1991 г.) совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ: материалы науч.-практ. конф. М.: Академия МВД РФ, 1994. С. 75–76.

THE INFLUENCE OF LEGALITY AND LEGAL RESPONSIBILITY ON THE FORMATION OF THE LEGAL STATUS OF OFFICIALS OF INTERNAL AFFAIRS

Elena G. Chernova^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ helen_black2008@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-8992-8398>

Received 03.05.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: civil liability, police officer, legal status, positive legal responsibility

Abstract: The paper features the conditions for the reforming of law enforcement bodies and implementation of the new legislation in the sphere of Internal Affairs. The reforms need a correlation of legal responsibility, legality, and legal status of officials of Internal Affairs. The authors examine the legal liability of Internal Affairs officials as a key element of their legal status, work specifics, and the special nature of official relationships. The author identifies some features of bringing these officials to the various types of liability and concludes that the active implementation of the legislative right to bring recourse actions against Ministry employees leads to their inaction and unwillingness to perform official duties and continue serving in the Internal Affairs. The legitimacy determines the legality of the individual behavior of the officials. It has a significant influence on the formation of the legal status of an employee of the Internal Affairs and exerts a preventive effect on their responsibility. The author offers her own definition of the legal status of the employee of the Internal Affairs.

For citation: Chernova E. G. O vliianii zakonnosti i iuridicheskoi otvetstvennosti na formirovanie pravovogo statusa dolzhnostnykh lits organov vnutrennikh del [The Influence of Legality and Legal Responsibility on the Formation of the Legal Status of Officials of Internal Affairs]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 104–109.

References

1. Tishaev B. B. K voprosu o poniatii pravovogo statusa individa [On the concept of the legal status of the individual]. *Istoriia gosudarstva i prava = History of State and Law*, no. 16 (2008): 6–9.
2. Lukasheva E. A. Pravovoi status cheloveka i grazhdanina [The legal status of a person and a citizen]. *Prava cheloveka* [Human Rights]. Ed. Lukasheva E. A. Moscow: Norma-Infra-M, 2000, 91–105.
3. Voevodin L. D. *Iuridicheskii status lichnosti v Rossii* [The legal status of the individual in Russia]. Moscow: Norma, 1997, 304.
4. Kuchinskii V. A. *Lichnost', svoboda, pravo* [Personality, freedom, right]. Moscow: Iurid. lit., 1978, 208.
5. Romashov R. A. Nekotorye problemnye aspekty ponimaniia pravosub"ektnosti individual'nogo i kollektivnogo litsa [Some problematic aspects of understanding the legal personality of an individual and collective person]. *Pravovoi status i pravosub"ektnost' litsa: teoriia, istoriia, komparativistika: Materialy VIII Mezhdunar. nauchn.-teor. konf. (Sankt-Peterburg, 14–15 dekabria 2007 g.)* [Legal status and legal personality of a person: theory, history, comparative studies: Proc. VIII Intern. Sci.-theoretic. Conf. (Saint-Petersburg, December 14–15, 2007)]. Saint-Petersburg, part 1 (2007): 3–11.
6. Yakimov A. Yu. *Status sub"ekta prava (teoreticheskie voprosy)* [The status of the subject of law (theoretical questions)]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, no. 4 (2003): 5–10.

7. Vitruk N. V. *Obshchaia teoriia pravovogo polozheniia lichnosti* [General theory of the legal status of a person]. Moscow: Norma, 2008, 448.
8. Matuzov N. I. Pravovoi status lichnosti: poniatie i struktura [The legal status of the individual: the concept and structure]. *Pravoporiadok i pravovoi status lichnosti v razvitom sotsialisticheskom obshchestve v svete Konstitutsii SSSR 1977 goda* [Law and order and the legal status of the individual in a developed socialist society in the light of the 1977 USSR Constitution]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980, 58–67.
9. *Obshchaia teoriia prav cheloveka* [General theory of human rights]. Ed. Lukashova E. A. Moscow: Norma, 1996, 509.
10. Starilov Iu. N. *Sluzhebnoe pravo* [Service law]. Moscow: BEK, 1996, 698.
11. Vasilenko A. I. Prava gosudarstvennykh sluzhashchikh kak osnova ikh pravovogo statusa po rossiiskomu zakonodatel'stvu [The rights of civil servants as the basis of their legal status under Russian law]. *Iuridicheskii mir = Juridical World*, no. 1 (2009): 32–36.
12. Dubrovin A. K. Pravovoi status sotrudnika politzii: teoretiko-pravovoi aspekt [The legal status of a police officer: the theoretical and legal aspect]. *Rossiiskaia iustitsiia = Russian Justitia*, no. 12 (2011): 61–63.
13. Kozbanenko V. A. *Pravovoe obespechenie statusa gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh (teoretiko-administrativnye aspekty)*. Avtoref. diss. doktora iurid. nauk [Legal support of the status of civil servants (theoretical and administrative aspects). Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2003, 50.
14. Ovsianko D. M. *Gosudarstvennaia sluzhba Rossiiskoi Federatsii* [State Service of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Iurist", 2003, 287.
15. Surmanidze I. N. Aspekty administrativno-pravovogo statusa gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Aspects of the administrative and legal status of civil servants]. *Munitsipal'naia sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: Legal Issues*, no. 3 (2008): 2–5.
16. Novoselova N. V. *Obiazannosti i prava gosudarstvennogo sluzhashchego*. Diss. kand. iurid. nauk [Duties and rights of a public servant. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Ekaterinburg, 2001, 197.
17. Bulavin S. P., Chernikov V. V. Pravovoi status sotrudnika politzii [The legal status of a police officer]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, no. 9 (2011): 2–10.
18. Mitrokhin V. V. Administrativno-pravovoi status sotrudnika organov vnutrennikh del kak federal'nogo gosudarstvennogo sluzhashchego i problemy ego realizatsii [Administrative and legal status of an employee of internal affairs bodies as a federal civil servant and problems of its implementation]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, no. 6 (2015): 594–602.
19. Abyzova E. R. *Pravovoi status sotrudnika organov vnutrennikh del (obshcheteoreticheskie aspekty)*. Diss. kand. iurid. nauk [The legal status of an employee of the internal affairs bodies (general theoretical aspects). Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 2006, 212.
20. Okhotskij E. V. Pravovoi status gosudarstvennogo sluzhashchego Rossiiskoi Federatsii [Legal status of state employee of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, no. 9 (2003): 17–26.
21. Kazachenkova O. V. Konflikt interesov na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe [Conflict of interests in the civil service]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 3 (2006): 78–83.
22. Chernova E. G. *Zakonnost' i iuridicheskaiia otvetstvennost': sootnoshenie ponatii*. Diss. kand. iurid. nauk [Legality and legal responsibility: the correlation of concepts. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 2014, 219.
23. *Obespechenie zakonnosti v deiatel'nosti organov vnutrennikh del* [Ensuring legality in the activities of internal affairs bodies]. Ed. Lazarev V. V., Afanas'ev V. S., Granat N. L. Moscow: Iurist, 1993, 157.
24. Butylin V. N. Iuridicheskaiia otvetstvennost' sotrudnikov organov vnutrennikh del kak sredstvo obespecheniia prav cheloveka v ikh deiatel'nosti [Legal responsibility of law enforcement officers as a means of ensuring human rights in their activities]. *Problemy obespecheniia prav cheloveka v deiatel'nosti organov vnutrennikh del po materialam moskovskogo (1991) soveshchaniia konferentsii po chelovecheskomu izmereniiu SBSE: Materialy nauch.-prakt. konf.* [Problems of ensuring human rights in the activities of law enforcement agencies based on materials from the Moscow (1991) CSCE Human Dimension Meeting: Proc. Sci.-Prac. Conf.]. Moscow: Akademiia MVD RF, 1994, 75–76.

**Указатель статей, опубликованных в журнале
«Вестник Кемеровского государственного университета»
Серия: Гуманитарные и общественные науки» в 2018 году**

	№	Стр.
ПЕДАГОГИКА		
<i>Аксенова А. Н., Комяков О. С., Шварцкопф Е. Ю.</i> Особенности здоровьесберегающей подготовки личности обучающегося в модели непрерывного образования	1	4–9
<i>Алмазова Н. И., Попова Н. В.</i> Пути совершенствования обучения техническому переводу магистрантов лингвистического профиля	2	4–12
<i>Волгина Е. А., Угольников О. А.</i> Популяризация занятий шахматами в системе непрерывного образования как условие оптимизации развития личности	3	13–19
<i>Гапиенко Т. А., Козырев Н. А., Митькина Е. В.</i> Педагогическая поддержка и фасилитация в модели развития обучающегося в системе непрерывного образования	2	5–10
<i>Гутак О. Я., Козырев Н. А., Козырева О. А.</i> Профессионализм личности как продукт персонификации развития и непрерывного образования	1	10–14
<i>Емельянова Н. Р.</i> Педагогические классы при женских гимназиях как феномен российской системы образования второй половины XIX в.	3	20–25
<i>Жуланова В. П., Вострикова Е. А., Фомичев Р. С.</i> Тьюторское сопровождение как механизм формирования ИКТ-компетентности педагогов в процессе непрерывного образования	2	11–19
<i>Зубарева Т. А., Мальковец Н. В.</i> Создание сети взаимодействия вуза с партнерами для освоения проектной составляющей в профессии	1	15–21
<i>Калистратова В. В., Устинова Л. А., Медевец О. В.</i> Управление качеством организации учебно-воспитательной работы: проблемы, достижения и перспективы	4	4–10
<i>Каргин Н. И., Свиarenко В. Г., Козырева О. А.</i> Инновационная педагогика как продукт и условие развития современного образования	3	26–32
<i>Копытова С. М.</i> Возможности образовательной системы как инструмента формирования безопасности дорожного движения	1	22–26
<i>Маринич Н. В., Козырев Н. А., Шевченко Р. А.</i> Культура профессиональной деятельности личности: детерминанты и модели	4	11–19
<i>Матвеев А. А., Невзоров Б. П.</i> Педагогические основания формирования культуры самостоятельной работы студента – будущего инженера-строителя	4	20–32
<i>Отческая Т. И.</i> Роль юридического образования и юридической науки в подготовке высококвалифицированных специалистов	2	20–24
<i>Платоненко А. И., Лысак А. В., Шварцкопф Е. Ю.</i> Педагогические условия оптимизации подготовки будущих педагогов по физической культуре	1	27–32
<i>Ракир М. Г., Черемнова Т. В.</i> Элементы здоровьесберегающей технологии на уроках химии	1	33–37
<i>Русинович А. А., Угольников О. А.</i> Педагогические основы реализации идей здоровьесбережения в системе занятий ритмопластикой	4	33–40
<i>Туманова Т. Н., Козырев Н. А., Митькина Е. В.</i> Педагогическая поддержка как модель и продукт педагогической деятельности и непрерывного образования	2	25–30
ФИЛОСОФИЯ		
<i>Бикметов Р. С., Золотухин В. М.</i> Социально-философский и исторический аспекты развития угольной промышленности в Кузбассе и ее влияние на региональные экологические проблемы	3	33–39
<i>Жукова О. И., Жуков В. Д.</i> Экзистенцирующий тип человека как выражение историко-социального бытия	4	41–48

	№	Стр.
<i>Золотухин В. М.</i> Социально-философские и социокультурные аспекты экологической безопасности	1	38–43
<i>Казаков Е. Ф., Чеснокова Е. А.</i> К проблеме русской национальной идентичности	2	31–36
<i>Красиков В. И.</i> Специфика некоторых общих методик мыслительного моделирования: диалектика, системно-структурный подход, синергетика	2	37–41
<i>Курбачева О. В.</i> Феномен этнического ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога	4	49–56
<i>Мишенин С. Е.</i> Технический брак: природа, причины, минимизация	1	44–48
<i>Равочкин Н. Н.</i> Модернизация и политико-правовые институты	2	42–50
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ		
<i>Абакумова Е. Б.</i> Динамика развития предпринимательского права в России	3	40–47
<i>Абакумова Е. Б.</i> К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской Федерации	2	51–57
<i>Бакирова А. М.</i> Интеграция правовых институтов мусульманской школы права в правовую систему Республики Казахстан	2	58–61
<i>Беляев М. В.</i> О значении мотивированности судебных решений в уголовном процессе	4	57–61
<i>Берилло М. С.</i> Непоименованные способы защиты гражданских прав	2	62–66
<i>Боголюбов Е. А.</i> Правовой статус члена общественной организации в Российской империи и РСФСР: сравнительно-правовой анализ	2	67–70
<i>Бодяк Н. Е.</i> Договор возмездного оказания услуг: особенности заключения и исполнения	2	71–76
<i>Ваймер Е. В.</i> Налоговая правосубъектность налогоплательщика-организации	3	48–52
<i>Владыкина Т. А.</i> Дискуссионные вопросы подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей	3	53–57
<i>Гаврилов С. О.</i> К вопросу о создании советской адвокатуры	4	62–69
<i>Грбич-Павлович Н.</i> Исправительные лагеря и иные специальные учреждения для несовершеннолетних	2	77–85
<i>Драпезо Р. Г.</i> Попытка выделить оперативно-разыскное обеспечение убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, в специальную категорию оперативно-разыскной деятельности	4	70–75
<i>Евсикова Е. В.</i> Некоторые аспекты установления, введения и взимания курортного сбора в республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае	2	86–92
<i>Кожевников О. А.</i> Полномочия прокурора в надзоре за законностью оперативно-розыскной деятельности	3	58–63
<i>Косарев К. В.</i> Обзор судебной практики по делам, связанным с разделом совместно нажитого супругами имущества	3	64–67
<i>Марухно Е. Ю.</i> Альтернативные доктрины соотношения европейского публичного права и международного права	4	76–83
<i>Марьян И. А., Раззорова И. Н.</i> Актуальные вопросы организации доследственной проверки по сообщениям о незаконной рубке лесных насаждений	1	49–54
<i>Обернихина О. В.</i> Актуальные проблемы привлечения к труду осужденных	3	68–74
<i>Опилат Н. И., Опилат М. В.</i> Развитие земельного законодательства: проблемы постсоветского периода и современные тенденции	3	75–80
<i>Паканич С. И.</i> Некоторые вопросы социально-правовой защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы России в условиях реформирования	3	81–86
<i>Переладов А. В.</i> Право приостановления исполнения решения суда, предъявленного взыскателем в кредитную организацию	3	87–95

	№	Стр.
<i>Подгорбунская Н. О.</i> Правовая природа новации как способа прекращения обязательства	2	93–98
<i>Попова Д. Г.</i> Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы	4	84–91
<i>Рахвалова Д. О.</i> К вопросу о соотношении единого недвижимого комплекса и сложной вещи	2	99–102
<i>Репин А. В.</i> Учёт особенностей психологической защиты подозреваемых и обвиняемых, совершивших насильственные преступления, для осуществления рефлексивного управления при проведении допроса	4	92–98
<i>Силаев С. А., Ковылов И. В.</i> Криминообразующие признаки торговли людьми в международном и российском уголовном праве	1	55–65
<i>Смыслова В. Н.</i> К вопросу о взаимной обусловленности экстремистских проявлений и протестной активности представителей ЛГБТ-сообществ	2	103–108
<i>Стоянович З.</i> Концепция уголовно-правового минимализма в современных условиях	1	66–73
<i>Токарева С. Н.</i> Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920–1930-е гг.	2	109–116
<i>Трезубов Е. С.</i> О фидуциарности отношений покрытия в поручительстве, или о влиянии перемены лиц на стороне должника на судьбу поручительства	1	74–81
<i>Трещева О. Ю.</i> Муниципальные акты, регулирующие осуществление, обеспечение и защиту прав и свобод человека	4	99–103
<i>Чернова Е. Г.</i> О влиянии законности и юридической ответственности на формирование правового статуса должностных лиц органов внутренних дел	4	104–109
<i>Этина Т. С.</i> Унификация процессуальных правил посредством межотраслевой аналогии	3	96–102
<i>Яргутова В. Ю.</i> Предпосылки эффективности и правильности использования специальных экономических знаний сотрудников отделов документальных исследований	1	82–87

**Index of articles published in the journal "Bulletin of Kemerovo State University.
Series: Humanities and Social Sciences" in 2018**

	No	Pages
JURISPRUDENCE		
<i>Abakumova E. B.</i> Business Law in Russia: Dynamics of Development	3	40–47
<i>Abakumova E. B.</i> The Legal Meaning of the State Ideology in the Russian Federation	2	51–57
<i>Badziak N. E.</i> Services Agreement: Conclusion and Execution	2	71–77
<i>Bakirova A. M.</i> Integration of Legal Institutions of the Muslim School of Law in the Legal System of the Kazakhstan Republic	2	58–61
<i>Beliaev M. V.</i> On the Importance of Motivation of Judicial Decisions in Criminal Proceedings	4	57–61
<i>Berillo M. S.</i> Non-defined Ways of Civil Rights Protection	2	62–66
<i>Bogolyubov E. A.</i> Legal Status of a Public Organization Member in the Russian Empire and the Russian Soviet Federative Socialist Republic: a Comparative Legal Analysis	2	67–70
<i>Chernova E. G.</i> The Influence of Legality and Legal Responsibility on the Formation of the Legal Status of Officials of Internal Affairs	4	104–109
<i>Drapezo R. G.</i> Investigation of Murders where Fire Acts as a Tool (Method) of Suppression of Crime Traces as a Special	4	70–75
<i>Etina T. S.</i> Unification of Procedural Rules Through Cross-Functional Analogy	3	96–102
<i>Evsikova E. V.</i> Some Aspects of Establishment, Introduction and Collection of Resort Fee in the Republic of Crimea, Altai, Krasnodar and Stavropol Region	2	86–92
<i>Gavrilov S. O.</i> The History of the Soviet Bar Association	4	62–69
<i>Grbić-Pavlović N.</i> Correctional Boot Camps and Other Special Institutions for Juveniles	2	77–85
<i>Kosarev K. V.</i> Review of Judicial Practice in Cases Related to the Division of Marital Property	3	64–67
<i>Kozhevnikov O. A.</i> Powers of the Prosecutor in Supervision of Legality of Operational and Search Activity	3	58–63
<i>Marian I. A., Razzorenova I. N.</i> Topical Issues of Pre-investigation of Reports on Illegal Logging	1	49–54
<i>Marukhno E. Y.</i> Alternative doctrines of the correlation of European public law and international law Category of Operational-Investigative Activity	4	76–83
<i>Obernikhina O. V.</i> Contemporary Issues of Prison Population Recruitment	3	68–74
<i>Opilat N. I., Opilat M. V.</i> Development of Land Legislation: Problems of the Post-Soviet Period and Contemporary Trends	3	75–80
<i>Pakanich S. I.</i> Social and Legal Protection of the Staff of the Russian Penal System under Reform	3	81–86
<i>Peraladov A. V.</i> The Right to Suspend Enforcement of the Judgment Filed by the Creditor in the Credit Institution	3	87–95
<i>Podgorbunskaya N. O.</i> The Legal Nature of Novation as Termination of Obligation	2	93–98
<i>Popova D. G.</i> Professional Judicial Representation: Current Situation and Prospects	4	84–91
<i>Rakhvalova D. O.</i> Single Real Estate Complex vs. Complex Thing	2	99–102
<i>Repin A. V.</i> Psychological Defense in Suspects and Defendants Charged with a Crime of Violence: Reflexive Control during Interrogation	4	92–98
<i>Silaev S. A., Kovylov I. V.</i> Essential Elements of the Crime in Human Trafficking according to International and Russian Criminal Law	1	55–65
<i>Smyslova V. N.</i> Interdependence of Extremist Manifestations and Protest Activity of LGBT Communities	2	103–108

	No	Pages
Stojanović Z. The Concept of Penal Minimalism in Modern Conditions	1	66–73
Tokareva S. N. Social Policy towards Militia Personnel in 1920–1930s	2	109–116
Trescheva O. Yu. Municipal acts governing the implementation, enforcement and protection of human rights and freedoms	4	99–103
Trezubov E. S. Fiduciary of the Coverage Relationship in Surety, or the Substitution of Parties on the Debtor’s Side and its Influence on the Surety Procedure	1	74–82
Vaimir E. V. Tax Legal Personality of a Taxpaying Organization	3	48–52
Vladykina T. A. Criminal Cases and Trial Jury: Argumentative Issues	3	53–57
Yargutova V. Yu. Efficient and Accurate Use of Special Economic Knowledge by Documental Research Staff	1	82–87
PEDAGOGICS		
Aksenova A. N., Komyakov O. S., Shvartskopf E. Yu. Health-Saving Training in the Model of Continuing Education	1	4–9
Almazova N. I., Popova N. V. Ways of Improving Technical Translation Training of Linguistic Majors	3	4–12
Emelyanova N. R. Pedagogical Classes at Girls’ High Schools as a Phenomenon of the Russian Educational System in the Second Half of the XIX Century	3	20–25
Gapienko T. A., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogical Support and Facilitation in the Development Model within the System of Continuous Education	2	5–10
Gutak O. Ya., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Professionalism as a Product of Personalized Development and Continuous Education	1	10–14
Kalistratova V. V., Ustinova L. A., Medelets O. V. Quality Management of Curriculum and Discipline: Problems, Achievements, and Prospects	4	4–10
Kargin N. I., Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. Innovative Pedagogy as a Product and Condition of the Development of Modern Education	3	26–32
Kopytova S. M. Educational System as a Tool for Road-Traffic Safety Education	1	22–26
Marinich N. V., Kozyrev N. A., Shevchenko R. A. Culture of Individual Professional Activity: Determinants and Models	4	11–19
Matveev A. A., Nevzorov B. P. Formation of Self-Study Culture in Future Civil Engineers: Pedagogical Foundations	4	20–32
Otcheskaya T. I. The Role of Legal Education and Legal Science in the Training of Highly Qualified Specialists	2	20–24
Platonenko A. I., Lysak A. V., Shvartskopf E. Yu. Pedagogical Conditions for Optimization of Teaching Instructors F. PE	1	27–32
Rakir M. G., Cheremnova T. V. Elements of Health-Preserving Technologies at Chemistry Classes	1	33–37
Rusinovich A. A., Ugolnikova O. A. Health Saving in Calisthenics Pedagogical Foundations	4	33–40
Tumanova T. N., Kozyrev N. A., Mitkina E. V. Pedagogical Support as a Model and Product of Pedagogical Activity and Continuous Education	2	25–30
Volgina E. A., Ugolnikova O. A. Chess Classes in the System of Lifelong Learning as a Means of Personal Enhancement	3	13–19
Zhulanova V. P., Vostrikova E. A., Fomichev R. S. Tutor Support as a Mechanism for Informational and Communicative Competence Formation in Teachers in the Process of Continuous Education	2	11–19
Zubareva T. A., Malkovets N. V. Interaction Network between a Higher Education Institution and its Partners as a Professional Project Component	1	15–21

	No	Pages
PHILOSOPHY		
<i>Bikmetov R. S., Zolotukhin V. M.</i> Socio-Philosophical and Historical Aspects of Coal Industry Development in Kuzbass and its Impact on Regional Environmental Problems	3	33–39
<i>Kazakov E. F., Chesnokova E. A.</i> The Problem of Russian National Identity	2	31–36
<i>Krasikov V. I.</i> Specificity of Some General Methods of Thought Modeling: Dialectics, System-Structural Approach, and Synergetics	2	37–41
<i>Kurbacheva O. V.</i> The Phenomenon of Ethnic Renaissance in the Conditions of the Global Transcultural Dialogue	4	49–56
<i>Mishenin S. E.</i> Technical Drawbacks: Nature, Causes, and Minimization	1	44–48
<i>Ravochkin N. N.</i> Modernization of Political and Legal Institutions	2	42–50
<i>Zhukova O. I., Zhukov V. D.</i> Existential Personality Type as an Expression of Historical and Social Being	4	41–48
<i>Zolotukhin V. M.</i> Socio-Philosophical and Socio-Cultural Aspects of Ecological Safety	1	38–43

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series:
Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Невзоров Борис Павлович, главный редактор

Тел.: 8(384-2)58-38-48

E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна, технический редактор.

Тел.: 8(384-2)58-13-01

E-mail: vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Boris P. Nevzorov, Editor-in-Chief

Tel.: 8(3842)58-38-48

E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova, Technical Editor

Tel.: 8(3842)58-13-01

E-mail: vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 20.12.2018.

Дата выхода в свет 28.12.2018.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А 4. Усл. печ. л. – 13. Уч.-изд. л. – 10.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.